

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-BUTKEV

Открыто: 2007.04.30 23:42
Закрито: 2007.05.01 00:01
Версия: 2017.05.06 13:47

ISBN 9984-9395-5-3
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2017

ISBN
Т.И. Буткевич. «Жертвоприношения»
© public domain

Буткевич Тимофей Иванович

Т.И. Буткевич

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2017

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Т.И. Буткевич. «Жертвоприношения»

Проф.-Прот. Т.И. Буткевич¹

О смысле и значении кровавых жертвоприношений в дохристианском мире и о так называемых «ритуальных убийствах»

*Без пролития крови не бывает прощения
(Евр. 9, 22).*

Богословско-религиозный журнал «Вера и разум»
№№ 21–24 за 1913 год
Харьков

О смысле и значении кровавых жертвоприношений в дохристианском мире и о так называемых «ритуальных убийствах»²

Самую существенную составную часть всякого вообще религиозного культа представляют молитвословия и жертвы, приносимые человеком Богу. В дохристианском мире были различаемы два вида жертв: мирные или безкровные и кровавые. Вознося свою молитву Богу, как иудеи, так и язычники признавали необходимым приносить к алтарю и различные дары от своего имени и своих трудов: хлеб, муку, вино, елей, ладан или смирну, соль и драгоценные вещи: золото, серебро, деньги, пурпуровые и висонные материи (ср. Исх., 25, 3–7). Но особенно угодным Богу дохристианские народы считали принесение кровавых жертв. На этих то жертвоприношениях мы и останавливаем в настоящий раз внимание читателя.

В основе культа кровавых жертвоприношений, бесспорно, лежало верование, что только пролитием крови и смертью невинного и чистого существа человек может угодить Богу и достигнуть своего примирения с Ним; это верование имело свой основной корень в истории грехопадения наших прародителей. Когда первый человек разорвал свой союз с Богом и перешел на сторону врага своего – дьявола, правда Божия изрекала над ним свой приговор: «ты должен умереть (Быт. 2, 27); ибо ты получил жизнь не по заслугам своим, а по одной милости Божией; лишив же себя преступно этой милости, ты вместе с тем лишил себя и права на жизнь». Таково требование справедливости. Если же удовлетворение правде Божией не последовало в тот самый день, когда человек отпал от Бога, и если оно было отодвинуто на довольно отдаленное время и даже перенесено с греховного человечества на безгрешного обетованного Искупителя, то причина этого заключалась единственно в том, что беспредельная милость Божия предварила Божественное правосудие. Тем не менее, и приговор правды Божией никогда не мог утратить своей силы. Человечество усвоило верование, что без пролития крови не может быть достигнуто прощение (Евр. 9, 22), – и это-то верование нашло для себя выражение в дохристианских кровавых жертвоприношениях.

---

¹ 1854.03.05 – 1925.02.13. Родился в Харьковском уезде, сын священника; в 1875 закончил Харьковскую Духовную семинарию, в 1879 Московскую Духовную академию и стал кандидатом богословия; 6 ноября 1878 рукоположен в священники; издавал книги, за одну из них «Жизнь Христа...» в 1884 получил степень магистра богословия, за другую «Религия, ее сущность и происхождение...» в 1904 году степень доктора богословия. В 1893 возведен в сан протоиерея, в 1894 назначен профессором богословия в Харьковском университете и настоятелем университетской церкви. После 1905 года активист монархического движения; в 1906 избран членом Государственного совета и жил в Петербурге. После Февральской революции вернулся в Харьков, где оставался и при большевиках. Умер от воспаления легких в возрасте 70 лет – **В.Э.**

² Доклад, прочитанный 18 октября 1913 г. в Русском Собрании в С.-Петербурге, по поводу дела Бейлиса, производившегося в Киевском Окружном Суде в сентябре и октябре месяцах 1913 г. Еврей Бейлис был предан суду по обвинению в соучастии в убийстве ученика Киево-Софийского духовного училища, вне брака рожденного, Андрея Ющинского, 13 лет от роду, по религиозным мотивам.

Как сильно было это верование и как велико было томление духа человеческого, стремившегося к примирению с Божеством, это видно из того, что культ кровавых жертвоприношений в древнем мире был чрезвычайно распространен как среди иудеев, так и среди язычников. Один ученый историк замечает, что в Азии едва ли можно найти пядь земли, которая не была бы обогрета кровью жертвенных животных. Мы думаем, что в этих словах преувеличения немного. У евреев, напр., неопустительно были совершаемы ежедневно два кровавых жертвоприношения: утреннее и вечернее (Исх. 29, 38; Числ. 28, 3, 4), кроме жертвоприношений от частных лиц. Но бывали случаи, когда в один день было приносимо весьма большое количество кровавых жертв. Так, в день своего помазания на царство Соломон принес в Гаваоне 1000 всеожженных (3 Цар. 3, 4); в день освящения храма Иерусалимского им было принесено в жертву Богу 22'000 волов и 120'000 овец (3 Цар. 8, 63. Ср. Парал. 7, 5). Вообще же Соломон приносил неопустительно множество жертв три раза в год: в праздник опресноков, и в праздник седмиц, и в праздник кушей, помимо жертв, требуемых установлениями закона на каждый день, а также в субботы и новомесечия. Обильные жертвы были приносимы, впрочем, и другими благочестивыми царями, например, Давидом (2 Цар. 6, 13), Иосафатом (2 Парал. 17, 4), Иоасом, Озиною и Езекию (2 Парал. 29, 32, 33). Возвратившиеся из плена Вавилонского иудеи, празднуя освящение новоустроенного храма в Иерусалиме, при всей скудости своей принесли в жертву Богу сто волов, двести овнов, четыреста агнцев, двенадцать козлов за грехи всего Израиля по числу двенадцати колен Израильских (2 Ездр. 7, 7, 8). Даже Ирод, по свидетельству Иосифа Флавия³, в день торжественного освящения реставрированного им храма Иерусалимского принес в жертву Богу триста волов; а сколько животных было принесено тогда в жертву частными лицами, – этого, – говорит Флавий, определить нельзя, по причине необычайно великого количества закланных животных. Есть указание, что иногда в праздник пасхи в Иерусалиме было закалаемо до 260'000 агнцев⁴.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в жертву Богу были приносимы не все вообще животные, а только удовлетворявшие известным требованиям и непременно – домашние, ближайшие к человеку, так сказать, его друзья и помощники в тяжелых его трудах, некоторым образом даже заменявшие его в этом отношении. Это обстоятельство, несомненно, находится в связи с верованием, которое было разделяемо всеми дохристианскими народами, что приносимые в жертву животные заступают место самого человека, приносящего жертву, заменяют его собою. *Плутарх* передает следующее известие об особенном классе египетских жрецов, которых он называет *сфрагиста*. «Эти жрецы, – говорит он, – приносили Тифону в жертву *рыжего* быка, на котором не могло быть ни одного волоска – ни белого, ни черного, причем это жертвенное животное они предварительно отмечали печатью, *изображавшею человека, стоявшего на коленях с завязанными назад руками и с приставленным к горлу мечом*. Прежде принесения этого быка в жертву, они произносили над его головою *проклятия*». Из этого рассказа ясно видно, что, по верованию древних египтян, в жертву Богу следовало бы приносить не животное, а самого человека...

После этого неудивительно, что среди дохристианских народов был широко распространен культ приношения в жертву не только животных, но и людей и притом преимущественно – грудных младенцев, невинных юношей и целомудренных дев. Не много дошло до нашего времени древних исторических памятников, на основании которых мы могли бы составить себе верное и обстоятельное представление о верованиях, культе, нравах, обычаях и жизни древних народов; но и того материала, которым мы располагаем, вполне достаточно для утверждения, что в жертву богам приносили людей древние индийцы, персы, сирийцы, финикияне, египтяне, арабы, карфагеняне, эфиопляне, греки, римляне, кельты, германцы, славяне, литовцы, скандинавы, скифы и др. Некоторые из древних народов, кроме грудных младенцев, юношей и девиц, приносили в жертву богам даже своих царей и верховных жрецов, веруя, что чем сановнее и важнее люди, приносимые ими в жертву, тем их жертва приятнее Божеству.

В подтверждение сказанного, чтобы не раздвигать рамки своего рассуждения, мы сошлемся на немногие, но не подлежащие сомнению, исторические факты.

Геродот, *Помпоний Мела* и *Плиний* согласно свидетельствуют, что *древние индийцы* не только приносили живых людей в жертву богам, но и ели, как святыню, жертвенное

³ Древн. иуд. Перев. Самуилова. ч. III. Спб. 1795, Стр. 62.

⁴ Срав. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа». Перев. Лопухина. Спб., 1885, стр. 374.

человеческое мясо. «Нередко, ради угождения божеству, особенно во время свирепствования чумы и моровой язвы, они привязывали людей к столпам и бросали их в пропасть с какой-либо скалы. Факиры их добровольно приносили себя в жертву богам, бросаясь в огонь, в воду или со скалы. Даже и в настоящее время они считают богоугодным делом – изрезывать кинжалами до крови свои лица и свою грудь».

Персидский царь Ксеркс, собираясь в поход против греков, как известно, принес в жертву богам сына своего друга и союзника, лидийского царя Пифия; а о супруге его Аместриде Геродот рассказывает, что, в благодарность подземным богам, она приказала зарыть живыми в землю четырнадцать персидских юношей, сыновей знатнейших персидских сановников.

По свидетельству Страбона, *сирийцы* имели обыкновение раскармливать особыми сытными блюдами рабов, служивших при капище, и затем умерщвляли их в честь того или другого божества. В Лаодикии ежегодно приносили в жертву Палладе или Астарте невинную и красивую девушку. О сирийских колонистах-сепарвимцах писатель четвертой книги царств (17, 31) говорит, что они «сожигали сыновей своих в огне Адрамелеху и Анамелеху, богам сепарвимским». По словам Лукиана, в Иераполе, в Сирии, было в обычае приносить детей в жертву богине Астарте.

Что *финикияне* умерщвляли грудных младенцев для умилоствления своего бога Ваала или Молоха, это – факт общеизвестный, засвидетельствованный многими древними писателями (Порфирием, Филоном, Геродотом, Клитархом и др.). Но, кроме того, в Библосе были приносимы в жертву Адонису красивые белокурые мальчики, а по словам Евсевия, финикияне ежегодно умерщвляли своих «единородных» сыновей и в честь Сатурна. Таким именно способом они надеялись предотвратить предпринятую Александром Македонским осаду Тира. Имея намерение совершать что-либо важное, они всегда обрекали своих детей на заклание. Кости несчастных жертв они почитали святынею и возили их с собою даже во время путешествий. По верованию финикиян сам бог Хронос или Израэль (сильный бог), управлявший их страной, однажды, во время ужасной чумы и голода, принес в жертву себе своего единственного сына Иегуда, одев его в царские одежды, на устроенном для того на небе жертвеннике. Здесь кстати вспомнить и о другом мифе, по которому Хронос также и у греков пожрал всех своих детей.

Много есть указаний на то, что *карфагеняне* часто умерщвляли людей для умилоствления своих богов. По свидетельству Иустина, карфагенский полководец Малеус принес в жертву богам своего победоносного сына Картало: надев на его голову тиару жреца и облачив его в царскую пурпуровую мантию, он пригвоздил его к высокому кресту. Геродот рассказывает нам о том, как карфагенский полководец Гамилькар, во время сражения с сиракузским царем Гелоном, с утра до вечера приносил в жертву богам бесчисленное количество людей, а потом и сам бросился в огонь. По свидетельству Евсевия, у карфагенян был даже особый железный идол с простертыми вперед руками; раскалив его сначала докрасна огнем, жрец брал у какой-либо несчастной матери ее грудного ребенка и клал его на руки идола, на которых он начинал жариться, а затем падал вниз в пылавший огонь и там сгорал совершенно. Когда царь Агафокл осадил Карфаген, жители этого города, как рассказывает Диодор, принесли в жертву богам более 200 юношей из самых знатнейших семейств. Но этого мало: нашлось еще 300 юношей, почти отроков, которые добровольно предложили заклать себя в жертву. Вообще же карфагеняне, по словам Иустина, более других язычников были уверены в том, что самую угодною и наиболее умилоствительною жертвою богам было умерщвление невинных младенцев, причем матерям строжайше было запрещено оплакивать своих детей; напротив, во время самого приношения их в жертву, они должны были неистово плясать под оглушительные звуки грубых музыкальных инструментов. Этот ужасный и бесчеловечный религиозный культ существовал в северной Африке еще во времена Тертуллиана, т.е., и после разрушения Карфагена. По свидетельству Плутарха, жестокость этого культа была несколько смягчена тем, что богатые женщины могли заменять собственных детей чужими, купленными у жрецов, которые приобретали их на рынках и особенным образом подкармливали для жертвоприношений. У карфагенян, как и финикиян, были особенные ковчежцы, в которых, как святыня, сохранялись кости принесенных в жертву младенцев.

Геродот, Аполлодор, Манеф, Порфирий и Плутарх уверяют, что культ приношения людей в жертву богам у *египтян* так же был широко распространен, как и у карфагенян. Чаще всего такие жертвоприношения были совершаемы в городе Бузирисе, где был будто бы погребен египетский бог Озирис. Жители Гелиополиса также имели обычай ежедневно приносить в своем

храме в жертву богам трех человек. Кроме того, один раз в год, раннею весною, египтяне бросали в Нил какую-либо молодую и красивую рабыню, прося Изиду о даровании им обильного урожая в Нильской долине. В этом отношении они отличались от других языческих народов тем, что не только приносили людей в жертву своим богам, но и ели их мясо, и пили их кровь, приписывая этой ужасной пище какое-то мистическое и в частности – целебное значение. Об этом говорит Аполлодор; но то же подтверждает и Ювеналий в своей 15-ой сатире, говоря, что египтяне имели обычай умерщвлять в честь Озириса своих пленников и есть их мясо. Нельзя не отметить здесь того обстоятельства, что жители Египта приносили в жертву богам как людей, так и быков только *рыжих* или *красных*.

У Прокопия, Евагрия, Геродота и даже в коране встречаются ясные указания на то, что культ человеческих жертвоприношений был не чужд также и *арабам*. Отец Магомета, Абдалах, считал весьма богоугодным делом заклание в жертву малолетних детей. Такими жертвоприношениями арабы в особенности старались умиловать своего бога Гобала или Оротала. Его изваяние стояло на священном камне Каабе и было окружено другими идолами, число которых простиралось до 360-ти. Ороталу древние арабы приносили в жертву людей в седьмой день каждой недели. *О сарацинском* князе Номане рассказывают, что одного пленника царского рода он заклал в жертву идолам даже собственными руками. Было в обычае у арабов приносить в жертву богам и красивых целомудренных девиц. Крови такого рода жертв они приписывали магическую целебную силу.

По учению *эфиопских* жрецов, только смерть царей могла искуплять их народ от грехов, поэтому эфиопляне, как свидетельствует Диодор, до времен Птолемея II приносили в жертву богам даже своих царей.

Что касается *греков*, то и у них, несмотря на их высокую культуру, не были редкостью человеческие жертвоприношения, хотя и были они распространены преимущественно среди островитян. Впрочем, Минотавру сами афиняне, в день каждого нового года, приносили в жертву семерых юношей и семерых дев, которых они торжественно приводили к идолу и побивали пред ним дубинами. В 596 году до Р.Х. в такую бесчеловечную жертву добровольно предложил себя какой-то безумный юноша Кратин. На острове Крите, где будто бы находилась могила Зевса, человеческие жертвоприношения были наиболее употребительными. Здесь приносили в жертву богам каждого чужеземца, случайно попавшего на берег, причем с его спины сдирали кожу, чтобы извлечь из тела всю кровь, которой приписывали особую искупительную силу и которую критяне пили с жадностью. Критский царь, девкалионид Идомений, по обету, данному богам, принес в жертву собственного сына, так как, по верованию критян, то же самое ради них сделал с своим сыном и бог их – Хронос. Лесбосцы приносили людей в жертву богу своему Дионисию. То же делали, по свидетельству Порфирия, хиосцы и тенедосцы. На острове Лемносе было в обычае умерщвлять, в честь Паллады, девиц-дочерей туземцев и невольниц. Эолийцы считали наиболее угодно богам жертвою заклание новорожденных младенцев. На Андросе, как и в Трое, в жертву богам приносили так называемых *гьеродулов* храмовых прислужников и двенадцатилетних девочек. Таврическая Артемида представляется особенно кровожадною богинею: пред ее истуканом ежедневно приносили в жертву одного мужчину, преимущественно из чужестранцев, потерпевших кораблекрушение, и приплывших к острову. Кровь такой жертвы вливали в особую чашу и, смешав ее с водою, употребляли, как величайшую святыню. Почти такой же возмутительный культ установили у себя и жители Делоса в честь богини Дианы. Они сделали ее идола в виде громадной железной девы с печью внутри; – и на раскаленных руках этого истукана, как и у Молоха, были сожигаемы грудные младенцы. В Беотии в жертву богам были приносимы знатные жрецы и даже цари, и ежегодно, по жребию, – один наиболее красивый юноша. Есть указания, что человеческие жертвы были в употреблении в Тегее, Теспее, Фессалии, Херсонесе, Мелите и других местах.

Подобно всем языческим народам, греки совершали человеческие жертвоприношения в особенности пред сражениями, когда в опасности находилось отечество. В этих случаях цари и полководцы не щадили своих собственных сыновей и дочерей и нередко собственноручно умерщвляли их для умиловления богов. Таких жертв, по большей части требовали и оракулы. Так, – афинянам, во время их войны с элевзинцами, оракул объявил, что победа на их стороне будет лишь тогда, если кто-либо из знатных лиц добровольно принесет себя в жертву богам. И младшая дочь царя, согласно ее желанию, была заклана ее собственным отцом. Примеру ее скоро последовали и ее старшие сестры. Так же поступил, по требованию оракула, царь Леон с своими

трех дочерью, Иакинф принес в жертву богам пять своих дочерей, чтобы избавить афинян от голода и чумы. По указанию мнимого прозорливца Тирезия, ради блага своего народа, умертвил себя Менекей. Добровольною жертвою богам, за спасение Афин, была и дочь Геракла – Макария. Повинуясь требованию оракула, искупительною жертвою были дочери Антипеней. Такова же была участь и последнего афинского царя Кодра. Не подлежит сомнению, что ахейцам и спартанцам также были не чужды человеческие жертвоприношения. Нельзя не отметить здесь того обстоятельства, что все лица, добровольно приносившие себя в жертву богам, были твердо уверены в искупительном значении своей смерти, были убеждены, что умирают для блага народа, ради спасения отечества или прекращения смертности от чумы и моровой язвы.⁵

Не станем указывать многочисленных фактов, убедительно свидетельствующих о том, что и все другие языческие народы от римлян до славян включительно, имели обычай приносить в жертву людей для умилоствления того или другого божества. Для нашей цели мы находим достаточным и сказанного. Но вот интересный, хотя и спорный в науке вопрос: *были ли человеческия жертвоприношения у ветхозаветных евреев?*

Что фактически у ветхозаветных евреев такие возмутительные жертвоприношения иногда существовали, – в этом не может быть никакого сомнения. Характеристическую особенность еврейского народа, по свидетельству Библии, составляли его «жестоковыйность» и неблагодарность в отношении к Иегове, постоянно ему благодетельствовавшему. Читая Библию, нельзя не поражаться тою легкостью, с какою евреи отпадали от почитания истинного Бога и увлекались самыми грубыми и бесчеловечными формами языческого идолослужения и – в особенности культурами Ваала и Молоха. Уже Давид, вспоминая о религиозно-нравственном состоянии своих предков во время их 40-летнего странствования по Аравийской пустыне, говорит: «Они забыли Бога, Спасителя своего, совершившего великое в Египте, дивное в земле Хамовой, страшное у Черного моря... Они прилепились к Ваалфегору и ели жертвы бездушных..., смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их... и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, – и осквернилась земля кровью» (Пс. 105, 21, 22, 28, 35–38). Пророк Амос говорит о евреях того же времени: «Вы носили скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана» (Амос. 5, 26). Такой же упрек делает древним евреям и первоученик христианский, святой архидиакон Стефан (Деян. 7, 43). Но и в позднейшее время – в период правления судей и царей – евреи, усвоившие культ Ваала или Молоха, несомненно, приносили в жертву людей этим языческим божествам. Об Ахазе священный историк (4 Цар. 16, 3) говорит, что он «ходил путем царей Израильских, и даже сына своего провел чрез огонь, подражая мерзости народов, которых прогнал Господь от лица сынов Израилевых». Но «провести кого-либо чрез огонь», на языке Библии значит – сжечь его. Это видно, например, из слов пророка Иезекииля, чрез которого, порицая «дочь Иерусалима (т.е. евреев) за такие же человеческие жертвоприношения, Сам Бог говорит: «Ты взяла сыновей твоих и дочерей твоих, которых ты родила Мне, и приносила в жертву на снадение им (идолам)... Ты и сыновей Моих заколала и отдавала им, проводя их чрез огонь» (Иезек. 16, 20, 21). И в другом месте (23, 37) чрез того же пророка Бог говорит об евреях: «сыновей своих, которых родили Мне, чрез огонь проводили в пищу им (идолам). Ср. 20, 26, 31. Исаия обличает евреев, «закалających детей при ручьях, между разселинами скал» (Ис. 57, 5). У пророка Иеремии Бог свидетельствует (7, 31): «Сыновья Иуды устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал, и что Мне на сердце не приходило». То же самое повторяет Господь и в другом месте (Иерем. 19, 5), поясняя только, что эти ужасные жертвы были приносимы именно «во всесожжение Ваалу». Священный историк царей еврейских также повествует, что в царствование Осии евреи, оставив служение истинному Богу, построили высоты во всех городах своих, поставили на них истуканы и изображения Астарты и служили Ваалу, «и проводили сыновей своих и дочерей своих чрез огонь» (4 Цар. 17, 17). То же самое повествует он о царе иудейском Манасии, который также «провел сына своего чрез огонь» (21,

⁵ В.Э.: Профессор теологии явно преувеличивает. Такое положение могло быть 5000 лет назад, но 2500 лет тому назад уже было значительно иначе. Древние авторы пересказывали разные услышанные ими истории о далеких странах, но эти рассказы (как обычно среди людей) содержали много вымыслов. Многие профессор и сам искажает, например, историю о Минотавре. Афиняне не приносили 7 юношей и 7 девушек в жертву Минотавру, а отдавали их в качестве дани критянам (которые потом уже использовали их в играх с быками, в которых молодые люди могли погибнуть, но могли и не погибнуть).

б). Чрез пророка Иезекииля говорил Господь земле Израильской, т.е. Израильскому народу: «Приведу на вас людей, народ Мой, Израиль, и они будут владеть тобою, земля, и ты будешь наследием их и не будешь более делать их *бездетными*. Так говорит Господь: за то, что говорят о вас: «ты – земля, поедающая людей и делающая народ твой *бездетным*», – за то уже не будешь поедать людей и народа твоего не будешь вперед делать *бездетным*, говорит Господь Бог... Я излил на них гнев Свой за кровь, которую они проливали на этой земле. И Я рассеял их по народам. И пришли они к народам, куда пошли, и обеславили Святое имя Мое (Иезек. 36, 12–14, 18, 20). Знаменитый раввин *Исаак Абарбанель* возмущается этим местом, но не отвергает того, что пророк говорит об употреблении евреями человеческой крови (Толков. fol. 202. col. 4). Только благочестивый царь Иосия запретил иудеям приносить детей в жертву Молоху (4 Цар. 23, 10).

Но если нельзя отрицать того, что евреи, оставив почитание Иеговы и подражая языческим народам, главным образом финикиянам, или хананеянам, приносили в жертву Ваалу или Молоху своих сыновей и дочерей, то с другой стороны не подлежит никакому сомнению, что эти жестокие и возмутительные жертвоприношения были противны Господу. У пророка Иеремии, как мы видели, Бог дважды (7.31; 19, 6) свидетельствует, что Он не повелевал приносить такие жертвы и что мысль об установлении их Ему даже не приходила на сердце. Чрез Моисея же Господь строжайшим образом запретил человеческие жертвоприношения и повелел предавать смертной казни преступающих Его заповедь. «Из детей твоих, – говорил Он Израильскому народу (Лев. 18, 21), – не отдавай на служение Молоху, и не бесчести имени Бога твоего. Я – Господь». «И сказал Господь Моисею говоря: скажи сие сынам Израилевым: кто из сынов Израилевых или из пришельцев, живущих между Израильтянами, даст из детей своих Молоху, тот да будет предан смерти: народ земли да побьет его камнями» (Лев. 20, 1,2). «Не делай так (как язычники делают идолам своим) Господу Богу твоему, ибо всё, чего гнушается Господь, что ненавидит Он, они делают богам своим: они и сыновей своих, и дочерей своих сожигают на огне богам своим» (Второз. 12, 31). «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь» (18, 10). Что Бог не только не устанавливал, но и не терпел человеческих жертвоприношений, это видно уже из того, что, по повелению Божию, пророки часто обличали и укоряли евреев за то, что они приносили в жертву Ваалу или Молоху своих сыновей и дочерей.

Тем не менее, верование, что только смерть невиннейшего человеческого существа есть истинная жертва примирения человека с Богом, красною нитью проходит чрез все страницы ветхозаветного Божественного Откровения. Только кровь совершенного праведника, по учению слова Божия, могла омыть человека от нечистоты Адамова грехопадения. Язычество облекло эту идею в грубую форму приношения в жертву Богу грудных младенцев, как еще не имеющих никаких *личных* грехов. Невиннее, чище, безгрешнее грудных младенцев язычество никого на земле не нашло. Эта грубая форма отвергнута беспредельным милосердием Божиим, но самая идея, как приговор вечной и абсолютной справедливости, удержана. Она лежит уже в основе ветхозаветного закона о посвящении Богу всех первенцев. Закон этот был дан Богом еще до выхода евреев из Египта. «И сказал Господь Моисею, говоря *освяти* Мне каждого первенца, разверзающего ложесна между сынами Израилевыми» (Исх. 13,1,2). И этот закон был повторен неоднократно: ср. Исх. 22, 29; Числ. 3, 13; 8, 17. Но что значит – посвятить кого-либо Богу? – Прежде всего (по объяснению самого Моисея) это значит – заклясть посвященного и принести его в жертву; а потом уже в переносном смысле – «отдать его Господу на все дни жизни его служить Господу» (1 Цар. 1, 28). Сам Бог возвестил чрез Моисея еврейскому народу: «всё заклятое, что под закланием отдает человек Господу, из своей собственности, *человека ли*, скотину ли, есть великая святыня Господня и *должно быть предано смерти*» (Лев. 27, 28, 29)⁶. В этом смысле

⁶ Некоторые экзегеты понимают, впрочем, этот текст иначе. «Заклятие, говорят они (напр. еп. Хрисанф «Религии древняго мира», Спб., 1878, III. стр. 261), не есть обет вообще, а особый вид обета (*anathema, devotio internecioni vel perditioni*), имевший значение в особых обстоятельствах. Такие обеты давал Израиль относительно народов и городов, которые ему предстояло завоевать (Числ. 21. 2). Заклятие в этом роде могло быть произнесимо целым обществом, а *не отдельными лицами*, и так как оно было выражением ревности о законе Божиим, то относилось только к лицам, которых жизнь враждебна закону и назначалось только против идолопоклонников. (Втор. 2. 34; 13, 12–17; Исх. Нав. 6, 16). Это был скорее суд Самого Бога над чуждыми богопознания народами» – Трудно удовлетвориться этим объяснением: 1) в приведенном тексте речь идет не об обществах или народах, а просто о человеке, а 2) под понятие анафемы (*anathema*) нельзя подводить того, что называется «великою святынею Господнею».

говорит и Господь наш Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве о Своей *крестной смерти*: «За них (верующих) *Я посвящаю Себя* (по-славянски: «свящу Себе»). Когда Авраам намеревался принести в жертву единственного, дарованного ему уже в старости, сына своего Исаака, он, несомненно, веровал, что эта жертва будет угоднейшею Богу, как ни тяжела была она для него самого.

Интересный случай из жизни Иеффая передает книга Судей Израилевых (гл. 11). Отправляясь на войну с аммонитянами Иеффай дал обет Господу: «Если Ты предашь аммонитян в руки мои, то, по возвращении моем с миром от аммонитян, что выйдет из ворот дома моего навстречу мне, будет Господу, *и вознесу сие на всесожжение*». Победив аммонитян, Иеффай возвращается домой, «и вот дочь его выходит навстречу ему с тимпанами и ликами; она была у него только одна, и не было у него еще ни сына, ни дочери». И он совершил над нею обет свой; по толкованию некоторых древних раввинов, действительно принес ее в жертву всесожжения, а по мнению других, только обрек ее на всегдашнее девство и служение скинии. Первое толкование представляется однако же более основательным: его придерживается и св. Иоанн Златоуст, высказавший предположение, что Иеффай дал свой обет по внушению злого духа – диавола.

Замечательна мысль, высказанная пророком Михеем от лица грешника, ищущего своего примирения с Богом: «С чем предстать мне пред Господа, преклониться пред Богом небесным? Разве дам ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего за грех души моей» (Мих. 6, 6, 7).

Впрочем, по беспредельной милости Своей к человеческому роду, Господь вообще не допустил того, чтобы евреи приносили Ему в жертву своих первенцев. Тотчас, по объявлении закона о посвящении первенцев, Господь повелевает чрез Моисея еврейскому народу самых первенцев-сыновей в жертву не приносить, а делать за них выкуп. Вот что сказал по этому поводу Моисей своему народу: «*каждого первенца человеческого выкунай*. И когда после спросит тебя сын твой, говоря: что это, то скажи ему: рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства. Ибо, когда Фараон упорствовал отпустить нас, Господь умертвил всех первенцев в земле Египетской, от первенца человеческого до первенца из скота, – посему приношу в жертву Господу всё разверзающее ложесна, мужского пола, *а всякого первенца из сынов моих выкупаю*» (Ис.. 13, 13–15). Свое повеление Господь повторил чрез Моисея и некоторое время спустя: «*всех первенцев из сынов твоих выкунай*» (Исх. 34, 20). Сначала еврейские первенцы, в своем значительном числе, были заменены левитами, отделенными исключительно на служение Богу (ср. Числ. 3, 45), потом они были выкупаемы деньгами по пяти сиклей за человека, но – больше всего, а впоследствии и исключительно – жертвенными животными; люди достаточные и богатые должны были приносить в жертву Богу за своего сына однолетнего агнца во всесожжение и молодого голубя или горлицу в жертву за грех; а люди бедные, бывшие не в состоянии приобрести агнца, должны были приносить двух горлиц или двух молодых голубей, одного во всесожжение, а другого – в жертву за грех (ср. Лев. 12, 6–8). Таким образом здесь мы уже ясно видим, что ветхозаветные еврейские кровавые жертвоприношения заменяли собою принесение в жертву самых людей.

Но есть ли в книгах Св. Писания Ветхого Завета хотя какое-нибудь указание на то, чтобы евреи могли оправдывать употребление в пищу жертвенного человеческого мяса или крови? В книге «Эц Хаим» в оправдание этого изуверного обычая делается ссылка на два места в писании Моисея Числ, а именно 19, 9: «Против Господа не восставайте и не бойтесь народа земли сей, ибо он *достанется вам на седение*, защиты у них не стало, а с нами Господь» и 23, 24: «Вот народ (израильский), как лвица встает, и как лев поднимается; не ляжет, пока не съест добычи *и не напьется крови убитых*». Толкования этих мест в духе еврейских раввинов мы однако же не найдем ни у кого из древних христианских писателей. Впрочем, справедливость требует сказать, что из греческих писателей Аппион утверждал, что евреи времен царя сирийского Антиохона ели мясо приносимых ими в жертву иноплеменников (греков); а из рассказа Диона Кассия мы узнаем, что в греческом городе Кирени были перебиты все евреи за то, что похищали греческих младенцев для употребления их крови при своих праздничных обрядах.

В книгах Священного Писания Ветхого Завета приведено много наставлений относительно совершения кровавых жертвоприношений, – и на основании их мы можем составить себе более или менее верное представление о том, какой смысл заключал в себе этот наиболее распространенный в до-христианскую эпоху религиозный культ. Сам по себе, без своего внутреннего смысла и значения, культ ветхозаветных кровавых жертвоприношений для нас навсегда бы

остался более, чем непонятным; а для разума человеческого он мог бы быть только вечным позором. По крайней мере, мы никогда бы не разрешили вопроса: каким образом человеческий разум мог прийти к заключению, что Божеству будет приятно, когда человек зарежет и сожжет совершенно невинное, а для него лично весьма полезное животное или даже своего собственного, нередко единственного и любимого сына (как это делали и наиболее культурные язычники). Само по себе, без особого внутреннего смысла, это было бы действием не разума, а – необъяснимого безумия. Вопрос становится еще более трудным, когда мы примем во внимание, что к мысли о богоугодности кровавых жертвоприношений пришли не отдельные лица, а всё человечество, истреблявшее таким образом неисчислимое множество животных и даже людей в течение целых пяти тысяч лет.⁷ И мы нисколько не удивляемся тому обстоятельству, что многие, и древние и современные нам мыслители – философы и богословы рационалистического направления (например, Гартман, Фон-дер-Альм, Ренан, Штраус, Бруно-Бауэр, а в особенности – Вольтер и его единомышленники-энциклопедисты, деисты и рационалисты, даже Шлейермахер и Неандер), не верующие в Божественное Откровение и не руководящиеся им в своем понимании религиозных истин, оказались бессильными разрешить этот трудный и далеко не праздный вопрос. По их объяснению, принося в жертву животных и людей, древние язычники и евреи были уверены, что они кормят своих измышленных богов, и тем задабривают их. Хороших же богов изобрел себе разум человеческий, если без помощи людей они обречены были бы на голодную смерть и если они, подобно бесчестным чиновникам, принимали бы от своих поклонников всякого рода взятки, не брезгая даже голубями и горлицами!..⁸ Правда, относительно языческих жертвоприношений мы не располагаем достаточным литургическим материалом, чтобы со всею основательностью показать, какой смысл им был приписываем жрецами и богомольцами. Но что касается ветхозаветных еврейских жертвоприношений, то ниже мы ясно и неопровержимо докажем, что сами евреи не понимали их ни в смысле кормления своего Бога, ни в смысле задаривания Его взятками. Для евреев кровавые жертвоприношения их имели иное значение и более глубокий смысл.

Впрочем, считаем необходимым предупредить, что многие недоразумения могут встретиться нам и относительно ветхозаветных еврейских кровавых жертвоприношений. Так, прежде всего нам приходится иметь дело с большим затруднением при разрешении вопроса: кто и когда установил эти жертвоприношения? Были в древности еврейские и христианские ученые богословы, да и теперь еще есть таковые, – которые, как ветхозаветным еврейским жертвоприношениям, так и ветхозаветному культу вообще приписывают только Божественное происхождение. Они ссылаются на свидетельство Библии, по которому Сам Бог повелел Моисею, а чрез Него и всему еврейскому народу приносить кровавые жертвы. В книге Исход (20, 24) говорится: «Сделай мне жертвенник из земли и приноси на нем всесожжения твои и мирные жертвы твои, овец твоих и волов твоих; на всяком месте, где Я положу память имени Моего, Я прииду к тебе и благословлю тебя». На основании этого и подобных ему свидетельств Библии указанные ученые богословы утверждают, что все культовые установления Моисея, а в том числе и кровавые жертвоприношения у евреев первоначальны, оригинальны и заповеданы Богом; у язычников же сходные с ними культовые формы явились только вследствие подражания евреям и заимствования от них. С таким объяснением трудно однако же согласиться, так как против него говорит не только история, но и Библия. Именно, в самой Библии мы можем указать много мест, которые ясно свидетельствуют, что некоторые культовые формы как у язычников, так и у евреев, сходные с культовыми формами, установленными Моисеем по повелению Божию, несомненно существовали раньше Моисея. Так тесть Моисея Иофор был уже *священником* в земле Мадямской раньше призвания Моисея, а следовательно, и раньше законодательства Моисея, Иофор в присутствии Моисея, Аарона и всех старейшин Израилевых приносит всесожжение и жертвы Богу раньше, чем даны были о них законы Богом Моисею (Исх. 18, 12). Моисей, по повелению Божию, просит фараона отпустить из Египта народ еврейский в пустыню для того именно, чтобы совершить служение Богу – *принести жертву Господу* (ср. Исх. 3, 12, 18; 5, 1, 3, 8, 17, 8, 27, 9, 1, 10, 3, 9, 11). Фараон и народ понимают; ясно, что речь о жертвоприношении ничего нового не

⁷ В.Э.: Откуда автор взял 5000 лет? Очевидно это – от сотворения мира!?. На самом деле такие обычаи несомненно существовали гораздо более длительное время – в принципе с самого возникновения человечества и еще даже у его обезьянних предков.

⁸ В.Э.: Господи, какой балда! **Жизнь** была страшной, кровавой и насыщенной смертью – значит, и боги таковы – ведь это **они** управляют этой жизнью и создали ее такой.

заклучала в себе. Моисей устраивает жертвенник Господу в пустыне Син (Исх. 17, 15) раньше данного ему особо повеления (Исх. 20, 24) и раньше устройства скинии свидения (Исх. 25, 8 и 9). У евреев были священники (Исх. 19, 22, 24) раньше повеления Божия об избрании и поставлении Аарона и его сыновей для священнического служения (Исх. гл. 28), наконец, у евреев был «ковчег свидетельства» (Исх. 16, 34, 33) раньше «ковчега откровения» (Исх. 27. 21; 25, 22) или «ковчега завета», сделанного по тому образцу, какой был показан Богом Моисею на горе (Исх. 25, 40). В первый раз Библия упоминает о жертвоприношениях Каина и Авеля. Каин принес от плодов земли дар Господу. И Абель принес от *первородных* стада своего и от тука их (Быт. 4, 3–4). Кровавая жертва Авеля, приносившего *первородных* от своего стада, была благоугодна Богу: «И призрел Господь на Авеля и на дар его». Апостол Павел поясняет нам, что жертва Авеля была принесена *верою*, чего Каину, вероятно, недоставало: «Верою Абель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще» (Евр. 11,4).

Второй случай кровавого жертвоприношения, отмеченный Библиею, относится ко времени выхода Ноя из ковчега после потопа: «И устроил Ной *жертвенник* Господу и взял из всякого скота *чистого*, и из всех птиц *чистых*, и принес во *всесожжение* на жертвеннике, и *обонял Господь приятное благоухание*, и сказал Господь Бог в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека» (Быт. 8, 20–21). Здесь мы видим уже не только то, что кровавые жертвы были угодны Богу, но и многие навсегда установившиеся частные черты кровавых жертвоприношений: 1) нужно было устройство особого *жертвенника* Господу, 2) в жертву приносятся только *чистые* животные; 3) определяется особый вид жертвоприношений – *всесожжение*.

Нельзя сомневаться в том, что Авраам также приносил Богу кровавые жертвы и имел ясное представление о них, – иначе он не понял бы и повеления Божия: «возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, и *принеси его во всесожжение*» (Быт. 22, 2). И Исаак не мог бы спрашивать: «вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» (ст. 7). Наконец, увидев овна, запутавшегося в чаще рогами своими, Авраам принес его во всесожжение вместо Исаака сына своего (ст. 13). Ясно, что способ приношения кровавых жертв ему уже был хорошо известен.

Рассказ бытописателя о том, что уже сын Адама Абель совершил кровавое жертвоприношение, дал повод некоторым богословам думать, что Бог установил кровавые жертвоприношения не чрез Моисея, а еще чрез Адама, в раю. Насколько мы знаем, первым русским православным богословом, высказавшим такое *предположение* (но не утверждение) был приснопамятный святитель Московский митрополит Филарет. Его занимали вопросы: «Почему Бог (в раю) заимствует человеку одежду от животных, а не от растений? Откуда взяты кожи для ее составления? И как человек, не привыкший еще к мысли о смерти, мог без отвращения облещи себя смертию других?» На эти вопросы он отвечает в своих «Записках на книгу Бытия» (М. 1868. Стр. 73) так: «Сии недоумения не иначе могут быть разрешены, как тою *догадкою*, что Бог в одно время научил человека и *приносить в жертву животных*, и обращать их кожи в одежду, дабы сими жертвоприношениями он был вразумлен убивать в себе скотоподобные вожделения и страсти, имея также пред очами будущую жертву победоносного *Семени жены*, верою облакался в заслуги и крепость Его».

После Филарета многие русские православные богословы даже не в виде догадки, а категорически стали утверждать, что кровавые жертвоприношения были установлены Самим Богом еще в раю. Такое учение уже внесено даже в учебники по Закону Божию для преподавания православным детям. Так, в «Священной Истории Ветхого Завета, составленной в объеме курса гимназий и духовных училищ придворным протоиереем Дмитрием Соколовым» (Спб. 1898. Изд. 38-е, стр. 8) мы читаем: «чтобы люди не забыли этого обещания Божия (о Спасителе), милосердный *Господь повелел им закалывать в жертву* Ему тельцов, овнов и козлов и сожигать их с молитвою о прощении грехов и с верою в будущего Спасителя. В *«неясное слово»* *принесена была первая жертва* за грех людей». Это утверждение нам кажется слишком категоричным, весьма смелым и недостаточно осторожным. В Библии нельзя указать для него твердого и несомненного основания, так как Божественное Откровение с точностию не говорит нам, когда именно и где были установлены Богом кровавые жертвоприношения и когда именно и кем была принесена первая жертва.

Заслуживает особенного внимания изяснение великого Святителя вселенской церкви св. Иоанна Златоуста. Св. Иоанн Златоуст положительно не допускает той мысли, что кровавые

жертвоприношения даже у евреев были установлены Самим Богом. По его изъяснению, Бог только снисходительно попустил евреям приносить и Ему кровавые жертвы, культ которых уже существовал тогда у язычников. Приведа буквально 11-й стих 1-й главы книги пророка Исаии, он говорит⁹: «Слышал ты глас (Бога), весьма ясно говорящий, что *сначала* Он (т.е. Бог) не требовал от вас этих жертв. Ибо, если бы требовал их, то этим установлениям первыми подчинил бы всех древних, которые еще до них прославились. Для чего же, скажешь, Он позволил после? Снисходя к вашей немощи. Как врач, видя, что больной горячкою человек, своенравный и нетерпеливый, хочет напиться холодной воды, и угрожает, если ему не дадут, накинуть на себя петлю, или броситься со стремнины, для предотвращения большего зла, допускает меньшее, только бы отклонить больного от насильственной смерти, так точно поступил и Бог. Как увидел Он, что евреи беснуются, скучают, хотят жертв, готовы, если им не позволят этого, обратиться к идолам, или даже не только готовы обратиться, но уже и обратились, то позволил им жертвы. И что это было причиной, можно видеть из самого времени позволения. Бог позволил им жертвы уже после того, как они совершили праздник в честь злых демонов, как бы так говоря им: вы беснуетесь и хотите приносить жертвы, так приносите их, по крайней мере Мне. Впрочем, и позволив это, Он не навсегда дал такое позволение, но премудрым способом опять отнял его. Как врач (ничто не мешает мне употребить тот же пример), уступая прихоти больного, приносит из своего дома сосуд и приказывает ему пить из него одного, а потом, когда больной согласится на это, тайно велит подающим питье разбить этот сосуд, чтобы, незаметно и не подавая вида, отклонить больного от его прихоти: так поступил и Бог. Позволив иудеям приносить жертвы, Он позволил делать это ни в каком другом месте, кроме Иерусалима: потом, когда они несколько времени приносили жертвы, разрушил этот город, чтобы, как врач разбитием сосуда, так и Бог – разрушением города – отвлечь их, и по неволе, от этого дела. Если бы Он прямо сказал: перестаньте; они бы не легко согласились оставить страсть к жертвам, но теперь, по самой необходимости их пребывания (вне Иерусалима), Он незаметно отвел их от этой страсти». Замечательно, что приведенное мнение о происхождении ветхозаветных еврейских кровавых жертвоприношений св. Иоанн Златоуст настойчиво и неоднократно повторяет в своих творениях¹⁰.

В духе Златоуста рассуждает и наш отечественный богослов – епископ Хрисанф. Он говорит («Религии древнего Мира», Спб. 1878, III, стр. 25): «Священнодействия и богослужение так же, как и во всех других древних религиях, состояли у евреев главным образом в жертвоприношениях и в молитве, которою они сопровождалась. Есть близкое сходство и в жертвенном материале еврейского культа с культом древних народов, а отчасти в самом значении жертв и цели, с какою они приносились. Жертвы – принадлежность всех древних культов без исключения; по свидетельству книги Бытия, они были уже приносимы сыновьями прародителей (Быт. IV, 3, 4). Таким образом закон Моисеев определяет точнее и полнее то, что было уже издавна в обычае, осложняя и осмысляя эти священные действия, и назначая различные роды и виды жертв для разных обстоятельств и случаев». После этого мы отчасти недоумеваем, каким образом преосвященный Хрисанф мог отвергать объяснения, в основе которых несомненно лежит сказанное Златоустом. Он говорит (*ibid.* стр. 241): «Позднее утвердился взгляд, что формы языческого богопочтения приняты и введены в Моисеев культ по снисхождению к духовной слабости еврейского народа, и что эти языческие формы дали основу и почву, из которой и на которой выродилось чистое почитание одного Бога; формы языческого культа, – думает преосвященный Хрисанф, – не могли быть перенесены (?) в культ Моисея без того, чтобы не осталось на них следов языческого воззрения, которого выражением они служили. Изменить их до противоположности прежнему значению их было невозможно (?). Нельзя доказать с другой стороны, – продолжает наш богослов, – ни того, что Моисей копировал культ других народов, ни того, что, вводя свой самобытный культ, он имел в виду учредить его в прямой противоположности другим культам, хотя сам он отличает его от египетского культа, а в некоторых частностях и прямо направляет против языческих обрядов (Исх. VIII. 26. Втор. IV, 14–19)». После такого критического разбора двух противоположных взглядов на происхождение культа ветхозаветных евреев, преосвященный Хрисанф предлагает свое объяснение. «По повелению Божию, – говорит он, – Моисей устрояет культ сообразно с своим вероучением, руководясь в

⁹ Творения т. 1, кн. 1. Спб. 1895, стр. 678.

¹⁰ Срв. там же стр. 615, 617, 626, 632, 639, 644, 647, 655, 662, 675, 677–678, 703–704, 721–722, 723–725 и др.

этом прежде всего общими формами религиозной обрядности у разных народов, без мысли о заимствовании, но с мыслью о том, чтобы эти формы были выражением чистых понятий. Сообразно с этою последнею целию культ еврейский иногда мог направляться прямо против языческих обрядов, или исключать некоторые из них намеренно». Преосвященный Хрисанф открыто сознается, что свой настоящий взгляд на происхождение еврейского культа он заимствовал у Кейля в его Археологии (ч. 1, стр. 78–95). Мы же отдаем преимущество пред Кейлем Златоусту по многим основаниям. 1) Мысль Златоуста, что Бог оказывал снисхождение духовной слабости еврейского народа, вполне согласна с свидетельством Самого Иисуса Христа, Который объяснял Своим ученикам, что ветхозаветным евреям Бог дозволил довольно легкое расторжение браков, «по жестокосердию их» (Мф. 19, 8) или – что то же – по Своему снисхождению к духовной слабости еврейского народа; 2) Моисей не копировал никаких языческих культовых форм, но застал их уже существующими у еврейского народа, как свидетельствует об этом и Библия; 3) Оставить в этих культах следы языческого воззрения могли обыкновенные люди, но не Моисей, богодухновенный пророк и законодатель, действовавший во всем по непосредственному указанию Самого Бога; для такого реформатора совершенно было возможно не только изменить языческие культовые формы до противоположности их прежнему значению, но некоторые совершенно отвергнуть и вместо них ввести новые, соответствовавшие чистому верованию и достойному почитанию истинного Бога; наконец 4) преосвященный Хрисанф вынужден был допустить мысль о случайности сходства между некоторыми формами еврейского и языческого культов: у Златоуста нет этого недостатка.

Какой же заключали в себе внутренний смысл и в чем состояло значение ветхозаветных кровавых жертвоприношений?

В послании к евреям св. апостол Павел неоднократно останавливается на этом вопросе и предлагает своим читателям-евреям его разрешение, имеющее однако же общее значение и для всех членов Христовой Церкви. В ветхозаветных кровавых жертвах он усматривает прообраз Жертвы Голгофской, предуказание на искупительное значение крестной смерти Господа нашего Иисуса Христа, – и только в этом полагает их смысл и силу. По его учению, ветхозаветные жертвы, сами по себе, еще не искупляли людей от грехов, и только напоминали им с одной стороны о грехах, а с другой – о том, что *без пролития крови прощения достигнуть невозможно*. Жертвы могли быть угодны Богу, когда они, подобно жертве Авеля, были приносимы *верою*, и когда приносившие их, подражая благочестивым ветхозаветным патриархам, еще не получивши обетований, *«только издали видели оные и радовались»* (Евр. II, 13). Вообще же апостол Павел учит: «Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними. Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, бывши очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов. *Но жертвами каждоюдно напоминает о грехах*, ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Евр. 10, 1–4). Христос есть единственно истинная жертва и единственно истинный Первосвященник (Евр. 9, II и след. 10, 5 и след.). На Него-то прообразовательно и указывали ветхозаветные кровавые жертвы... А что это понимание внутреннего смысла ветхозаветных кровавых жертвоприношений было всеобщим, видно уже из того, что обетованного Мессию евреи часто называли прямо Агнцем. Так, Иоанн Креститель, увидев идущего к нему Иисуса Христа и указывая на Него, именно как на обещанного Искупителя всего рода человеческого, говорит своим ученикам: «вот, Агнец Божий, Который берет на Себя грех Мира» (Иоан. 1, 29). И ученики поняли своего учителя. Святой апостол Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе почти везде говорит об Иисусе Христе только как об Агнце (срв. 5, 6. 8. 12. 13; 6, 1. 16; 7. 9. 10. 16. 17; 12. 11; 13. 8. 11; 14. 1. 4. 10; 15. 3; 17, 14; 19, 7. 9; 21. 22. 23. 27; 22; 1. 8). Апостол Петр также говорит о христианах: «Искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, драгоценною Кровию Христа, *как непорочного и чистого Агнца»* (1 Петр. 1. 18. 19).

Согласно с богодухновенными писателями Нового Завета – апостолами, св. отцы и учителя Церкви также усматривали в ветхозаветных кровавых жертвоприношениях прообразовательное указание на то, что «Христос предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное» (Ефес. 5, 2), – и только с этой точки зрения ценили их глубокое мировое значение. Из древних христианских писателей с особенною обстоятельностью раскрывает прообразовательный смысл ветхозаветных жертвоприношений знаменитый апологет христианства – св. Иустин Философ в своем «Разговоре с Трифоном иудеянином». Затем заслуживают полного внимания в

этом отношении толкования Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина, блаж. Августина и Златоуста. Последний (в 166 беседе) говорит: «хотя сами по себе жертвы и не были приемлемы, но они были благоприятны Богу ради своего Первообраза. Был ли приносим в жертву агнец, – он был образом Спасителя; телец также изображал Господа; юница, козел или еще что либо из приносимого в жертву, голубь или горлица, – всё это имело отношение к Спасителю». По учению св. Кирилла Александрийского, Иисуса Христа больше всего прообразовали жертвы всесожжения, ибо Он не частью какою-либо, но весь приносится Богу Отцу в благовоение благоприятное. Нельзя не отметить здесь, что православная церковь с древнейших времен именуется агнцем ту часть просфоры, которая предназначается для пресуществления в Тело Христово.

Русские православные богословы-догматисты: Филарет Московский, Антоний Казанский, Филарет Черниговский, Макарий и Сильвестр также признают значение за ветхозаветными кровавыми жертвоприношениями только как за прообразами крестной смерти Спасителя.

Прообразовательное значение ветхозаветных кровавых жертвоприношений достаточно уясняется в особенности теми многочисленными постановлениями относительно их, какие даны были Богом чрез Моисея еврейскому народу.

Закланные в жертву животные или части их тел были сожигаемы на *жертвеннике*. Относительно устройства жертвенника первое точное определенное повеление, как мы видели, Бог дал Моисею еще во время Синайского законодательства. «Сделай Мне жертвенник *из земли* и приноси на нем всесожжения твои и мирные жертвы твои, овец твоих и волов твоих; на всяком месте, где Я положу память имени Моего, Я прииду к Тебе и благословлю тебя. Если же будешь делать Мне жертвенник *из камней, то не сооружай его из тесанных, ибо как скоро наложишь на них тесло твое, то осквернишь их*» (Исх. 20, 24–25). Почти в этих же самых выражениях Моисей заповедует Израильскому народу устроить жертвенник Господу по завоевании обетованной земли, т.е. в Палестине: «Устрой там *жертвенник Господу Богу твоему – жертвенник из камней, не поднимая на них железа. Из камней цельных* устрой жертвенник Господа Бога твоего и возноси на нем всесожжения Господу Богу твоему и приноси жертвы мирные, и ешь и насыщайся там, и веселись пред Господом Богом твоим. И напиши на камнях сих все слова закона сего очень явственно» (Второз. 27, 5–8). И Иисус Навин в точности исполнил это завещание Моисея: по завоевании Палестины, он «устроил жертвенник Господу Богу Израилеву на горе Гевал, как заповедал Моисей, раб Господень, сынам Израилевым, о чем написано в книге закона Моисеева, – *жертвенник из камней цельных, на которые не поднимали железа; и принесли на нем всесожжение*¹¹ Богу, и совершили жертвы мирные. И написал Иисус там на камнях список с закона Моисеева, который он написал пред сынами Израилевыми» (Нав. 8, 30–32). Мы не находим в книгах Священного Писания точного указания на то, каких размеров были жертвенники, устроенные Моисеем, Иисусом Навином, а потом Соломоном и Зоровавелем. Ученые исследователи (из русских – Олесницкий, Муретов и даже Жданов) не высказывают по этому предмету решительного мнения. И неудивительно: сам Иосиф Флавий не говорит одинаково о размерах жертвенника *в современном ему* Иерусалимском храме. В одном из своих исторических трудов¹² он говорит так: «Пред храмом воздвигнут был жертвенник высотой в *пятнадцать* локтей, долготы и широты *по пятидесяти*. Он был о четырех углах, выдавшихся подобно рогам, всход же на оный, с полуденной страны несколько крутой, склонялся назад. *Жертвенник построен был без железа, которое к оному и никогда не прикасалось*; он окружен был некими перилами, сделанными из прекрасного камня и взору приятного, которые высоты

¹¹ В.Э.: Вообще, читая этого богослова, я понял скрытый для меня ранее смысл слова «Холокауст» (холокост)! «Холокауст» на греческом языке как раз и есть «всесожжение» (не только в общем, но и даже буквально – по отдельным корням слов). Следовательно, те, кто ввели этот термин в оборот (т.е. еврейские раввины), рассматривали гитлеровский геноцид против евреев не как преступление (!), не как несчастье (!), а как **жертву** (!) – жертву ради завоевания Палестины. Но жертву можно принести только добровольно – то, что у тебя отнял грабитель, не есть жертва. Следовательно, они погубили этих людей умышленно! Они заранее знали, что эти люди погибнут! А знали потому, что **сами** начали Вторую мировую войну – при том, что Гитлер своей речью в Рейхстаге 30 января 1939 года открыто предупредил их – если начнете войну, изведу еврейскую расу в Европе! Они всё видели, всё знали – и пошли на это – ради завоевания Палестины! (Да, удивительные вещи открываются одним только выбором слова!).

¹² О войне иуд. Ч.П. Перев. Алексева. Спб. 1787. Стр. 156.

имели до единого локтя и отделяли народ от священников». В другом труде¹³ со слов некоего, более древнего писателя Гекатея Авдеритянина, он приводит следующее описание жертвенника в храме Соломоновом: «Тамо (во дворе храма) четверугольный алтарь из неотесанных и белых камней: каждый бок его двадцати локтей и двенадцати в высоту». Этого мало. На этом жертвеннике был установлен еще другой жертвенник – жертвенник в более тесном смысле слова – или жертвенный стол: во дворе скинии свидения – из дерева ситтим, обитый медью (Нех. 27, 1), во дворе храма Соломонова – весь медный (2 Паралип. 4, 1); размер первого: в длину пять локтей, в ширину также пять локтей и в высоту – три локтя; размер второго: в длину – двадцать локтей в ширину – двадцать локтей и в высоту десять локтей. Если локоть, как меру длины, мы будем определять по Иезекиилю, считая локоть в локоть с ладонью» (Иезек. 43, 13), т.е. в три четверти аршина, то ветхозаветный жертвенник мы должны представлять себе *целою горою*; около семи или восьми сажней высоты (это почти пятиэтажный дом) и около шестнадцати сажней в длину и ширину. Понятно, почему на этот жертвенник священники должны были всходить с своими жертвенными мясами только по особо устроенным ступеням.

Какой же смысл могло иметь устройство такого *громдного* жертвенника? Почему Господь повелел сооружать его *только из земли*, а если *из камней*, – то только естественных, цельных, неотесанных, к которым не должно было касаться ни тесло, ни железо, в противном случае жертвенник был бы осквернен? Это повеление было высказано в таких решительных выражениях, что его не осмелились не исполнить во всей точности ни Моисей, ни Иисус Навин, ни Соломон, ни Зоровавель, ни даже Ирод. Последний, по свидетельству Иосифа Флавия (О войне иуд. ч. II. стр. 156), обложил все стены храма «претолстыми золотыми досками», «крышу украсил преострыми золотыми спицами, чтобы птицы не садились и не оскверняли», все переходы укрепил множеством грандиозных (25 локтей высоты и в три обхвата в окружности) белоснежных мраморных колонн с коринфскими орнаментами, – а жертвенник все-таки остался нетронутым, по-прежнему сложенным из неотесанных камней в 45 локтей длины, 5 локтей высоты и 6 локтей широты. Чем объяснить это? После того, как Иоанн Креститель, св. апостолы: Иоанн Богослов, Петр и в особенности Павел указали нам на ветхозаветные кровавые жертвы, как на прообраз крестной смерти Спасителя, мы безошибочно можем сказать, что ветхозаветный жертвенник, грандиозный по своим размерам, устроенный из земли или естественных цельных неотесанных камней, был образом Голгофы. Не на простом жертвеннике, не кровию тельцов и козлов, а крестную смертью обетованного Искупителя *на естественной горе*, как лобном месте, где казнили только больших преступников и злодеев, должно было совершиться окончательное примирение падшего человечества с Богом.

Достоинство серьезного внимания еще одно обстоятельство. Указывая Моисею, каково должно быть устройство жертвенника в более тесном смысле слова (т.е. жертвенного стола), Господь дает ему такое повеление: «Сделай рога на четырех углах его, так чтоб рога выходили из него, и обложи его медью» (Исх. 27, 2; 38, 2). Об этих рогах или «крючьях» (у Флавия), как о чем-то важном, говорят все писатели, имевшие повод описывать иерусалимский храм, не исключая ни Иезекииля, ни Флавия. Какой смысл имело устройство этих рогов у жертвенника? Хотя Библия прямо и не говорит, но мы охотно допускаем, что рога жертвенника непосредственно имели практическое значение: они могли придерживать дрова, горевшие на жертвеннике, а может быть и куски жертвенного мяса. Но нельзя отрицать, что они заключали в себе и более глубокий, внутренний смысл, были прообразом честного и животворящего креста Христова, как символа нашего искупления от прародительского, для нас лично *невольного* греха. По закону, данному Богом чрез Моисея (срв. Лев. 16. 18; Нех. 29, 12), кровью *каждой* закланной жертвы священник своим перстом обмазывал со всех сторон рога жертвенника, а потом уже всю остальную кровь он проливал у основания жертвенника. Почему же именно каждый раз жертвенною кровию были обмазываемы только рога жертвенника, а не самый жертвенник или другие какие-либо священные предметы? Не есть ли это ясное указание на то, что рога жертвенника служили прообразом святого креста, обагренного за нас невинною кровию Богочеловека-Искупителя?

Не менее замечателен и другой закон, данный Богом чрез Моисея Израильскому народу: каждый *невольный* убийца, взбежавший на жертвенник и ухватившийся за рог жертвенника, спасал себя этим от смерти, которой в противном случае он мог подвергнуться, по закону мести,

¹³ Древн. иуд. Прот. Аппиона. ч. III. Перев. Самуилова. Спб. 1795. Стр. 369.

от родных убитого им человека. Какой смысл этого закона? Не так ли и мы избавляемся от вечного проклятия и смерти за наш лично *невольный* прародительский грех кровью распятого на голгофском Кресте Сына Божия? Не служило ли это выражением беспредельной преданности человека неизреченному милосердию Божию? Что именно в таком, мистическом, смысле было понимаемо благочестивыми иудеями приведенное постановление ветхозаветного законодательства о *рогах спасения*, об этом свидетельствуют богодухновенные писатели обоих заветов. «Там (т.е. в Церкви Христовой), – говорит Бог устами Давида (Пс. 131, 17), – возращу рог Давиду, поставлю светильник помазаннику Моему». «Рог его (мужа благочестивого, боящегося Бога и крепко любящего заповеди Его) вознесется во славе» (Пс. III, 9). «Господь будет судить концы земли и даст крепость царю Своему, и вознесет рог помазанника Своего» (I Цар. 2, 10). Захария (отец Иоанна Крестителя) свидетельствовал о наступившем Царствии Божиим: «Господь Бог Израилев воздвиг *рог спасения* нам в дому Давида, отрока Своего» (Лук. 1, 69). Достоинно внимания и то, что рога жертвенника обыкновенно назывались «рогами спасения» в переносном смысле.

Далее. Ветхозаветные кровавые жертвы были возносимы особыми лицами – священниками, главный представитель которых обыкновенно именовался *первосвященником*. Что первосвященническое служение было прообразом служения обетованного Мессии, – в этом не может быть никакого сомнения. Уже Давид, предвидя славу обещанного Искупителя всего рода человеческого, взывает к Нему: «Ты – *священник во век* по чину Мелхиседекову» (Пс. 109, 4). Апостол Павел, утверждая, что эти слова, действительно, относятся только к Иисусу Христу, говорит далее: «Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти, и услышан был за Свое благоговение: хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию и совершившись сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, *был наречен от Бога первосвященником по чину Мелхиседека*» (Евр., 5, 6–10). Срв. тоже Евр. 7, 17. Св. Апостол Павел, этот великий знаток ветхозаветных писаний, ученик Гамалиила, фарисей из фарисеев, в своем послании к евреям подробно уясняет нам, что ветхозаветное первосвященническое служение было прообразом новозаветного, вечного и непреходящего священства Иисуса Христа. Этому предмету он посвящает всю пятую главу своего послания к евреям; но и в других местах он часто называет Иисуса Христа прямо Первосвященником. Срв. напр. Евр. 2, 17; 4, 14; 5, 5, 10; 6, 20; 7, 26; 8, 1; 9, 11 и др.

После этого отметим только кратко те черты, которые с несомненностью убеждают нас, что ветхозаветный первосвященник был прообразом Христа.

У евреев в каждое данное время мог быть *только один* действительный первосвященник, который, по своему сану и служению, был вместе с тем и личным ходатаем пред Богом за весь Израильский народ; Апостол Павел свидетельствует (1 Тим. 2, 5), что господь наш Иисус Христос есть ходатай или посредник между Богом и людьми, предавший Себя для искупления всех, но что этот Первосвященник получил служение тем превосходнейшее, чем лучшего Он ходатай завета» (Евр. 8, 6; срв. 9, 15; 12, 24). Свою кандидатуру на первосвященническое достоинство мог выставлять только потомок Аарона, принадлежавший к колену Левия (Исх. 28, 43) что он должен предварительно доказать своими родословными записями (1 Езд. 2, 62; Неем. 13, 28, 29); евангелисты Матфей и Лука родословными записями убеждают нас, что Иисус Христос есть прямой потомок Авраама и Давида, от семени которых, по обетованию Божию, должен был родиться Мессия. Ветхозаветный первосвященник не мог иметь совершенно никакого телесного недостатка (Лев. 12, 17–24) и должен был быть безупречным в своем нравственном поведении (Лев. 10, 9; 21, 11, 12); об Иисусе Христе свидетельствуют Апостолы: Павел – что Он был таким Первосвященником, Который, подобно нам, искушен во всем, *кроме греха* (Евр. 4, 15), что Он не был служителем греха (Гал. 2, 17) и что Он греха не ведал (2 Кор. 5, 21); Иоанн – что в Нем греха нет (I Иоан. 3, 5); Петр – что он не сделал никакого греха (1 Петр. 2, 22); сам Иисус Христос однажды предложил вопрос враждебным Ему иудеям: «Кто из вас обличит Меня во грехе?» (Иоанн. 8, 46) и обличителя не нашлось. Ветхозаветный первосвященник мог быть женатым только на целомудренной и непорочной девице: невеста Христова – Церковь – дева чистая (2 Коринф. 11, 2), славная, свята и непорочна (Ефес. 5, 7). Ветхозаветному первосвященнику не могло быть менее 25 лет (Числ. 4, 3); Иисус Христос, начиная свое служение, был лет тридцати (Лук. 3, 23). Пред посвящением кандидат на первосвященническое достоинство должен был провести продолжительное время в посте и молитве, а всю последнюю ночь бодрствовать: чтобы он не мог заснуть ни на одну минуту, –

говорит Иосиф Флавий, – священники обязаны были развлекать его своими беседами, даже пением и музыкою. Христос пред принесением Себя в жертву Богу всю ночь молился до кровавого поту в Гефсиманском саду. В самый день посвящения кандидат на первосвященническое достоинство предварительно был омываем в так называемом «медном Море» (Лев. 8, 6). Иисус Христос, желая «исполнить всякую правду» (Мф. 3, 15), пред началом Своего общественного служения принял от Иоанна крещение во Иордане. После омовения на избранного первосвященника возлагали принадлежащие его сану драгоценные и великолепные одежды: хитон, стянутый поясом, верхнюю ризу, ефод, также стянутый дорогим поясом, наперник с уримом и туммимом; на его голову надевали кидар с полированной золотой дщицею спереди; потом на голову его в изобилии возливали «елей помазания». После совершения установленного на этот случай жертвоприношения, жертвенною кровию помазывали край его правого уха, большой палец правой руки его и большой палец правой ноги его. («Слушай, делай и поступай по заповедям Божиим»). Наконец, кровию закланной жертвы окропляли его и его одежды, а в руку давали ему кусок жертвенного мяса. После крещения во Иордане Сам Бог засвидетельствовал славу Иисуса Христа, как Своего возлюбленного Сына (Мтф. 3, 17 и парал.), а Свою первую проповедь в Назарете Христос посвятил применению к Себе пророчества Исаии: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня» (Лук. 4, 18). «И все засвидетельствовали Ему это» (ст. 22). Свое первое жертвоприношение ветхозаветный первосвященник должен был совершить в день очищения народа от грехов не в своем драгоценном и роскошном облачении, а в самых простых одеждах, которые по своей стоимости были не дороже одежды раба: в льняном хитоне, стянутом льняным поясом, и в льняном кидаре. Кровь закланной жертвы, собранную в один сосуд, он вносил во Святое Святых и проливал под ковчегом; затем облачался во все свои торжественные одежды, всходил на крыло храма, окроплял оттуда стоявший внизу народ святою водою и благословлял его своими руками. По учению апостола Павла (Филип. 2, 6–10) и Господь наш Иисус Христос совершил дело нашего спасения, приняв образ раба и уничивив Себя Самого, почему Бог и превознес Его, дав Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних: возсев одесную Бога, Он излил на нас обильно благодатные дары Духа Святого (Тит.3, 6).

Впрочем, признавая прообразовательное значение за всеми указанными чертами первосвященнического служения в ветхом завете, апостол Павел ясно однако же указывает нам и преимущество первосвященнического служения Иисуса Христа уже в том, что Он «не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он, совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого. Он возсел одесную престола величия на небесах и есть Священнодействитель святыни и истинной, которую воздвиг Господь, а не человек (Евр. 7, 28; 8, 1, 2).

Теперь обратимся к постановлениям ветхозаветного закона относительно самых жертвоприношений. Преобразовательные черты ветхозаветных жертвоприношений настолько ясны сами по себе, что мы считаем даже излишним долго останавливаться на их подробном разъяснении. Мы будем кратки. Мало этого. Ветхозаветные кровавые жертвоприношения делятся на несколько видов; а потому и постановления относительно их довольно многочисленны и разнообразны. Мы не ставим своею целию подробный обзор всех их. Это – задача очень широкая, требующая специального исследования. Мы остановим внимание читателя лишь на тех постановлениях, которые одинаково относятся ко всем видам ветхозаветных кровавых жертвоприношений.

1) В жертву Богу были приносимы не всякия животные вообще, а только тельцы, ягнята и козлы.

2) Хотя и существовал, в виде исключения, один вид жертвы, когда закаляли и сожигали телицу и козу (Лев. гл. 3), вообще же для принесения в жертву предназначались только животные мужского пола. «И воззвал Господь к Моисею и сказал... Если жертва есть всесожжения из крупного скота, пусть приносят ее мужского пола (Лев. 1, 1, 8). «Чтобы приобрести благоволение от Бога, жертва должна быть мужского пола» (Лев. 22, 19).

3) Животное, предназначенное для жертвоприношения, не должно было иметь никакого порока (Лев. 1, 3; 3, 1; 22, 19). «Никакого животного, на котором есть порок, не приносите Господу, ибо это не приобретет вам благоволения. Жертва должна быть без порока, чтобы быть угодною Богу: никакого порока не должно быть на ней. Животного слепого, или поврежденного, или уродливого, или больного, или коростового, или паршивого, таких не

приносите Господу и в жертву не давайте их на жертвенник Господень. Тельца и агнца с членами несоразмерно длинными или короткими, в *жертву усердия* принести можешь, а если по обету, то это не угодно будет Богу. Животного у которого ятра раздавлены, разбиты, оторваны или вырезаны, не приносите Господу. И из рук иноземцев не приносите всех таковых в дар Богу; не приобретут они вам благоволения» (Лев. 22, 19–25). Когда в эпоху упадка религиозной веры и благочестия евреи не соблюдали этих требований, Бог неоднократно обличал их за это чрез Своих пророков. Так, напр., говорит Господь устами Малахии (1, 8. 13; 14): «Когда приносите в жертву слепое, не худо ли это? Или когда приносите хромоту и больное, не худо ли это? Поднеси это твоему князю: будет ли он доволен тобою и благосклонно ли примет тебя? Приносите краденое, хромоту и больное: могу ли с благословением принимать из рук ваших? Проклят лживый, у которого в стаде есть неиспорченный самец, и он дал обет, а приносит в жертву Господу поврежденное».

4) Предназначенное для принесения в жертву животное нужно было «поставить пред Господом». Поставить пред Господом – это значило привести животное к дверям скинии собрания (Лев. 1, 3). Когда в Иерусалиме был построен храм, жертвенное животное, с пением установленных псалмов, вели во двор храма по многочисленным ступеням различных переходов. Если в это время оно издавало какой либо звук, его признавали негодным Богу и в жертву не приносили.

5) Животное, приведенное во двор скинии или Иерусалимского храма, встречал священник (иногда и сам первосвященник) и, возложив на его голову свою руку (Лев. 1, 4), читал положенные молитвы об очищении грехов израильтян, пожелавших принести животное в жертву.

6) По прочтении этих молитв, священник брал в правую руку свою большой отточенный жертвенный нож и моментально умерщвлял им животное. Если в этот момент животное издавало какой либо звук, жертву признавали негодною Богу и никаких дальнейших действий не совершали.

7) Кровь закланного животного, признанного угодным Богу, собирали в особый медный сосуд – и священник прежде всего обмазывал ею со всех сторон рога жертвенника, затем окроплял самый жертвенник, большим пальцем правой руки семь раз бросал ее на чудную и весьма ценную завесу храма, а кровь оставшуюся в сосуде выливал у подножия жертвенника.

8) Отрезав затем голову у закланного животного, священник крестообразно разрезывал труп его на четыре части. Одну часть (левое плечо с сердцем) он брал в правую руку и, подняв ее вверх, восходил по ступеням на жертвенник, где уже пылал костер сухих дров; там, «потрясая пред Господом» жертвенным мясом, т.е. показывая его крестообразно на все четыре стороны, он бросал его в огонь со словами: «святая святым», ибо это была «великая святыня у Господа». Другая часть жертвенного животного (правое плечо и часть груди) была отдаваема в пищу только священникам; остальные же две части богомольцам, которые должны были есть их, как святыню, с величайшим благоговением.

9) Особенно важное значение Божественное Откровение приписывает жертвоприношению, которое один раз в год, в день очищения, совершал непременно сам первосвященник. Этою жертвою он очищал от грехов себя, дом свой и всё общество (Лев. 16, 1, 11, 17). В жертву были приносимы козел и телец, кровь которых первосвященник проливал уже не пред жертвенником, как обыкновенно, а пред самым ковчегом завета во святом святых, после предварительного исповедания над жертвенными животными грехов всего народа.

Имея в виду именно это жертвоприношение, апостол Павел говорит: «Христос, Первосвященник будущих благ, не с кровию козлов и тельцов, но с Своею Кровию однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление» (Евр. 9, 11, 12; срв. 7, 24–28; 8, 1–3, 6; 10, 11–14).

10) Как особенность этого жертвоприношения или этой «жертвы за грехи всего народа», нужно отметить то, что, по повелению Божию, хотя кровь козла и тельца была проливаема во святом святых пред ковчегом завета, но самые трупы их были сожигаемы не на жертвеннике, а непременно *вне стана*, впоследствии даже *за стенами Иерусалима*. «А тельца за грехи и козла за грех, которых кровь внесена была для очищения святилища, – говорит Господь (Лев. 16, 27), – пусть вынесут вон из стана и сожгут на огне кожи их, и мясо их, и нечистоту их». Имея в виду это постановление ветхозаветного закона, апостол Павел так изъясняет его мессиански-прообразовательное значение. «Так как тела животных, которых кровь, для очище-

ния греха, вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, – то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат» (Евр. 13, 11, 12).

Что ветхозаветные евреи понимали прообразовательное мессианское значение своих кровавых жертвоприношений, – в этом сомневаться невозможно. Изображая страждущего Мессию, пророк Исаия (53, 7) заимствует для этого черты именно из ветхозаветных кровавых жертвоприношений: «Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих». Конечно, таким языком Исаия не мог бы говорить, если бы его читатели-евреи не имели понятия о прообразовательно-мессианском значении своих кровавых жертвоприношений. От всех приносивших кровавые жертвы Господь решительно требовал смирения, сокрушения о грехах и веры в будущее искупление (срв. Лев. 16, 29, 31; Ис. 50, 19).

Легкомысленно думают многие рационалисты (Фон-дер-Альм, Ренан и др.), будто бы сущность кровавых жертвоприношений состояла только в умерщвлении и сожжении жертвенного животного. Кровавые жертвоприношения сами по себе, без соответствующего внутреннего настроения молящихся, без сокрушения о грехах и без веры в обетованого Искупителя, совершенно не имели никакого значения: они не только не были угодны Богу, по даже были противны Ему. Давид говорит: «Жертва Богу дух сокрушенный» (Пс. 50, 19). Соломон учит: «Жертва нечестивых – мерзость пред Господом» (Притч. 15, 8), «особенно когда приносят ее с лукавством» (21, 27). Чрез пророка Исаию (66, 3) Сам Бог говорит: «Беззаконник, закаляющий вола, – тоже, что убивающий человека: приносящий агнца в жертву – то же, что удушающий пса». «К чему Мне множество жертв ваших, говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, крови тельцов, и агнцев, и козлов не хочу» (Ис. 4, 11). Чрез пророка Иеремию (6, 20) говорит Бог евреям, не слушавшим его слов и отвергшим закон Его: «Всесожжения ваши неуютны и жертвы ваши неприятны Мне». То же самое можно читать у Амоса (5, 21, 22), у Михея (6, 7) и у Сираха (34, 19).

Наконец, прообразовательное мессианское значение ветхозаветных кровавых жертвоприношений весьма ясно и убедительно засвидетельствовано историею всего человечества. Слово распятого на Кресте Искупителя: «совершишася» (Иоан. 19, 30) возвестило всему миру, что ветхозаветные прообразы уже утратили свое непосредственное значение. На Голгофе принесена Вечная Жертва примирения, и все кровавые жертвоприношения до-христианского мира стали излишними и ненужными. Без всяких энергичных внешних мер и воздействий люди почему-то сами перестали верить, как веровали раньше в течение пяти тысяч лет, что кровавые жертвы угодны Богу. Их перестали приносить не только евреи, но и язычники, еще не слышавшие благовествования о Христе.

Христианская Церковь скоро установила свое совершенно определенное отношение к ветхозаветному обрядовому закону и к его кровавым жертвоприношениям. Уже в первое десятилетие после Вознесения Господа нашего Иисуса Христа на небо, когда в Церковь Христову стали вступать, в качестве ее действительных членов, и язычники, некоторые христиане из иудеев, и в частности принадлежавшие раньше к фарисейской секте (Деян. 15, 5), потребовали соблюдения закона Моисеева и в христианстве, так как, по их мнению, христианство существует будто бы только ради иудейства, как его дальнейшее раскрытие: не будь-де иудейства, не было бы и христианства. С другой точки зрения смотрели на этот вопрос христиане из язычников: по их пониманию, наоборот – иудейство существовало ради христианства, как приготовление к нему, а потому, с учреждением Церкви Христовой, оно утратило свое значение, стало излишним и ненужным. Возникшие по этому вопросу споры произвели в Церкви соблазн, для устранения которого Апостолы, по заповеди Спасителя, созвали собор в Иерусалиме. На этом-то соборе и было постановлено, что для Церкви Христовой обрядовый закон Моисея, с его постановлениями об обрезании и жертвах, уже не имеет более значения и потому ни для кого из христиан необязателен. В полном согласии с таким постановлением Иерусалимского собора учили и Апостолы как устно, так и в своих посланиях. Богодухновенный Апостол Павел, редкий знаток ветхозаветного закона и писаний, бывший ученик знаменитого раввина Гамалиила, «обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей» (Филип. 3, 5), учил, что «конец закона – Христос» (Рим. 10, 4), что «обрезание то, которое в сердце, по духу, а не по букве» (Рим. 2, 29), что христиане для закона умерли (Рим. 7, 4, 6), что Бог благоугождается только жертвами духовными (Евр. 13, 16). И Апостол Петр писал христианам: «Сами как живые камни, устройте из себя дом духовный, священство святое,

чтобы приносить *духовные жертвы*, благоприятные Богу, Иисусом Христом» (1 Петр. 25). Церковь Христова с этого времени уже не знает более кровавых жертвоприношений; у нее есть только одна безкровная жертва, установленная не Моисеем, а Христом...

В странное отношение к ветхозаветному закону Моисея поставило себя иудейство после разрушения Иерусалима. Обряд обрезания оно сохранило, признало и ныне признает его обязательным для каждого иудея мужского пола; но постановления Моисея о кровавых жертвоприношениях перестало соблюдать, не отвергнув их никаким формальным актом. Как понять это? Спросите евреев: почему они уже не приносят кровавых жертв Богу? Не считать их культом, имеющим Божественное происхождение и единственным средством примирения грешника с Богом, – они не могут, не отрекаясь от самих себя и от всей своей истории. По всей вероятности, они укажут вам на то, что в настоящее время у них нет храма. Но если они могут строить грандиозные синагоги, превосходящие своим размером и стоимостью (напр. в Петербурге, Одессе, Харькове или Варшаве) самый храм Соломона, то ничто не мешает им построить и такое здание, которое они могли бы назвать храмом! Им нужен для кровавых жертвоприношений храм непременно в Иерусалиме? Теперь они не встретят препятствий и в этом. Но когда и от кого они получили право не исполнять повелений своего Иеговы? На этот вопрос они, конечно, сумели бы ответить, но – не ответят, подобно тому, как их предки – Иерусалимские первосвященники и старейшины – первыми узнали о воскресении Иисуса Христа из мертвых, однако же не только старались всячески скрывать истину, но и противопоставили ей наглуемую ложь.

После сказанного мысль неотвязчиво останавливается на вопросе: не заменены ли у евреев кровавые жертвоприношения так называемыми «ритуальными убийствами»? Но на этот вопрос нельзя ответить ни утвердительно, ни отрицательно, не установивши предварительно самого факта существования у евреев такого рода злодейств.

Литература по этому предмету очень обширна. Исследованиями о ритуальных убийствах переполнены книжные рынки как в России, так и за границей. Их насчитывает свыше 330 даже Кузьмин, вовсе не претендующий на полноту своих сведений. К сожалению, эти «исследования» явно тенденциозны, необъективны и небеспристрастны. Они выпущены в свет или евреями, во чтобы то ни стало старающимися скрыть истину, или «писателями», состоящими на еврейских хлебах. Их достоинство таково же, как достоинство напр. отчетов по делу Бейлиса, помещенных в «Речи», «Биржевых ведомостях», «Современном Слове», «Дне» и т.п. Если вы с доверием следили за делом Бейлиса по этим отчетам, то вы, конечно, имеете о нем совершенно неверное представление. Ведь даже председатель суда вынужден был открыто и официально заявить, что в них извращены свидетельские показания, и дело умышленно представлено в искаженном виде. Судите после этого, какие сведения и мы можем получить о фактах прошедшего времени!..

Можно было бы предполагать, что нам скажут правду те раввины и вообще интеллигентные евреи, которые перешли в христианство. Но и здесь нужно быть очень осторожным и осмотрительным. Не следует забывать, что принятие христианства у евреев часто бывает только тактическим маневром в борьбе с христианством. Не говорим о тех лицах, которые переменяли свою веру не по убеждению, а по житейскому расчету, ради своих личных выгод. Ведь талмуд (Иоре деа 157, 2) дозволяет еврею прикинуться христианином, или – что то же – только выдавать себя за христианина, если того требуют интересы еврейства. Даже Хвольсон, заслуженный ординарный профессор еврейского языка и библейской археологии при С.-Петербургской духовной академии, как показал Н.И. Костомаров, не мог оставаться объективным ученым в своей брошюре: «Употребляют ли евреи христианскую кровь?» А его явно враждебное отношение к христианскому духовенству, которое будто бы, ради своих материальных выгод, поддерживает все «сплетни» о евреях, убеждает нас в том, что, в действительности, он и не переставал быть евреем.

Кроме того, каждому еврею, принявшему христианство, каждому «отступнику» или «изменнику», а тем более тому, который решился бы раскрыть еврейские тайны, талмуд грозит смертью. *Абода зара*, 26 в. гласит: «Еретиков, изменников и отступников сталкивать в колодезь, но не вытаскивать оттуда». Относительно разоблачителей еврейских тайн, которых талмуд обыкновенно называет доносчиками, *Хошен гаммишпат* (388, 10) делает такое распоряжение: «Дозволительно убить даже и в нынешия времена доносчика, где бы он ни находился. Можешь убить его, если он еще и не успел сделать доноса. Объявляя о своем намерении предать кого-нибудь на верную смерть, доносчик сам произносит себе смертный приговор. Однако лучше

сперва попробовать отговорить его, упрямить его не делать доноса; но если он будет нахально настаивать, говоря: «нет, я донесу», – он подлежит смерти, и большая заслуга того, кто первый убьет его». *Гага*: «Если некогда уговаривать его, то и не надо делать этого». Впрочем, некоторые (еврейские авторитеты) утверждают, что изменника нужно убивать только в том случае, если не предвидится возможности отделаться от него, напр. изувечением. Если есть возможность устранить его таким, напр., образом: вырвать язык, выколоть глаза, тогда незачем лишать его жизни: он не хуже других гонителей наших». Согласитесь, что при таких условиях немного найдется лиц, которые будут иметь мужество раскрывать еврейские тайны¹⁴.

Далее. Литература по вопросу о ритуальных убийствах бедна еще и потому серьезными и научно-беспристрастными исследованиями, что евреи всячески стараются истребить книги этого рода или, по крайней мере, не допустить их в обращение среди широкой публики. Вот несколько примеров, доказывающих сказанное нами. В 1700 году во Франкфурте на Майне было напечатано очень интересное и в научном отношении весьма ценное сочинение профессора восточных языков в Гейдельбергском университете И.А. *Эйзенменгера* «Entecktes Judenthum». И что же? – Евреи добились того, что, по повелению императора, книга эта была уничтожена, и общество долго не знало даже о самом существовании ее. А сколько таких случаев было у нас!.. Интересный факт сообщил в 1870 году корреспондент «С.-Петербургских Ведомостей» (№ 286) в статье «Евреи в Одессе». В 1869 году в Вильне было напечатано серьезное сочинение – «Книга Кагала», написанное бывшим раввином Яковом *Брафманом*. Когда эта книга появилась в Одессе, в книжном магазине *Белого*, все экземпляры ее сразу были скуплены и уничтожены одним богатым евреем – с явною целью не допустить ее обращения в публике. И, действительно, вы не найдете теперь этой книги нигде, не достанете ее ни за какая деньги. На ее появление на свет Божий и кратковременное существование нет даже намека и в «Систематическом указателе литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта (1708 г.) по декабрь 1899 года». Книга как в воду канула... Но, зато вы в изобилии найдете в ваших книжных магазинах сочинения Хвольсона, Шигарина, Голицына, Элленбергера, Бершадского, Алексеева, Дубнова, Рывкина, Гессена, Гурвича, Бараца, Яблонского, Линаина, Левинзона и многого множества других лиц. Еще один пример. В 1844 г., по приказанию министра внутренних дел Перовского, наш известный филолог и выше всякого подозрения стоявший ученый В.И. *Даль* написал небольшую по объему (всего только в 153 стр.), но весьма важную по содержанию брошюру – «*Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их*». Сочинение это имеет для науки и русского общества весьма важное значение уже потому, что оно было составлено по редким документам, хранившимся тогда в нашем министерстве внутренних дел, но в 1862 году, к сожалению, истребленным большим пожаром. Чтоб поменьше русские люди знали еврейские тайны, эта брошюра *Даля* была напечатана, по распоряжению министра, всего только в 10-ти экземплярах. К 1869 году сохранился у *Даля* один экземпляр этой брошюры. Издатель «Русского Архива» П.И. *Бартенев*, с согласия *Даля*, решил вновь напечатать его исследование. С этою целью он отдал его брошюру в типографию *Мамонтова* в Москве. И что же? Еврей, служивший в типографии наборщиком, ночью выбил в помещении типографии стекло, влез чрез него туда, рассыпал весь уже набранный шрифт, а из брошюры вырвал самую важную часть ее, именно стр. 73–82, и скрылся из Москвы. Полиция, по обыкновению, виновника найти не могла...

Даже пользование источниками еврейской догматики, этики и ритуала еще не дает исследователю надежного и достаточного материала для научного разрешения интересующего нас вопроса. Из желания скрыть истину и не дать возможности «гоям» и «акумам» составить правильное представление о внутренней жизни еврейства, раввины в течение тысячелетия извращали текст самого талмуда: наиболее важные места в нем, напр., о догмате крови, они или затемняли двусмысленными выражениями, или извращали противоречивыми вставками, или же совершенно опускали¹⁵. Многие еврейские книги, в которых прямо и откровенно было сказано о

---

¹⁴ *Неофит* указывает еще одну причину молчания евреев, обратившихся к христианству. «По моему мнению, – говорит он, – причина, препятствующая иудеям, даже обратившимся в христианство, дать ясные разоблачения по этому поводу (употребления христианской крови), кроется или в том, что они действительно не были посвящены в тайну, или в том, что, сохраняя безрассудную жалость к нашему несчастному народу, они боятся навлечь на него сильную месть христианских народов».

¹⁵ В.И. *Даль* пишет (стр. 8–9) {R-JEWS1}: «В печатных талмудах на еврейском языке сделаны пропуски, означенные иногда пробелами, скобками или словом: «ведал», т.е., догадывайся, доискивайся

способе добывания христианской крови и ее употреблении, или изъяты из общего пользования, или уничтожены совсем. Так, напр. «книги *Хохмес Ныстер*», всё содержание которой состоит в раскрытии догмата крови и в указании способов истребления христиан, теперь нельзя достать ни за какие деньги, так как ее имеют только раввины, да и то не все, а рядовые евреи едва-ли знают и о самом существовании ее... Ее даже перестали печатать, а только списывают. Книгу «Макиес», в 71 главе которой прямо сказано: «всякого утверждающего, что Мессия уже пришел, должно убить», также трудно найти. А таких книг, содержимых в большой тайне, существует до 50-ти¹⁶.

Отсутствие ученых исследований по интересующему нас вопросу объясняется еще и тем, что прежнее правительство наше мало оказывало содействия раскрытию истины о ритуальных убийствах. Даже следует сказать больше: иногда, по различным соображениям политического характера и другим, трудно определимым побуждениям, оно намеренно затрудняло такое раскрытие. Приведу один пример. В 1816 году, в царствование гуманнейшего и в делах религиозной совести либеральнейшего Императора Александра I-го, в Гродне, на Пасху, найдена была умерщвленной крестьянская девочка Адамовичева. Всё тело ее было исколото и обезкровлено. Никто не сомневался в том, что совершено было не простое убийство, а мучительство, изуверство, зверское издевательство. Объяснить его нельзя было ни мезтью врагов, ни корыстью грабителей. Естественно, подозрение пало на евреев. Перепуганные евреи немедленно отправили в Петербург депутацию с жалобой на столь обидное для них подозрение, которое они объяснили ненавистью к ним поляков за их беспредельную преданность России и Русскому Царю. Правительство наше поверило евреям, не скупившимся ни на клятвы, ни на уверения, – и, вот, состоялось высочайшее повеление от 28 февраля, обнародованное во всеобщее сведение 6-го марта 1817 года, – *чтобы евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей по одному предвзвещанию, будто они имеют нужду в христианской крови*. Гродненскому Губернатору было сделано высочайшее замечание за возбуждение следствия по этому делу, а дело велено прекратить. Так прошло 17 лет. В царствование Императора Николая Павловича возникло Велижское дело об умерщвлении евреями солдатского сына Емельянова, имевшего от роду 2½ года. Три женщины, принимавшие участие в этом злодеянии, откровенно сознались во всем. Мученичество ребенка было произведено в синагоге; кровь, разлитая по бутылкам, была забрана евреями и разслана их единоверцам по различным городам; намоченное кровью полотно, в количестве двух аршин, было разрезано по кусочкам, часть которых была взята евреями для лечения глаз новорожденных еврейских детей и рожениц, а часть сожжена и пепел был употреблен в тесто мацы. Сомнения в ритуальном характере этого убийства не было. Виновные были осуждены. Несмотря однако же на сознание подсудимых, на все явные улики и категорическое заключение генерал-губернатора, что убийство ребенка Емельянова принадлежит несомненно к числу ритуальных убийств, гражданский департамент правительствующего сената решил прекратить это дело будто-бы по недостатку доказательства, причем принял на себя нелегкий труд и неблагодарную задачу «историческими фактами» и «судебными справками», равно как и теоретическими доводами доказывать, что самая мысль о ритуальных убийствах есть «предубеждение, недостойное нашего времени», а в заключение постановил: «дабы положить сему конец и отвратить возрождение дел, подобных Велижскому производству, подтвердить повсеместно об исполнении во всей силе Высочайшего повеления, объявленного в 1817 году бывшими министрами духовных дел и народного просвещения». – Из сената дело перешло в Государственный Совет. Государственный Совет вполне согласился с сенатом, что мрачное и чуждое понятиям нашего века предубеждение (о возможности умерщвления евреями христианских детей для их религиозных обрядов), не быв ни доказано достоверными событиями, ни подтверждено когда-либо судебно в строгом юридическом смысле, могло возыметь начало свое от суеверных преданий и укорениться потом – отчего бы, вы думаете, скажет русский Государственный Совет – от той ненависти, которую питают *христиане* к целому «еврейскому

смысла. В еврейской книге «Сейдер-Годайдойс» объяснены и причины этих пропусков: там сказано, что частый переход евреев к христианству, в течение первых веков его, заставил раввинов принять и включить в талмуд особенно строгие и жестокие меры противу назарян. Постановления эти обратили однако на себя в IX веке внимание правительств, последовало гонение на евреев почти во всей Европе, почему места эти и были частью исключены из талмуда, а частью отнесены не к христианам (гои), а к идолопоклонникам (акум), хотя евреи в этом отношении не делают никакого различия и подразумевают и тут, и там, даже преимущественно, христиан».

¹⁶ Срв. Даль, стр. 10.

племени»!... Не знаем, в каких «достоверных событиях» и в каких «судебных решениях» Государственный Совет нашел доказательства и подтверждение *христианской ненависти* к целому еврейскому племени. Но Велижское дело он посчитал за наилучшее прекратить совсем, а на утверждение Государю поднес следующее мнение свое:

«Дабы случающиеся иногда в западных губерниях похищения христианских детей не могли, укрепляя в народе сие пагубное предубеждение (против евреев), возбуждать новые преследования, совращающие только ход изысканий с прямого их пути, признать неизлишним возобновить силу Высочайшего повеления 1817 года особым от имени Его Величества подтверждением».

Иначе взглянул на дело великий и мудрый Государь Император Николай Павлович. На мнении Государственного Совета Он собственноручно начертил следующую знаменитую резолюцию:

«Разделяя мнение Гос. Совета, что в деле сем, по неясности законных доводов, другого решения последовать не может, как то, которое в утвержденном мной мнении изложено; считаю однако нужным прибавить, что *внутреннего убеждения*, чтоб убийство Евреями произведено не было, не имею и иметь не могу. Неоднократные примеры подобных умерщвлений с теми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемых доказательств, и даже ныне производимое весьма странное дело в Житомире доказывает, по моему мнению, что между Евреев существуют, вероятно, изуверы или раскольники, которые христианскую кровь считают нужною для своих обрядов. Сие тем более возможным казаться может, что, к несчастью, и среди нас, христиан, существуют иногда такие секты, которые не менее ужасны и непонятны, напр., соживальщики и самоубийцы, которых неслыханный пример был уже при мне в Саратовской губернии. Словом, не думаю отнюдь, чтобы обычай сей мог быть общим Евреям, не отвергаю однако, чтобы среди их не могли быть столь же ужасные изуверы, как и между нас, христиан».

Такое разумное, беспристрастное, спокойное и глубоко обдуманное заключение, какое сделал Император Николай I, может вывести еще разве только истинно ученый исследователь после продолжительного и всестороннего изучения вопроса. К сожалению, мудрый урок великого Императора прошел бесследно для нашего высшего правительства. В 1860 г., уже в царствование Императора Александра II-го на рассмотрение Государственного Совета поступило известное Саратовское дело. Было доказано с несомненностью, что евреи убили двух христианских мальчиков Феофана Шерстобитова (10 л.) и Михаила Маслова (11 л.). Сам Государственный Совет обратил при этом свое внимание на то, что «трупы их найдены с явными признаками нанесенных при жизни Маслову ран и обоим мальчикам истязаний и, что весьма замечательно, с явными же признаками обрезания у них крайней плоти, составляющего, как известно, один из существенных обрядов иудейского вероисповедания». Несмотря однако же на это, Государственный Совет и в настоящем деле отверг мысль о ритуальности убийства, как предвзвешенный, недостойный нашего просвещенного времени. Удивительная твердость убеждений и непонятная небрежность отношения к столь серьезному делу!..

И так, после сказанного легко понять, отчего так скудны мы сведениями о внутренней жизни евреев и отчего мы бедны серьезными и беспристрастными исследованиями по вопросу о ритуальных убийствах. Впрочем, скудность наших сведений еще не настолько велика, чтобы, подобно экспертам по делу Бейлиса, профессорам наших духовных академий Глаголеву и Троицкому, мы могли сказать, что мы ничего не знаем и ничего не ведаем; мы все-таки еще располагаем достаточным материалом для того, чтобы дать определенный ответ на вопрос: прибегают ли действительно евреи к убийствам христиан с целью добытия крови для ее употребления в своих религиозных обрядах и находятся ли эти убийства в связи с их религиею?

На одного из экспертов по делу Бейлиса, ксендза *Пранайтиса*, злобно нападают все юдофилы наших «левых» газет. Его не только легкомысленно поносят, не просто оплевывают... Даже проф. *Петражицкий* унизился до такой степени, что мог только презрительно отозваться о Пранайтисе: «какой-то науке (?) неизвестный и в ней некомпетентный литовский ксендз Пранайтис, выступающий в тем более сомнительной роли, что он объявляет оппозицию и войну (!?) не только науке (!?), но и авторитету католической церкви (!...))» и т.д. Что заставило Петражицкого так отозваться о Пранайтисе? Невежество и легкомыслие или *злость* и ненависть, толкнувшие его сделать даже нечто вроде доноса по начальству?.. Если бы он был хотя немного сведущ в том деле, о котором взялся рассуждать, он заговорил бы о Пранайтисе иным языком;

если бы он не был ослеплен юдофильством, он сам бы устыдился своего легкомыслия и невежества. Пранайтис не литовский ксендз, а куратор всего Туркестанского края; он имеет ученую степень магистра богословия и был профессором еврейского языка и еврейской археологии в Императорской римско-католической академии в Петербурге, когда Петражицкий, вероятно, сидел еще на гимназической скамье. Пранайтис известен как отличный знаток еврейской литературы библейской, талмудической и каббалистической. Его сочинение: «Christianus in Talmude Judaeorum sive rabbinicae doctrinae de christianis secreta», напечатанное в типографии Императорской академии наук еще в 1892 году и состоящее ныне из трех частей, уже переведено на немецкий (в Вене, в 1894 г.) и русский язык и пользуется большою популярностью среди западно-европейских гебраистов. Вот, по всей вероятности, почему Пранайтис приглашен в число экспертов по делу Бейлиса и Киевским окружным судом. Перед Петражицким он виноват только тем, что в своей экспертизе стоит твердо на одной научной почве и не позволяет себя увлечь в поток широкого современного юдофильства, в котором потонул Петражицкий и множество подобных ему диллетантов в науке.

Экспертиза Пранайтиса отличается обстоятельностью и в то же время – сдержанностью, осмотрительностью и осторожностью. В каждом своем положении эксперт заметно опасается того, чтобы не сказать больше, чем сколько он может сказать на основании находящегося в его распоряжении материала.

В своем *заключении* он опирается на подлинные еврейския символические книги – талмуд и каббалу. Выводы, к которым он вынужден был прийти на основании этих источников, им выражены следующим образом: 1) Ритуальные убийства христиан евреями не вымысел, а действительность. 2) Ритуальные убийства являются результатом изуверства. т.е., доведения до крайних и уродливых пределов логических выводов из еврейского вероучения и его толкований. 3) Пока не будет доказано противное, убийство Андрея Ющинского, в Киеве, по своему существу, обстановке и кажущейся безмотивности, по особым приемам преступления, равно как по свойству и многочисленности преступлений, представляющихся истязаниями и мучениями, – по самому расположению повреждений на теле жертвы, а также обезкровлению ее, отсутствию почти всей вытекающей крови как на одежде, так и на месте обнаружения тела Ющинского; – наконец, по времени совершения убийства, именно перед еврейской пасхой, – заключает все отличительные черты типичного ритуального убийства.

Проверка указанных Пранайтисом источников докажет каждому беспристрастному исследователю, что, высказывая приведенное заключение, Пранайтис был прав.

Что талмуд требует от евреев непримиримо враждебного отношения к христианам, это факт общеизвестный. Самые названия христиан в талмуде свидетельствуют об этом. Христиане по талмуду – идолопоклонники (акум), чужие (нохри), иноплеменники (гой), самаряне (куфеи), эпикуреи (беззаконники), египтяне (ноцрим), нечистая сторона, злые духи (клифоты), идиоты, неученые, еретики, безбожники, богоотступники и т.д. Об оскорбительных наименованиях Иисуса Христа и Божией Матери мы считаем невозможным и упоминать. «Христианское богослужение талмуд называет словом мезаббеллим (испражнение), воскресенье – день несчастья (иом эд); праздник Рождества Христова – низвержение (нитал), пасха – виселица (кетсах); христианский храм – дом глупости, дом тщеславия, дом срама (бетхатифлах, бетхатурпа), евангелие – неправедная книга (аавонгилайон), святые жены – публичные женщины (кедешет), девушка христианка, прислуживающая еврею в субботу, – субботняя пакость (шаввесишксель). Талмуд позволяет еврею причинять христианам всяческий вред, не исключая и лишения жизни. «Они были для нас камнем преткновения; поэтому рабби Шимон сказал: лучшего из гоев убей – самой красивой змее разможжи голову!». «Справедливейшаго из безбожников лиши жизни» (талм. тракт. Абода Зара 26, в, Тосефот, Соферим). «Рабби Иоханан сказал: «Гой, изучающий закон, повинен смерти» (Сангедрин 59, а). В трактате Песахим – (49, в): «Рабби Елиазар сказал: «дозволено пронзить нееврея (амгаарец) даже в день прощения обид. Но когда ученики его заметили: «равви, скажи лучше закласть (зарезать)», он ответил им: «нет, при заклании его нужно произносить бераху (благословение, молитву), а пронзить можно без берахи». Там же говорится далее: «амгаареца (не еврея) можно потрошить, как рыбу». Всем приведенным изречениям

защитники талмуда стараются придать аллегорический смысл, но отвергать подлинности их не решаются¹⁷.

Еще более ценный материал при разрешении вопроса о ритуальных убийствах представляет Каббала (слово еврейское, значит – предание, преданное учение). Это – сборник религиозно-философских положений мистического характера, содержащий еврейское тайноучение, усвоенное раввинами, несомненно, под влиянием восточного мировоззрения и в своем настоящем виде отредактированное не ранее 12 века по Р.Х. Впрочем, евреи говорят иначе о происхождении Каббалы. По словам одних, она заключает в себе откровения о божественных вещах, сообщенные падшими ангелами, которые в Библии также изложены, но не в прямой, а в аллегорической форме. Другие утверждают, что в Каббале содержатся откровения, данные Моисею Богом, но они настолько возвышенны и таинственны, что Моисей мог открыть их только некоторым избранным и посвященным израильтянам; а последние под строжайшею тайною сообщали их дальнейшим поколениям по преданию. Из каббалистических трактатов наибольшим уважением пользуется книга Зогар. На основании того, что говорится в Зогаре, напр. I, 38, в. и 39, а; II, 43, а. и III, 227, в, можно с уверенностью предполагать, что убийство христиан для каббалистов имеет значение ветхозаветных кровавых жертвоприношений. Вот что мы читаем там: «Нет у нас иной жертвы, кроме той, которая состоит в устранении нечистой стороны (т.е. христиан). А объясняя закон Моисея о принесении в жертву, вместо первенца – осла, агнца, каббалист Зогара говорит: «Осел это – не еврей. В искупление его приноси в жертву агнца, т.е., рассеянные овцы Израиля. А если он не захочет, сворачивай ему шею, ведь их надо вычеркивать из книги живота, ибо про них сказано: «погрешающий против Меня будет изъят Мною из книги». Зогар I, 38 и 39: «В четвертый дворец рая отправляются все те, которые оплакивали Сион и Иерусалим, равно как и все, истребившие остатки народов, идолопоклонников. Пурпуром отмечают и отличаются все те, которые истребляли остатки идолопоклонников». К этому нужно присоединить то, что говорится в трактате Талмуда *Сефер Ор Израель* (177, в.): «Лишай жизни клифотов и убивай их, этим сделаешь угодное Богу, как тот, кто приносит жертву всежжения». И в другом месте (180): «Еврей обязан удалять терния из своего виноградника, т.е. искоренять, вырывать с корнем клифотов; ведь ничего угоднее Благословенному Господу и быть не может, как искоренение нами людей нечестивых и клифотов». «Всякий, кто проливает кровь нечестивых, столь же угоден Богу, как и приносящий ему жертву» (*Ялкут Шимони* 246, с. 722 и *Бамидбар рабба*, 229, с.). В трактате *Эдуот* (VIII, 6) говорится: «Рабби Иисус (живший в первой половине 2-го века по Р.Х.) сказал: «я слышал, что жертвы приносятся, хотя и нет храма»... То же говорится и в трактате *Тосефт* (3, 3): «Рабби Иисус сказал: «я слышал, что режут жертвы, хотя бы и не было возлияний»... Из книги же Зогар (ч. II, 119 а) Пранайтис приводит в своей экспертизе и тот способ убийства христиан, который указывается каббалою: «И смерть их (аммэ гаарец – не евреев) пусть будет при *заткнутом* рте, как у животного, которое умирает без голоса и речи. В молитве же так он (резник) должен говорить: нет у меня уст отвечать и нет чела, чтобы поднять голову. И он творит благодарственную молитву и дает обет Святому, да будет он благословен, что ежедневно должно быть его убийство во Эхаде, как при убийстве скота, двенадцатью испытаниями ножа и ножом, что составляет тринадцать (именно столько составляют числовые значения букв слова Эхад: алеф – 1, хет – 8, далет – 4, а всего 13)». Покойный профессор московской духовной академии по кафедре еврейского языка и литературы П.И. Горский-Платонов усматривал в этом каббалистическом способе убийства скота и человека еще и кощунство евреев над священнодействиями православной церкви, именно над тем, что православный священник, приготовляя на проскомидии агнец, 12 раз знаменует *копьем* просфору, а потом прободает ее копьем 13-й раз в бок, и что при приготовлении агнца он произносит те же слова пророка Исаии, что и еврейский резник: «как овца веден был на заклание и как агнец предстригушим его *безгласен*, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. 53, 7).

Кроме сказанного, Пранайтис приводит в своей экспертизе еще каббалистическое учение, основанное на почве мессианской идеи о том, что, сотворяя мир, Иегова заронил в живые существа частицы своей божественной святости, в виде *искр*. При создании доброй и злой сторон

---

¹⁷ Монах *Неофит* пишет: «Жида, как бы с молоком матери, внедряют в сыновей своих с самого раннего детства ненависть к христианству. Получив такие наставления от своих отцов на протяжении целого ряда поколений, они, действительно, искренно убеждены, что ненавидеть христиан и даже убивать их – дело наиболее приятное Богу».

(злая сторона – клипоты), часть искр Божества попала в злую сторону. Таких искр было 288. Освобождение этих искр из клипот (злой стороны) и возвращение их ввысь – к первоисточнику – ускоряет пришествие Мессии. Момент же пришествия стоит в зависимости от освобождения всех 288 искр из клипот (злой стороны творения). Отсюда естественно вытекает положение, что чающий всеми своими помыслами пришествия Мессии еврей должен быть устремлен к освобождению этих искр *путем убийства*, подобно Моисею, убившему египтянина с целью освобождения из него одной из таких искр Божества. Это учение каббалы Пранайтис излагает по сочинению авторитетнейшего из каббалистов, *Хаима Витала*, ученика Ицки Лурьи, каждую ночь летавшего на небеса, – *Пери Эц Хайим* (33, в.); а в разъяснение его он приводит следующее место из другого сочинения того же каббалиста, – «*Шаар Гакдамот*» (шаар 6, деруш 2, лист 33, в). «Тайна означенного дела в том, что с целью сочетания (спаривания, соития, соединения) Малого Лика и Его Супруги, мы возносим (вверх) женские воды, двумя способами: во первых, молитвою... во вторых, *убивая скорлупы* (клипоты) и *удаляя их прочь из этого мира*... Так продолжается дело, пока все искры не исчезнут из скорлупы... И тогда придет Мессия, как известно». В книге «*Авойде Зуре*» (во 2-й гл.) также говорится, что Мессия не придет до тех пор, пока из сокровищ небесных не выйдут все души. А что значит все души – и языческие и христианские? Нет, такая душа всё равно, что душа собаки, а потому христиан и прощительно убивать».

Это каббалистическое учение об «излучимостях», вошедшее ныне уже в область оккультизма, излагает и *Уранус* в своей брошюре «Убийство Ющинского и Каббала» (СПБ., 1913, стр. 9–15), выисывая им «каббалистический смысл ритуального убийства». Но как у Пранайтиса, так и Уранус изложение этого каббалистического учения представляется не для всех достаточно ясным. Яснее оно изложено в отрывке из книги «Эц Хаим», хранящемся в архиве министерства внутренних дел¹⁸. Там говорится следующее: «Всякое животное сохраняет посредством жизни известную частицу святости Всевышнего. А человек, кто бы он ни был, сохраняет этой святости при жизни более, нежели животное. Когда заколешь животное, тогда отходит от него тень святости и обращается в пользу того, кто в снесь это животное употребляет; но пока тень жизни от животного еще не отошла совсем, то сохраняющаяся в нем известная частица святости запрещает нам употреблять его в пищу. Так сказано в Писании и о человеке Числ. 14, 9: «Они нам в снесь, отошла от них тень их». Сие показывает нам намеками, что так как в них нет уже более той частицы святости, то они, как заколотые животные или хлеб, в снесь нам предоставлены, посему и сказано Числ. 23, 23: «Сие людие (народ израильский) не уснет дондеже снет лов и кровь посеченных испиет; и сие намекает, на людей, не сохраняющих в себе святости свыше. Из всего оногo мы заключаем, что убиением и питием крови гоя неверного умножается святость Израйля или евреев». К этому отрывку трудно что либо прибавить при разрешении вопроса: существуют ли у евреев ритуальные убийства и употребляют ли евреи христианскую кровь по своим религиозным побуждениям?

В своей брошюре «Убийство Ющинского и Каббала» (стр. 6–8) Уранус, на основании каббалистических данных, показал, что *тринадцать* уколов на виске Андриюши Ющинского вовсе не случайны, а заключают смысл как бы приговора: «Во имя каббалистической власти, но не первосвященной, я, знающий, предаю Судье времен тельца сего (нижняя группа уколов). Власть твоя да воздействует на повергнутое, тут воплощенное, христианство, и да будет оно предано дьяволу земли» (верхняя группа уколов). Это обстоятельство ясно доказывает, что убийство Ющинского было совершено евреями по ритуальным мотивам...

Важное значение при суждении о ритуальных убийствах, совершаемых евреями, имеет публичный диспут, происходивший во Львове 17-го Июля 1759 года, между евреями – франкистами или контраталмудистами и евреями талмудистами, отчет о котором, за подписью участвовавших в диспуте, напечатан потом бывшим раввином, а впоследствии католическим ксендзом *Пикульским*¹⁹. Этот диспут был устроен в присутствии многочисленной публики, состоявшей из католиков и евреев, по настойчивой просьбе контраталмудистов, которые хотели, во-первых, обличить талмудистов в их заблуждениях, во вторых, показать присутствовавшим, что они, контраталмудисты, решились оставить талмуд и перейти в христианство не по какому-

¹⁸ Срв. В.И. Даль «Записки о ритуальных убийствах» СПБ. 1913. Стр. 33–35 {[R-JEWS1](#)}; *Лютостанский* «Об употреблении евреями (талмудистскими сектаторами) христианской крови для религиозных целей». СПБ. 1880. т. 1, Стр. 379–380.

¹⁹ Срв. И.О. Кузьмин. Материалы к вопросу об обвинениях евреев в ритуальных преступлениях. СПБ. 1913. стр. 186–215; Даль, стр. 22.

либо легкомыслию, но по глубокому убеждению в заблуждениях талмуда и, в третьих, чтобы колеблющиеся талмудисты могли познать всю правду. Между прочим, на XI диспуте контра-талмудисты защищали свой тезис по 7 пункту: «Талмуд учит употреблять христианскую кровь, и кто верит в Талмуд, обязан употреблять ее». В самом начале диспута контра-талмудисты заявили: «Употребление талмудистами христианской крови известно не только в королевстве Польском, но и в чужих землях. Обходя молчанием многочисленные происшествия в других краях, упомянем о Польше и Литве. Здесь случалось, что талмудисты проливали невинную христианскую кровь, были уличаемы в этом безбожном поступке и в разное время осуждены на смерть декретами судов. Однако, постоянно запираясь, они хотели оправдаться перед всем светом и говорят, что это на них несправедливо возлагают христиане. Взавши во свидетели Всеведущего Бога, имеющего придти судить живых и мертвых, мы не из злобы или ненависти к ним, а из любви к Вере святой, которую мы принимаем, объявляем всему свету об этой злобе талмудистов, ибо и *сами мы в юности учились у них тому-же*». После ссылки на свой собственный опыт, контра-талмудисты уже на основании трактатов самого талмуда доказывают, что евреи употребляют, и, по требованию талмуда, должны употреблять христианскую кровь при своих религиозных обрядах, хотя талмуд, по понятным причинам, и говорить об этом прикровенно и не для всех понятно. Прежде всего они ссылаются на книгу Augschaim Megine Egес, fol. 242, отд. 412, где написано так: «Micwe lachzeur jain udum» т.е. «заповедь стараться о красном вине». Что здесь под красным вином разумеется кровь, а не вино в собственном смысле, «объяснение этого, – говорят контра-талмудисты, – дает сам автор, раввин Авраам, говоря там же «Zeycher Leydam», т.е. «памятка крови». После этого они обстоятельно опровергают ложь талмудистов, которые хотят уверить, будто бы под красным вином в этой «заповеди» нужно разуметь кровь не христианскую, а «ту», которая была первой из десяти казней египетских». При этом контра-талмудисты обращают внимание на слова раввина Давида в той же самой книге и в том же самом месте: «Od reumez leudum zeycher leydam szeochoiu pare szoychet benay Jsruel», т.е. «еще тебе *моргаю*, дая чего воспоминание о красной крови»... «Пусть нам скажут талмудисты: для чего так загадочно пишет их автор, говоря «еще тебе *моргаю*» или знак даю, привожу на память незаметно, чтобы никто не догадался. Почему он не написал прямо: «od tam» – «указываю основание». К чему здесь «моргание»? «Далее контра-талмудисты доказывают, что в заповеди талмуда о красном вине разумеется не кровь вообще, а именно кровь христианская. Они говорят: «Сохраняя тайну, раввины в наставлении «Micwe lachzeur acher jain udum» – «заповедь стараться о красном вине» Udum объясняют перед народом – «красное вино». Между тем это слово значит: «edum» – «кровь христианская», так как *Рамбам* fol. 55 пишет, что словом «edum» называются те, кто празднует первый день, т.е. воскресенье. Эти слова «udum» и «edum» пишутся одними и теми же буквами: Aleph, Dalet, Wow, Men и различаются только помещенными внизу точками, называемыми «*Syguel*». Написанные таким образом, эти буквы значат: «*христианин*». Красное вино пишется теми же самыми буквами только без точек, и это для того, чтобы тайна оставалась у раввинов и чтобы народ при чтении считал, что это значит «*красное вино*». Поэтому и упомянутый раввин Давид пишет: «od reumes» т.е. «еще тебе *моргаю*» или секретно напоминаю, что раввины должны считать и принимать это слово не за красное вино, а за кровь, – и как фараон когда-то (чего однако не было) еврейских, так они христианских детей должны убивать». Не находя возможным излагать здесь все подробности диспута, мы заканчиваем заключительными словами контра-талмудистов:

«Подобных случаев много в их (талмудистов) книгах. Как бы они ни объясняли их, вырвавши из них одно словечко или одну тайную букву, они секретно толкуют эти места как указания на христианскую кровь, которую они всегда употребляют во время Пасхи, как мы сказали выше. Делают они это, желая кровию загладить убийство Мессии, Праведного Бога и Человека. А так как между нами, стоящими у дверей святого крещения, нет и не было ни одного волшебника, последующие же талмуду занимаются чарами, мы можем указать, на какие чары употребляют кровь христианскую. *Всё, чему мы учили и что знали, мы, без всякой лжи, по чистой правде, открыли*. Всё остальное о частых случаях убийства невинных христианских детей может узнать целый свет. А мы, вновь призывая во свидетели Бога и Его страшный суд, открываем всю правду».

Объявляя разоблачения контраталмудистов клеветой, талмудисты, в свое оправдание, могли сослаться только на запрещение Моисея употреблять вообще кровь²⁰. Именно они привели следующее место из книги Левит (17, 10): «Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращу лице Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее». Это единственное возражение талмудистов, заслуживающее внимания, тем более, что евреи повторяют его и в наше время. В ответ на это контраталмудисты сказали, что им хорошо известно, что в ветхом завете была строго запрещена кровь животного и человека. Но пусть же нам разъяснят талмудисты: в книге *Рамбама* II ч. разд. 6 написано: «*Dam houdym ayn chajuw un ulow.* – Всякая кровь нам запрещена. Кровь человеческая позволена». И в *Mesechte Ksubes*, fol. 60: «Кровь тех, кто ходит на двух ногах, чиста». Чья эта кровь чиста? Птиц? Но ведь у них она всегда не чиста».

К сказанному контраталмудистами следует прибавить то, что сказано, напр., в трактате *Маширин* (6, 4): «семь чистых напитков воспринимают нечистоту: роса, вода, вино, масло, кровь, молоко и мед». Кровь здесь причисляется к чистым напиткам, которые употреблять дозволено. Там же далее, по словам Пранайтиса, говорится об употреблении именно как напитка, *рудометной* крови, т.е. полученной от прокалывания кровеносного сосуда. В книге «*Султан Орух*» сказано: «Кровь скота и зверя употреблять в пищу нельзя, а человеческую кровь, ради пользы нашей, можно». *Майер* уверяет, что евреи признают дозволенным употребление *сваренной* крови. *Маймонид* объявил рудометную кровь чистой и для лечения дозволенную. Даже эксперт со стороны еврея Бейлиса, обвиняемого в соучастии убийства Ющинского, профессор С.-Петербургской духовной православной академии *И.Г. Троицкий*, признал допустимым, с точки зрения еврейского закона, употребление крови, по предписанию врача.

Много интересного материала для разрешения вопроса о ритуальных убийствах у евреев можно находить в сочинениях некоторых лиц, перешедших, по искреннему убеждению, из иудейства в христианство. Между ними первое место, без сомнения, занимает монах *Неофит*, на которого сослался отчасти и Пранайтис в своей экспертизе по делу Бейлиса. Бывший сначала еврейским раввином, *Неофит* впоследствии принял не только христианство, но и монашество. В 1803 году он написал на молдаванском языке книгу «*Опровержение религии евреев и их обрядов Священным Писанием Ветхого и Нового Завета*». Несмотря на такое заглавие, книга Неофита носит скорее характер исповеди души, кающейся в своих прежних заблуждениях, чем намеренного уличения других в их злодеяниях и проступках, противных требованию нравственного закона. Отличительная черта ее это – искренность и откровенность. Но по этой-то именно причине евреи и их защитники относятся к ней с крайнею ненавистью. На молдаванском языке она не увидела света. Много денег пришлось истратить евреям, пока они исходатайствовали у молдаванского господара повеление запретить издание книги Неофита, – и в течение 15-ти лет о ней не было слышно. Но в 1818 году она, вдруг, для евреев совершенно неожиданно, появилась в Яссах в печати только уже не на молдаванском языке, а в переводе на новогреческий и потом арабский языки. Евреи обратились к своей обычной тактике истребления неудобных для них книг. Старания их увенчались большим успехом. Почти все экземпляры книги Неофита, напечатанной в тысячах экземпляров в Навплии Румынской, в Константинополе и других городах Востока, были истреблены: случайно сохранился один экземпляр в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. Судьба пощадила его только потому, что о его существовании никто не знал, не исключая и «специалиста» – профессора по кафедре еврейского языка и археологии. Знал о нем, как оказывается теперь, только католический ксендз Пранайтис... Между тем в книге Неофита находятся очень интересные сведения о добывании евреями нужной для их культовых обрядов христианской крови и об употреблении ее.

«Тайное употребление крови, которую жиды собирают от зарезанных ими христиан, – пишет *Неофит*, – есть обряд, который они считают заповеданным самим Богом и указанным в таинственных выражениях в Писании... Необходимо однако же заметить, что тайна крови известна не всем евреям, а только хахамам или раввинам, переписчикам или фарисеям, которые потому и называются *хранителями тайны крови*, – тайны, которая к тому же не содержится в ясных словах ни

²⁰ *Неофит* также пишет: «Если иногда попадает в руки христиан какая-нибудь (еврейская) книга, намекающая на эту тайну, и они делают на нее ссылку, то жиды никогда не отвечают на это иначе, как, притворными насмешками или увертками, вроде следующей: «Как же убивали бы мы христиан, если закон запрещает нам есть кровь?»».

в одной из их книг и которую они передают исключительно словесным преданием. Отцы семейств, посвященные в тайну, передают ее только тому из сыновей, скрытность которого испытали, и при этом настаивают на обязанности его передать тайну впоследствии не иначе, как с теми же условиями и в той же форме, и никогда не открывать христианину, при самых жестоких утеснениях, даже для спасения жизни. Это откровение сопровождается страшными проклятиями на того, кто выдаст тайну. Вот напр., как был посвящен в нее я сам. Когда мне исполнилось 18 лет – возраст, в котором евреи имеют обычай возлагать на голову своих сыновей венок, называемый «венком силы», отец мой уединился со мною и долго говорил мне, внедряя в меня, как долг, завещанный Богом, ненависть к христианам, которая должна доходить до убийства их. Затем он сообщил мне об обычае собирать кровь убитых и добавил, обнимая меня: «Вот, Сын мой, таким образом сделал я тебя моим таинником и как бы вторым собою». Надев мне затем венок на голову, он объяснил мне с большими подробностями эту тайну крови, как священнейшую из священных и самый важный обряд иудейской религии. «Сын мой, – продолжал он, – заклинаю тебя всеми стихиями неба и земли всегда хранить эту тайну в твоём сердце и не доверять ее ни братьям, ни сестре, ни матери, ни впоследствии – жене, – никому из смертных, особенно же женщинам. Если Бог даст тебе даже одиннадцать взрослых сыновей, то не открывай тайну им всем, а только одному дому, которого ты признаешь самым умным и наиболее способным сохранить тайну, – так же, как теперь поступаю я с тобою. Ты должен внимательно следить за тем, чтобы этот сын твой был привержен и ревностен к нашей вере. Еще раз приказываю тебе: берегись довериться женщинам, даже дочерям твоим, жене, матери, но только сыну, которого ты сочтешь достойным доверия. О сын мой, – воскликнул он наконец, – пусть вся земля откажется принять труп твой и изрыгнет его из недр своих, если ты когда-либо и при каких бы то ни было обстоятельствах, даже при самой крайней необходимости, откроешь эту тайну крови кому-нибудь, кроме того, кому я сказал, даже в том случае, если ты станешь христианином ради выгоды или по другим побуждениям. Смотри же, не измени отцу своему, выдав эту божественную тайну, которую я тебе сегодня открыл. Иначе да постигнет тебя мое проклятие в тот же час, как ты согрешишь, и да сопутствует оно тебе всю твою жизнь до смерти и во веки веков». Отец, Которого я приобрел на небе и Который есть Господь Иисус Христос, – говорит Неофит, – да отвратит эти проклятия от головы того, кто пишет это исключительно ради пользы Церкви и торжества истины».

Об употреблении евреями христианской крови Неофит рассказывает следующее:

«Евреи пользуются христианской кровью при обрезании, браке, в опресноках Пасхи, при погребениях и в своем плаче о разрушении Иерусалима. Но расскажу об этом частнее. Когда между евреями заключается брак, то жених и невеста приготавливаются к нему строгим постом в течение суток, воздерживаясь даже от воды до захода солнца. Тогда именно является раввин. Он берет только-что испеченное яйцо, облупливает его и разделяет пополам. Затем он посыпает его *не солью*, а особым пеплом. Так посыпанное яйцо брачующиеся едят, а раввин читает молитву, смысл которой таков: «да приобретут эти супруги доблесть убивать христиан или, по крайней мере, безпрестанно обманывать их и захватывать все их богатства и плоды их трудов». Указанный пепел употребляется не вместо соли, а вместо *свежей* христианской крови, будучи на самом деле *измененною христианскою кровью*. Именно, кровью, оставшеюся от совершенных для праздника опресноков жертвоприношений, – чем больше, тем лучше, – раввины пропитывают соответствующее количество льняной или хлопковой пряжи, затем они ее высушивают и сжигают. Пепел сохраняется в бутылках, тщательно запечатанных и вверяемых казначею синагоги. Последний распределяет его постепенно по раввинам, которые просят о том или для собственного употребления, или для отсылки в те страны, где нельзя достать христианской крови, потому ли, что там нет христиан, или же потому, что там пробуждены уже бдительность полиции и осторожность христиан. Во всяком случае, *свежая* кровь всегда предпочитается, но *необходима* она только для опресноков, в случае же непреодолимых препятствий, указанный мрачный пепел и тут представляет достаточную замену. – К обрезанию детей, на восьмой день по рождении их, также является раввин. Он берет в чашу немного лучшего, какого только можно достать, вина и вливает туда *одну каплю* христианской крови, собранной с истязанием, а при неимении таковой – немного вышеупомянутого пепла и туда же впускает каплю крови обрезанного младенца. Когда это хорошо смешается с вином, раввин погружает мизинец ребенка в чашу, говоря: «Я объявляю тебе, дитя: жизнь твоя в твоей крови». И он дважды повторяет этот обряд и эти слова. – Упомянутый пепел евреи употребляют еще в 9-й день Июля месяца, когда они оплакивают разрушение Иерусалима Титом. В эту годовщину они употребляют его двояким образом: во-первых, натирают им себе виски, что сочли бы неудобным делать свежую кровью и, во-вторых, посыпают им яйцо. И в этот день каждый еврей, без исключения, должен, съесть крутое яйцо, посыпанное этим пеплом. Это кушанье называется у них – *Сцидо амафрейкес*. Узнав о кончине какого-либо еврея, хахам немедленно отправляется к нему. Он берет белок яйца, вмешивает в него немного христианской крови или немного пепла и кладет эту

смесь на грудь трупа, произнося слова Иезекииля: «И окроплю вас чистою кровью и вы очиститесь от всех скверн ваших» (Иез. 36, 25). Иезекииль, правда, не говорит: «чистой кровью», а «чистой водою»... Но, искажая так текст, евреи убеждают себя, что покойник несомненно будет допущен в рай. – Праздники Пасхи и Пурима требуют кровавого обряда. В пасхальные дни евреи должны есть опресноки, именно, маленькие хлебцы, приготовленные одними хахамами, в которые влита христианская кровь. Все знатные и простые, старые и молодые, даже не имеющие еще зубов, должны вкусить этого хлеба, хотя бы кусочек величиною с маслину. Этот обряд именуется *Aufichuoiemen* (Офихюоймен). Праздник Пурима установлен в память избавления от владычества Амана при посредстве Эсфири и Мардохея, как это рассказано в книге «Эсфирь». Как известно, этот праздник бывает в феврале. Посвященные евреи занимаются тогда везде, где только могут, похищением возможно большего числа христиан, особенно детей. Однако в эту ночь они приносят в жертву только одного, воспроизводя мучение Амана. Но по этой же причине, пока висит тело, все присутствующие осыпают его тысячею оскорблений, как бы обращаясь к самому Аману. Собранная кровь вливается раввином в растворенное уже на меду тесто, из которого он затем делает маленькие хлебцы в виде треугольника. Эти хлебцы предназначены не для евреев, но, по неизмеримой коварности, раздаются знатнейшим семействам, которые должны подарить их – и подарки эти считаются высшей любезностью – своим приятелям из христиан. Этот обряд называется *хлеб Пурима*. Следует заметить, что этот обряд не требует применения к жертве слишком тягостных мучений, потому именно, что собранная кровь не имеет другого назначения, как-то, которое я указал. – Остальные похищенные христиане сохраняются в тайных убежищах до дня Пасхи, который следует вскоре после Пурима. В это время их всех приносят в жертву самым жестоким и варварским образом и собирают их кровь частью для опресноков, частью для других надобностей, предстоящих в течение года и указанных выше. Эти мучения на Пасху имеют определенную цель – воспроизвести страсти Христовы, и по этой причине они должны производиться, главным образом, над детьми, которые, по невинности своей и девственности лучше символизируют Спасителя.

Свое изложение «тайны крови» *Неофит* предварил замечанием: «Приняв, по милости Божией, святое крещение и монашеское посвящение, я не побоюсь (как некоторые), в интересах христиан, открыто заявить всё, что я знаю об этих *обрядях, которые я сам усердно совершал и хранил в строжайшей тайне всё время, пока был хахамом или раввином*». И, как мы видели, он исполнил свое обещание.

Сообщение Неофита, вызывающее доверие и само по себе, простотою и безыскусственностью своего рассказа, своею искренностью и откровенностью, подтверждается также и другими лицами, по убеждению перешедшими из иудейства в христианство и не имевшими возможности знать его, равно как и показаниями свидетелей – бывших евреев – в многочисленных судебных процессах по обвинению евреев в ритуальных убийствах. К сожалению, книги таких лиц, в большинстве случаев, составляют в наше время величайшую библиографическую редкость и потому стали недоступными для пользования: обыкновенно они были уничтожаемы евреями при самом выходе в свет. Так, за сто лет до Неофита, также бывший еврейский раввин *И. Серафинович* написал книгу на польском языке «*Złosc zydowska przeciwko Bogu i katolickiey wierze*» и отпечатал ее в 1710 году. Но теперь ее нельзя найти даже в Императорской Публичной Библиотеке. Тотчас по выходе в свет, всё издание было скуплено и уничтожено евреями. Та же участь постигла и 2-е издание этой книги, сделанное ксендзом Пикульским в 1758 году²¹. Между тем книга Серафиновича представляла несомненно величайший научный интерес. Ее имел в руках В.И. Даль, по словам которого Серафинович не только подтверждает существование у евреев ритуальных убийств, но и во всех подробностях описывает весь порядок и способ совершения их, при том не только как свидетель или писатель, заимствовавший свои сведения из каких-либо источников, а как сам бывший действующим лицом. «Одного ребенка, – говорит он, – я велел привязать к кресту, и он долго жил; другого я велел пригвоздить, – и он скоро умер». Между прочим, Серафинович утверждает, что раввины предпочитают умерщвлять и обезкровливать детей «незаконнорожденных», над которыми, совершая свой гнусный и бесчеловечный обряд, действующий раввин, по наставлению еврейской книги *Гулен*, обыкновенно говорит: «проливаю кровь сего *незаконнорожденного*, как мы уже пролили кровь Бога их, также н...го». Но в то время, при большем уважении к святости брака и женской девственности, трудно было евреям для своего ритуала находить только внебрачных детей (Ющинский также был рожден вне брака); поэтому в трактате талмуда «Сангедринь», в главе 7-й, стояли слова (встречающиеся

²¹ Материалы к вопросу об обвинениях евреев в ритуальных преступлениях. Изд. И.О. Кузьмина. Спб. 1913. Стр. 264.

ныне только в редких экземплярах): «Все дети христиан суть незаконнорожденные, а писание повелевает мучить и убивать незаконнорожденных». На упомянутом уже нами диспуте во Львове в 1759 г. талмудисты не могли отрицать обвинений евреев в ритуальных убийствах и в употреблении христианской крови, так как об этом ясно говорится в их талмуде, именно в книге *Zuwche Lew*, отд. 8. К сожалению, этой книги уже не могли достать контраталмудисты для последнего диспута, так как ее могут иметь только раввины, да и то не все; а между тем Серафинович, по свидетельству Пикульского²², пользовался ею и даже цитирует ее в своих признаниях.

С самим *Пикульским* случилось почти то же, что и с Серафиновичем. В 1768 году он напечатал свое сочинение «*Zlosc sydowska...*» в трех частях²³; и в том же году его в продаже уже не было. В 1760 году он выпустил 2-е издание своей книги, – евреи всячески старались истребить и это издание, ставшее поэтому библиографической редкостью. Задавшийся целью специально изучить литературу по вопросу о ритуальных убийствах И.О. Кузьмин мог найти только три экземпляра и второго издания этой книги: в Императорской Публичной Библиотеке, в Киеве в университетской библиотеке и в Львове в библиотеке Оссолинских. Пользование ими для частных лиц, конечно, затруднительно. Между тем, в полном согласии с Неофитом, Пикульский не только говорит, на основании достоверных источников, о существовании у евреев ритуальных убийств, но и о том, для чего евреям нужна кровь христианских младенцев. В известный день, – говорит он, – евреи обмазывают ею двери в доме какого-либо христианина, которого хотят задобрить; новобрачным дают яйцо, посыпанное золою от сожженного холста, который предварительно был смочен этою кровью; при погребениях мажут глаза мертвецов яичным белком с этою кровью; всыпают несколько этой крови в пасхальные опресноки или мацу и часть таких опресноков хранят в синагоге, пока не достанут свежей крови, размачивают их в воде и употребляют вместо крови, пока им не удастся получить нового христианского младенца. Благословляя того или другого еврея на счастливую торговлю и обманы, раввин и ему дает испеченное яйцо, посыпанное золою с этою кровью; затем в праздник *Пурим* евреи посылают друг другу гостинцы (пряники) с кровью замученных христианских детей; наконец, они употребляют ее и для разного рода чар. Для своего ритуала раввины, по свидетельству Пикульского, стараются достать по преимуществу мальчиков, для чего нередко отправляются в Константинополь и там покупают их, при этом предпочитают, чтобы мальчику, обреченному на умерщвление и обезкровление, было не более 13 лет (И Ющинскому было именно 13 лет.) Интересно также и следующее сообщение Пикульского. Талмуд называет мертвых христиан падалью, дохлятиной, и вследствие этого запрещает их зарывать в землю, а предписывает выбрасывать их на съедение собакам и хищным зверям. Поэтому, говорит Пикульский, и замученного христианского ребенка евреи никогда не зарывают в землю, а выбрасывают куда-нибудь в поле, лес, на свалочный пункт или в реку. Вот почему все такого рода злодейства евреев и обнаруживаются. Если бы, по своим религиозным убеждениям, евреи не были обязаны выбрасывать трупы убитых ими христиан, то было бы трудно понять, почему они не стараются зарывать их в землю и таким образом скрывать свои злодеяния, чтобы они, по крайней мере, не бросались в глаза первому прохожему²⁴.

В 1475 году, т.е. на 328 лет раньше, чем Неофит написал свою книгу, также бывший раввин, перешедший в христианство, *Иоанн в Триенте*, был вызван на коронный суд в качестве эксперта и показал следующее: «У евреев есть обычай в четвертый день страстной недели печь опресноки, с прибавлением к ним крови христианского младенца, а на пятый и на шестой день той же недели они примешивают эту кровь в вино. Во время благословения этих хлебов за своим обычным столом они проклинаят Христа Спасителя и христианскую веру, прося Бога, чтобы Он послал на христиан такие же язвы, какими были поражены египтяне» (у Эйзенменгера)²⁵.

²² Материалы, стр. 214.

²³ Полное заглавие книги *Пикульского* таково: «*Zlosc zydowska przeciwko Bogu y blizniemu prawdziemu y sumnieniu na obiasnienie Talmudystow, na dowod ich zaslepienia y Religii dalekiej od prawa Boskiego przez Moyzosza danego, rozdzielona na trzy czesci, opisana przez X. Gaudentego Pikulskiego Zakonu O.S. Franciszka, Regularney obserwancyi, Prowincyi Ruskiej Teologa. Z dozwoleń starszych. Drugi raz do druku, z istina Relacya Dysputy contra Talmudystow z Talmudystami, y przydatkiem innych osodliwosci, podana Roku 1760 W Lwowie*».

²⁴ Срв. Даля стр. 17–22; Лютоостанского, т. 1, стр. 366–370.

²⁵ Срв. И.О. Кузьмин Материалы. Стр. 251–252; Лютоостанский, т. II. стр. 81.

Очень интересный материал для решения вопроса о ритуальных убийствах представляют многие официальные акты и судебные процессы. Ритуальных убийств, официально засвидетельствованных или бывших предметами судебного производства, с 5-го века и до настоящего времени насчитывается 63 (по свидетельству Пранайтиса, около 200). Более или менее обстоятельно и проверенно говорится о них, кроме первоисточников, в исследованиях Эйзенменгера, Кузьмина, Даля, Лютостанского и др. Сообщения Даля для нас имеют то значение, что они составлены на основании официальных документов министерства внутренних дел, истребленных пожаром 1862 г. и потому более не существующих. Мы укажем здесь только наиболее характеристические случаи ритуальных убийств.

Первое известие о том, что евреи умертвили христианского младенца чрез распятие его на кресте в страстную пятницу, относится ко временам царствования императора Константина, т.е. к 4-му веку. За это евреи были изгнаны из некоторых провинций Римской империи²⁶.

Второй случай был в 419 году, в царствование императора Феодосия. По свидетельству церковного историка Сократа (кн. VII, гл. 16), в Сирии, в местечке Инместаре, между Халкидою и Антиохиею, евреи устроили какие-то игры, и, напившись пьяными, не только нападали на христиан, но и поносили Самого Христа, а потом схватили какого-то христианского мальчика, привязали его к кресту, смеялись над повешенным, наконец, начали бить его, пока не лишили жизни. За это виновные были казнены, а всем вообще евреям было запрещено в глухих местностях строить синагоги²⁷.

В царствование императора Фоки евреи умертвили христианского епископа Анастасия, а также и многих других христиан, за что они были преданы суду и изгнаны из Антиохии²⁸.

В 1067 году в Богемии, в Праге, шесть евреев схватили трехлетнего христианского младенца и выпустили из него кровь, которую потом и рассылали в Тревизе своим единоверцам; они были зашиты в мешки и утоплены²⁹.

В 1097 году киевский угодник, преподобный Евстратий, при нашествии хана Боняка, был взят половцами в плен и продан в Корсунь какому-то еврею, который сначала подвергал его различным мучениям, потом пред своею пасхою распял его на кресте и, наконец, выбросил его в море. Русские христиане случайно нашли его мощи у берега моря и привезли в Киев. Мощи его покоятся в Антониевой пещере³⁰; канонизован в 1100 г.

На берегу Рейна, между Кобленцом и Бингеном, в часовне покоится прах младенца, замученного евреями в XI веке; местные католики почитают его святым³¹.

В 1146 г., в страстную пятницу, евреи распяли на кресте христианского младенца Вильгельма в Англии в Норвиче, за что виновные были казнены³².

В 1172 г. во Франции, в Блуа, евреи распяли ребенка, труп его вложили в мешок и забросили в реку Луару³³.

В 1177 году там-же повторилось то же самое; но в самый день пасхи изуверы евреи были пойманы и сожжены на костре³⁴.

В 1179 году в Германии евреи распяли христианского ребенка на кресте; уличенные в этом преступлении были казнены³⁵.

То же самое случилось во время пасхи в Глостере в царствование Генриха II³⁶, и в Праге, в Богемии в 1179 г.³⁷ Во Франции, близ Орлеана был умерщвлен, обезкровлен и брошен в воду христианский младенец в 1175 г.; в 1180 году за участие в этом злодеянии было сожжено

²⁶ Даль, стр. 37; Лютостанский, т. II, стр. 3; Эйзенменгер, т. II, стр. 220; Кузьмин, Материалы стр. 240.

²⁷ Eisenmenger, II, стр. 220; у Кузьмина. Материалы. стр. 249; Даль, стр. 37; Лютостанский, т. II, стр. 3.

²⁸ Даль, стр. 37; Лютостанский, стр. 3.

²⁹ Moisky, гл. 25 у Даля, стр. 37; у Лютостанского, II, стр. 3.

³⁰ Печ. Пат. л. 169 у Даля, стр. 37–38; у Лютостанского, II, стл. 3–4.

³¹ Даль, стр. 38; Лютостанский, II, стр. 4.

³² Даль, стр. 38; Лютостанский, II, стр. 4.

³³ Даль, стр. 38; Лютостанский, II, стр. 4. Даль ссылается на Centur. Magdeb. XII. Cap. XIV.

³⁴ Centur. Magdeb. XII, cap. XIV; Schlehscheck гл. 9; у Даля, стр. 88; Лютостанский, II, стр. 4.

³⁵ Dubravius, кн. 18; у Даля стр. 38; Лютостанский, т. II, стр. 4.

³⁶ Dubravius, кн. 18; Vincentius, кн. 27: гл. XI. XIV; у Даля стр. 39; Лютостанский, т. II, стр. 4–5.

³⁷ Gagei, л. 304; у Даля, стр. 39; Лютостанский, стр. 5.

несколько раввинов, а всем евреям вообще запрещено жить в пределах Франции³⁸. В 1183 году, в страстную пятницу евреи умертвили там же христианского младенца и при этом сознались не только в совершении такого бесчеловечного преступления, но и в том, что они вынуждены были совершить его по требованию своей религии³⁹. В 1288 г. в Бехараце, в Германии, евреи сначала долго мучили несчастного младенца, нанося ему многочисленные уколы, а потом положили его под пресс, чтобы побольше выжать из него крови⁴⁰. В 1228 году христианский ребенок был распят евреями и в Аугсбурге⁴¹. В 1234 г. евреи похитили ребенка в Норвиче (в Англии) и скрывали его несколько месяцев пред пасхою у себя, но умертвить не успели, так как ребенок родителями был отыскан; тем не менее виновные были казнены⁴².

В книжке Иоанна Лента «De Pseudo-Messiis», – из аррагонской хроники 1250 года, рассказывается, что в этом году евреи в Аррагонии уворовали семилетнего христианского мальчика и в день своей пасхи распяли его при ужасных страданиях (Эйзенменгер)⁴³. По рассказу Даля⁴⁴, почти то же самое было совершено в 1255 году в Линкольне (в Англии). Там евреи украли восьмилетнего христианского мальчика и сначала бесчеловечно мучили его: секли бичами, а потом, надев на него терновый венец, распяли его на кресте; когда же он скончался, труп его бросили в колодезь, где он и найден был матерью; избитые свидетельскими показаниями, евреи (в количестве 91 человека) сознались в своем преступлении; тогда один из них – самый главный виновник – был растерзан на месте лошадьми, а остальные (90) были отведены в Лондон и там казнены. Но это наказание ничему не научило изуверных евреев. Не прошло после этого и двух лет, как они, по свидетельству Клювериуса (в его *Epitome historiarum*, pag. 641 col. I), в 1257 году снова похитили христианского ребенка и также умертвили его в день празднования своей пасхи в самом Лондоне⁴⁵. В 1281 году подверглась со стороны евреев жестоким мучениям семилетняя христианская девочка в германской деревне Торхан: у несчастной жертвы безчеловечные злодеи выпустили кровь из всех жил, а потом труп ее бросили в реку, где он и был найден рыбаками. Преступники были частью повешены, частью колесованы⁴⁶. В книге Матфея Радера *Bavaria Sancta*, а также и в 7-й книге Авентина *annalium Voiojum* находится рассказ о том, как в Мюнхене одна женщина воровала и продавала евреям христианских детей. Одного ребенка она продала им в 1282 году; они искололи всё его тело и жесточайшим образом замучили. Но когда она вела к ним другого ребенка, ее поймал на месте преступления отец несчастной жертвы и предал суду, пред которым злодейка созналась и указала место, куда был заброшен первый ребенок. Увидав исколотый труп младенца-мученика, народ пришел в страшную ярость и произвел ужасный погром: как в Мюнхене, так и в его окрестности были умерщвлены все евреи и истреблено всё их имущество⁴⁷. В 1287 г. в Трезезкой епархии в г. Везеле евреи замучили христианина-поденщика, устроившего у них погреб. В великую субботу он приобщился. Узнав об этом, евреи в тот же день затащили его в устроенный им же погреб, завязали ему рот, и повесили его на косяк головой вниз, надеясь, что его стошнит, и они воспользуются его «причастием». Но ожидания их не оправдались. Тогда они с ожесточением стали сечь его плетьюми; затем ему подрезали ножом жилы, чтобы выпустить из него кровь. Трое суток несчастный висел – то головой, то ногами вниз, что делалось для того, чтобы не осталось в нем ни одной капли крови. Страдалец этот был *Вернер*. В том же 1287 году в Берне, в Швейцарии, евреи замучили христианского мальчика, за что виновные были колесованы, а их единоверцы высланы из страны⁴⁸. То же повторилось в 1205 году во Франции⁴⁹. В 1303 году в день пасхи евреи замучили мальчика в Вейсензе, в Тюрингии, а в 1305 году, как рассказывает

³⁸ Twer, кн. 4; у Даля. стр. 39; Лютоостанский. т. II. стр. 5.

³⁹ Vincentius. кн. 29. гл. 25, у Даля. стр. 39; Лютоостанский. т. II. стр. 5.

⁴⁰ Schlehscheck, гл. 9, у Даля, стр. 39, Лютоостанский, т. II, стр. 5.

⁴¹ Даль, стр. 40, Лютоостанский, II. стр. 5.

⁴² Ibid.

⁴³ И.О. Кузьмин. Материалы, стр. 250. Даль, стр. 40, Лютоостанский, т. II. стр. 5.

⁴⁴ Стр. 40; Лютоостанский. т. II. стр. 5–6.

⁴⁵ Eisenmenger. т. II, р. 220; у Кузьмина, Материалы, стр. 250. Даль, стр. 40; Лютоостанский, II, стр. 6.

⁴⁶ Schlehscheck, гл. 9; у Даля, стр. 40, Лютоостанский т. II. стр. 6.

⁴⁷ Eisenmenger, Т. II. р. 220; у Кузьмина, Материалы, стр. 250. Даль, стр. 40–41; Лютоостанский. II, стр. 6.

⁴⁸ Книга уголовного производства над евреями у Даля стр. 41; Лютоостанский, стр. 6 и 77.

⁴⁹ Даль, стр. 41; Лютоостанский, т. II, стр. 5.

Тентцель⁵⁰, тоже самое случилось в Праге; в 1331 году евреи распяли ребенка на кресте в Губерлине, в Германии; раздраженный народ загнал злодеев в дом и там сжег⁵¹. По словам Радера (в его книге *Bavaria Sancta*, ч. 2, стр. 333), в 1345 году в Мюнхене евреи схватили мальчика, по имени Генриха, причинили ему 60 уколов по всему телу и, выпустив из него кровь, умертвили его, распяв на кресте⁵². В 1400 г. в Тюрингии, по повелению маркграфов Фридриха и Вильгельма, были колесованы и четвертованы как католик, продавший евреям своего сына, так и евреи, замучившие несчастного мальчика⁵³. В следующем году в Швабии возмущенный народ произвел свой самосуд над женщиной, продавшей евреям двух похищенных ею христианских мальчиков, и евреями, умертвившими их. И продавщица, и покупатели-изверги были загнаны в синагогу и там сожжены⁵⁴. Большой погром был произведен в Кракове в 1407 году по поводу умерщвления евреями ребенка: много евреев было убито, имущество их разграблено, дома сожжены, а оставшиеся в живых евреи изгнаны из города⁵⁵. В 1454 году, в Вене, убив христианского ребенка, евреи вынули у него сердце, сожгли его, растерли в порошок и пили в вине; виновные в этом были казнены. Там же, в Вене, еще в 1420 году, евреи умертвили трех христианских мальчиков и за это, по повелению Фридриха, было сожжено 300 человек евреев, а в Венеции в этом же году был умерщвлен евреями мальчик в великую пятницу⁵⁶. По показанию бывшего раввина, перешедшего потом в христианство, Эммануила, в Анконе, врач-еврей умертвил служившего у него мальчика-христианина и извлек из него всю кровь, а другие евреи, похитив другого мальчика, нанесли ему множество уколов, собрали в сосуды его кровь и, наконец, распяли его на кресте⁵⁷. В 1476 году, в Триенте, в четверг на страстной неделе, еврей Товия привел в синагогу жалкого христианского мальчика Симона, которому еще не было и трех лет от роду. Старый еврей, по имени Моисей, взял его на руки и заткнул ему в рот свой носовой платок, чтобы он не мог кричать; другие евреи держали его за руки и за ноги. Затем Моисей сделал ему ножом рану в правой щеке и вырезал из нея кусочек мяса; стоявшие вокруг евреи собирали кровь и каждый из них отжилил (*abgezwicket*) себе ножницами кусочек мяса, пока рана не стала такой большой, как яйцо, что они сделали также и на других частях тела. После этого они распростирали его руки подобно кресту и полумертвое тело искололи иглами, при чем произносили такого рода выражения: «умертвим его, подобно тому, как умертвили их христианского Бога Иисуса, Который – ничто: и все враги наши должны погибнуть таким же образом». Наконец, когда ребенок, испытывавший в течение целого часа мучения, испустил дух, они спрятали его в винную бочку, а после произведенного в доме обыска выбросили в реку близ синагоги. Рассказ об этом зверском злодействе Эйзенменгер позаимствовал из книги Мюнстера «*Cosmographia*» стр. 342, но он находится и в книге Сигизмунда Госмана: «*Das schwer zu bekehrende Juden-Hertz*» 1609 г., стр. 115. Злодеяние это было изображено в Франкфурте и на картине с надписью: 1475 года, в великий четверг, младенец Симон, 2½ лет от роду, замучен жидами⁵⁸.

В 1486 году в Регенсбурге, в погребке одного еврея было найдено шесть детских трупов, оказавшихся жертвами еврейского ритуала (у Радера *Bavaria Sancta* ч. III, стр. 172; у Эйзенменгера и др.)⁵⁹. В том же году был умерщвлен евреями младенец в Вратиславле или Бреславле. В 1496 году христианские младенцы были умерщвлены евреями для получения крови в Бранденбурге и в Тернове. В Тернове евреи сознались во всех подробностях совершенного ими возмутительного злодеяния и показали, что такого рода злодеяния, с целью извлечения из

⁵⁰ У Эйзенменгера, ссылающегося на Тетцелевы *Monatl. Unterredungen vom Julio 1693*, pag. 556; у Кузьмина, *Материалы*, стр. 250, Даль, стр. 41; Лютостанский, II, стр. 6.

⁵¹ *Schlehscheck*, гл. 9. У Даля, стр. 41; Лютостанский, т. II, стр. 7.

⁵² Срв. Авентина и Эйзенменгера, у Кузьмина, *Материалы*, стр. 250, Даль, стр. 41; Лютостанский, II, стр. 7.

⁵³ Даль, стр. 41; Лютостанский, т. II, стр. 7.

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ *Deugosz*. кн.. X; *Gebisky*. гл. 7; у Даля, стр. 42; Лютостанский, II, стр. 7.

⁵⁶ Книга уголовного производства над евреями за убийство христиан, у Даля, стр. 42; Лютостанский, стр. 7.

⁵⁷ Даль, стр. 42; Лютостанский, II, стр. 8.

⁵⁸ *Eisenmenger*. Т. II, р. 221; у Кузьмина. *Материалы*, стр. 250–251. Даль, стр. 43–44; Лютостанский, стр. 8–9; 79–81.

⁵⁹ *Eisenmenger*. Т. II, р. 222, у Кузьмина. *Материалы*, стр. 252; Даль, стр. 43; Лютостанский, II, стр. 8.

умерщвленных детей христианских крови, совершаются в различных местах по установленной наперед очереди. Как в Бранденбурке, так и в Тернове преступники были сожжены⁶⁰.

В 1502 году в Праге один еврей был сожжен на костре за обезкровление и умерщвление христианского младенца⁶¹. В 1509 году в Боссингене (торговое местечко в Венгрии), евреи похитили маленького ребенка у одного христианина, по ремеслу каретника (Wagner), втащили его в погреб, искололи всё его тело, открыли у него все жилки и высасывали из него кровь даже чрез стволы гусиных перьев, а потом мертвого отнесли за город, и бросили в густой терновник, где он впоследствии и найден был женщинами. Правительство энергично взялось за расследование этого дела. Заподозренные евреи были арестованы и посажены в тюрьму. Долго они отрицали свою виновность, но в конце концов сознались (у Эйзенменгера, Циглера и др.)⁶². В 1510 году за такое злодеяние евреи были изгнаны из Англии⁶³. Около того же времени, с целью обезкровления и умерщвления, один еврей украл сына у данцигского мещанина⁶⁴. В Глозаве, при короле Августе, были замучены евреями шестилетний мальчик Донемат и семилетняя девочка Доротея⁶⁵. В том же году евреи украли ребенка у сапожника в Раве и замучили его⁶⁶. В 1540 году, в княжестве Нейбурге, в верхнем фальцграфстве, называемом Запфельд, недалеко от Нейбурга, пред еврейскою пасхою, у Георга Пизенгартера, был похищен евреями мальчик, имевший только 3½ года от рождения, отнесен в Титинген; там евреи привязали его к столбу, три дня мучили, отрубили ему на руках и ногах пальцы, по всему телу нарезали множество крестов и всего его изувечили. Жители узнали об этом зверском злодеянии совершенно случайно. Молодой еврей сказал на улице своим еврейским сверстникам, что после трехдневного воя собака, наконец, издохла. Это слышали соседи и донесли властям. Между тем евреи отнесли труп несчастного в лес и бросили в терновник, покрыв его листьями. Там его нашла пастушечья собака. Собравшаяся толпа, увидев, как был замучен ребенок, пришла в сильное возбуждение. Кровь же младенца была найдена впоследствии в Позингене (рассказ об этом у Радера в его книге «Bavaria Sancta» ч. III, стр. 176; у Эйзенменгера и др.)⁶⁷. В 1550 г. в чешском городе Кодне был умерщвлен евреями младенец Войташек, ныне почитаемый в католической церкви святым. В 1500 году евреи похитили и мученически умертвили двух младенцев в Польше, в Ленчицах, в Воловском монастыре⁶⁸.

Скарга в своих «Zywoty Swietych» (S. Petesburg 1862, т. I, str. 277) рассказывает о следующем злодеянии, которое «неверные евреи совершили в Великом княжестве Литовском» в его дни, в 1574 году, по смерти короля Сигизмунда Августа, во время сиротства этого королевства⁶⁹.

«В Литве, – говорит он, – есть местечко Пуня, в 12 милях от Вильны над рекой Неманом; там некий еврей Иоахим *Смертович* арендовал в одном доме винокурню. В этом же доме проживала некая вдова Уршула из Люблина, жена Севастиана Творовского, из повета Петроковского. У нее была красивая семилетняя дочка Елизавета. Упомянутый еврей, как полагали, по уговору с остальными литовскими евреями, задумал зарезать эту девочку и выточить из нея кровь для таинства при своем «проклятом богослужении» в день еврейской пасхи. Имея двух слуг христиан, грубых и не знавших Бога, каких в Литве не мало, этот «проклятый» еврей Иоахим воспользовался удобным временем, – во вторник, перед вербным воскресением, после обеда, – когда мать вышла к соседям, а дитя осталось дома, и, уговорившись с одним подкупленным слугой, а другого поставивши на страже, вбежал в тот дом. Девочка знала его, не испугалась и подала ему ручку. А он, как свирепый волк, схватил ее и здесь же, в избе, завязавши ей рот, положил ее на стоявший там мешок ржи, а затем, добывши нож, этот жестокий мучитель резал у невинной девочки шею сзади и кругом, вытачивая из нея, как из гуся, кровь в приготовленный для того гарнец. В руках убийцы

⁶⁰ Даль, стр. 43; Лютостанский, II, стр. 8, 9.

⁶¹ Sagel, s. 122, у Даля стр. 44; Лютостанский, II, стр. 9.

⁶² Eisemenger, Т. II, р. 122; у Кузьмина. Материалы, стр. 252; Даль, стр. 44; Лютостанский, II, стр. 9.

⁶³ Даль, стр. 44; Лютостанский, II, стр. 9.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Даль, стр. 45; Лютостанский, II, стр. 10.

⁶⁷ Eisenmenger, Т. II., р. 223; у Кузьмина, Материалы, стр. 252–253; Даль, стр. 45; Лютостанский, II, стр. 10.

⁶⁸ Даль, стр. 45; Лютостанский, II, стр. 10.

⁶⁹ И.О. Кузьмин, Материалы, стр. 33–35.

девочка долго трепетала, как цыпленок, и скончалась. Совершивши свое дьявольское дело, еврей, из боязни не скрывши даже тела, а оставив его на том же месте, спрятал кровь в мешок муки, на приготовленной телеге направился к Неману и бежал в местечко Бальбежишки, на другой стороне Немана. Здесь его ожидал сын, которому он передал мешок с кровью. Взявши ее, еврей быстро убежал неизвестно куда. Вернувшись домой и увидевши свою дочь убитой, мать криком созвала всё местечко и, подозревая еврея, просила искать его. Подстароста гнался за ним и, догнавши в Бальбежишках, поймал и арестовал его вместе со слугами. Отрицать совершение этого преступления они не могли. Однако еврей, выпущенный на поруки, впоследствии волоса с головы не потерял. Опечаленная мать вдова искала справедливости на бывшем в том году в Вильне сейме и на других сеймиках; знали об этом жестоком убийстве все паны, тело девочки было привезено в Вильно и поставлено пред панами; всякий кто хотел, смотрел на резанную шею, – и донныне тело лежит в костеле Св. Креста при епископском дворе, – однако всё это не помогло, и преступники остались ненаказанными, хотя некоторые содействовали тому. Преступление осталось без кары».

В 1571 году в Германии евреи содрали кожу с одного христианина, по имени Брагадин, и мученически его умертвили (Eisenmenger, Т. II, р. 219; у Даля, стр. 46; Лютостанский, II, стр. 10).

3 Марта 1577 года замучен, обезкровлен и умерщвлен в с. Мишкарях крестьянин Оск Припутневич евреями Берестейскими⁷⁰. Изуродованный труп убитого был найден его женою Мариною и братом Курилом только 10 Марта за деревнею. В первых числах Апреля того же года в том же Берестейском округе был найден труп ребенка – сына Воинского мещанина, весь исколотый, обезкровленный с вырезанным на лбу крестиком⁷¹. Злодеями оказались евреи – Нахим Абрамович Липман Шмерлевич, Шаи Сальмонович, Монас Лазаревич и др. В 1589 году евреи замучили и умертвили пятерых младенцев в Вильне и одного – в Тарнове, в Глобичах⁷². В 1590 г. были обезкровлены, исколоты иглами или швейками и умерщвлены три христианских младенца, а именно в Польше, в Ольшовской Воле под Шидловцем, в Курозваках и Петеркове⁷³. Виновными оказались евреи. В Виленском бернардинском костеле, слева, под органом, находится вделанная в стену мраморная доска – плита с надгробной надписью на польском языке следующего содержания (в дословном русском переводе):

«Памятник, невинного младенца Симона Керелиса, виленского уроженца, замученного на седьмом году жизни самым жестоким образом евреями с нанесением ста семидесяти ран, похороненного в углу этого храма лет от Рождества Христова 1592: Воздвигнут на пожертвования благодетелей в 1673 году».

А в монастырской летописи на странице 35 находится следующая запись на латинском языке:

«Память о блаженном Симоне-мученике. Блаженный Симон-мученик, виленский уроженец, мальчик семи лет от роду, был в 1592 году замучен самым жестоким образом евреями посредством ножей, щипцов и иголок, втиснутых под ногти на руках и ногах, при чем ему нанесено было сто семьдесят ран. Тело его было погребено в Вильне, в храме нашего ордена. В 1673 году останки его были торжественно перенесены, при чем был сооружен драгоценный мраморный памятник, у которого многим Бог ниспослал чрезвычайные дары своей благодати; на этом памятнике имеется надпись золотыми буквами. Тело блаженного Симона-мученика было погребено первоначально в деревянном гробике, поставленном в другой мраморный, с надписью на последнем, в левом углу костела, под органом. Вследствие ремонта храма останки Симона были временно перенесены в другую часть храма и в 1765 году были опять погребены в этом месте, при чем был составлен и приложен настоящий акт, скрепленный моей собственной подписью. 18 Сентября 1765 года. Викентий Сайлица, кустош виленского монастыря ордена братьев младших»⁷⁴.

В 1593 году евреи замучили трех христианских детей, которых уворовала и продала им какая-то женщина, и школьника в Красноставцах. 1597 году кровию замученного христианского ребенка в Шидловце евреи окропили свою синагогу или молельню. (Даль, стр. 40; Лютостанский, II, стр. II).

⁷⁰ Срв. И.О. Кузьмин, Материалы, стр. 42; Лютостанский, II, стр. 40–41.

⁷¹ Ibid. Стр. 48–45; Лютостанский, II, стр. 40.

⁷² Даль, стр. 46; Лютостанский, II, стр. 11.

⁷³ Даль, стр. 46; Лютостанский, II, стр. 11.

⁷⁴ И.О. Кузьмин. Материалы, стр. 45–46; Лютостанский, стр. 34–35.

В 1598 году было обнаружено три ритуальных убийства: в Люблине, Коле и Кутне. О первом особенно обстоятельно рассказывается в декрете люблинского трибунала⁷⁵. Убийство совершили евреи: *Зельман*, *Аарон Громек*, *Марк Сахович*, *Исаак Гайчик*, *Мошко* и *Иоахим*. Замученный ребенок Альберт, не имевший еще 4 лет от роду, был найден в болоте, в лесу, близ деревни Возники. Обвиняемые были допрошены в присутствии многих своих единоверцев и показали следующее. Аарон Громек: «Перед еврейскою пасхою Зельман из Межиреча (Miedzyrzecz) просил меня достать христианское дитя. Отвезши в Лосицы солод, я возвращался домой. Ехал со мной Исаак (Гайчик). Мы повстречали сидящее возле дороги дитя. Исаак сказал мне: «Ведь ты знаешь, о чем тебя просил Зельман» и приказал мне взять этого ребенка. Я взял его на воз. Вдвоем с Исааком мы привезли его к отцу моему Марку, в Возники, где скрывали его несколько недель в погребе, а потом Исаак и Зельман, которым было о том дано знать в Межиреч, зарезали ребенка и наняли Настасью (христианку) вынести его». При этом Аарон Громек признал и то, что слышал от других евреев, что те из них, которые могут достать христианской крови, употребляют ее в вино, но для чего они это делают, он не знает.

Показания Исаака Гайчика:

«Дитя было взято и посажено в погреб Аароном Громеком. Показал и то, что Мошка и Зельман приехали из Межиреча, когда дитя уже было поймано. Когда ребенок скучал в погребе, Настасья ходила развлекать его. Потом Мошка с Зельманом, взявши дитя, принесли его в горницу. Исаак шел за ними, взявши нож, которым режут скот: они резали ребенка следующим образом: Моисей с Зельманом резал или – лучше сказать – колол около груди, а он, Исаак, резал руку. Затем кровь испустили в горшок. Большую часть крови взяли с собой в Межиреч, оставив немного Исааку, а он показал, что жена его вылила кровь в пресное тесто. Такой хлеб называется по еврейски *Евикомен*, что значит: да поможет тебе Бог. Льют эту кровь и в вино, когда ее имеется много. Ему же недоставало ее, только в калач и влил. Зельман же, по-видимому, употреблял ее и раньше, ибо и меня этому учил, да и бывший с ним Моисей из Межиреча говорил мне об этом. Когда суд спросил: почему столь часто умерщвляемых таким образом младенцев нигде не хоронят? он ответил: «нам непристойно оказывать милосердие язычникам. Если бы мы похоронили такое тело, это было бы грехом»

и т.д. *Иоахим* показал:

«У евреев существует обычай рассылать бедняков на пропитание к богатым. Я был послан к Марку в Возники. Так как у меня было достаточно свободного времени, то Марк приказал мне самому входить в горницу и брать себе есть всё, что нужно. В четверг перед еврейскою пасхой, я вошел в горницу взять себе хлеба и увидел под постелью, на которой спали еврейския дети, новый красный горшок, прикрытый белым платком. Думая, что это мед, я хотел взять его себе к хлебу. Когда я взял пальцем, то заметил, что то был не мед, а что-то иное, красное. Вслед затем, вошедши в избу, я застал только одну хозяйку, жену Марка, и я спросил ее, что такое было в том горшке под кроватью. Она ответила мне, что это – кровь христианского младенца, но приказала никому не говорить об этом. Потом уже этого горшка я не видел более на том месте и не знаю, куда он девался. Когда мы были пойманы и вместе посажены, Марк просил нас всех, чтобы мы уповали на Бога, ни о чем не рассказывали и не признавались, хотя бы нас и предали пытке. То же повторял он и в Люблине, когда предполагалось предать нас мучению. Когда же он один был взят на пытку, то нас остальных убеждал ни в чем не сознаваться.

Показал также Иоахим и то, что Настасья, которая имеет свою хатку неподалеку от корчмы, где живет Марк, говорила, что когда она перед еврейскою пасхой брала из еврейского погреба пиво для продажи, то видела под бочками этого замученного младенца. Признался также и в том, что от других евреев он слышал, что евреи употребляют во время пасхи христианскую кровь; но для чего они это делают, он не знает».

Настасья добровольно показала перед судом, что, когда она вместе с еврейкой несла тело умерщвленного младенца в болото, еврейка сказала ей: «если бы мы похоронили когда-либо этого ребенка, все погибли бы». На вопрос Настасьи еврейка ответила: «Если бы мы не имели в Великий день вашей христианской крови, то этот день не был бы для нас великим днем. т.е. пасхой».

⁷⁵ Материалы, стр. 46–52; срв. Даля, стр. 47–48; Люгостанский, II, стр. 11–12. Eisenmenger, T. II. p. 233. Tentzel, Monatl. Unterredungen. Juli 1693, Papebroch, T. II. Aprill; у Кузьмина. Материалы, стр. 253.

В 1601 году в Чаграхе, в Польше, евреями была умерщвлена девочка⁷⁶. В 1605 году сам король польский Сигизмунд III в своем декрете всенародно объявлял, что в городе Сандомире совершено было ужаснейшее преступление: «некий Мартин *Кучек*, мальчик лет 10, бедный ученик, живший подаванием, погиб внезапно жалким образом. Вошедши вечером в дом одного из евреев, он более из этого дома не выходил и доселе не отыскан. Брат его, неизвестно каким образом, оказался утонувшим; начальник школы, в которой этот мальчик учился, тяжело избит. В доме Лазаря, в который вошел Кучек и из которого более не возвращался, соседи слышали такие крики пропавшего мальчика, какие только подает человек, которого собираются лишить жизни (ad mortem raptus et vi oppressus)». Были свидетели, которые во дворе еврея Лазаря видели в то время убитого человека, но Лазарь не допустил сделать у него тогда обыска. Король велел арестовать заподозренных евреев Лазаря и Моисея (один член кагала, а другой его слуга), против которых и раньше было возбуждено обвинение по такому же преступлению; но они бежали и не были розысканы⁷⁷.

Христианские дети (мальчики) были изуродованы и умерщвлены евреями в 1606 г. – в Люблине, а в 1607 году – в Зволыне, в Польше⁷⁸. В Польше, в Сташеве, есть часовня, в которой погребен младенец; сделанная над его могилою латинская надпись гласит: «Сын Иоанна Ковалья и Сусанны Нерихтовской, граждан Сташовьенских, коего голос кровавой мести вызывает, чтобы иудеи, враги имени христианского, были изгнаны из Сташевы». Младенец этот, украденный евреем Шмулем в Сташеве в 1610 году, был продан в Шидловец евреям же, которые были схвачены на месте преступления в то время, когда уже истязали свою жертву⁷⁹. В 1616 году 21 Апреля еврей *Бродавка* в Вильне, в имении помещика Олесницкого, замучил крестьянского сына *Иоанна*. В 1617 году был найден, в Сельцах, под Луковом, изуродованный труп замученного евреями младенца и положен в Люблине в коллегiate. В 1626 году было умерщвлено евреями несколько христианских младенцев в Сахачеве, а в 1628 году два сына аптекаря подверглись той же участи в Сандомире⁸⁰.

В г. Ленчицах Калишской губернии крестьянин Фома *Мендик*, католик, нашел для себя выгодным воровать христианских детей и продавать их евреям для извлечения из них крови и умерщвления. В короткое время он продал таким образом трех мальчиков. В последний раз он продал евреям в 1689 году протестантского мальчика *Франциска Михалковича*, которого евреи замучили, исколов всё его тело и выпустив из него кровь. По уговору, Фома относил в глухие места трупы несчастных жертв. Мучимый совестью, он, наконец, сделал донос на себя и на изуверных евреев. Евреи, впрочем, не сознались и потому остались ненаказанными, а Фома Мендик был присужден к четвертованию. Интересно донесение присутствовавших при его казни чиновников – Михаила Климонтовича и Даниила Скабина:

«По долгу нашей службы мы присутствовали при исполнении смертного приговора, т.е. в то время, когда Фома Кокошка, прозванный так за свои преступления и отвратительные поступки, в силу декрета ясновельможных г.г. депутатов настоящего люблинского трибунала, имел в сей день претерпеть и понести наказание. Когда на площади, на обычном месте смертной казни, он был привязан палачем к плахе, мы, при большом стечении собравшегося народа, спрашивали и выпытывали у него, – остается ли он при своих признаниях, трижды данных, как добровольно пред генеральным судом люблинского трибунала, так и в тюрьме, пред люблинским войтовским судом, пред муками, а затем и на пытке; и готов ли он умереть с этим? Готов ли взять на свою совесть обвиненных им евреев? Не свидетельствует ли он против них вследствие какого-либо уговора или из ненависти? На это Фома трижды подряд громким и ясным голосом заявил, говоря: «я остаюсь при всех своих признаниях и готов умереть с тем, что те евреи, которых я обвинил, оговорил и на которых указал пальцем пред судом трибунала, виновны в этом преступлении». Наконец, священник Societatis Jesu, который напутствовал его, сказал: «Фома, ты идешь на главный суд Судьи справедливого. Не бери на свою совесть никого». На это упомянутый Фома ответил, что всё, что только он показал и объявил, есть правда, и с тем он умирает. Лишь только он сказал это, наступил последний момент казни и смерти».

⁷⁶ Даль. стр. 48; Лютостанский, II, стр. 12.

⁷⁷ Срв. И.О. Кузьмин. Материалы. стр. 56–58.

⁷⁸ Даль. стр. 48; Лютостанский, II, стр. 12–13.

⁷⁹ Даль, стр. 48–49; Лютостанский. II, стр. 13.

⁸⁰ Ibid.

Ввиду такой настойчивости Фомы на справедливости своего доноса, не были совершенно оставлены без наказания и виновные евреи. По декрету суда, как свидетельствует чиновник Юткевич, все евреи, проживавшие в Ленчице, обязаны были ежегодно, в день убийства младенца, носить по всему городу с процессиею картину, изображавшую всех участвовавших в преступлении лиц. Такое публичное шествие евреев продолжалось, впрочем, только несколько времени, а впоследствии, по просьбе евреев, оно заменено ежегодным денежным платежом ксендзам, что продолжается и до сих пор⁸¹.

В 1648 году в Иванишках евреи замучили и искололи ребенка множеством ран, которые потом они залили воском. В 1649 году были замучены и умерщвлены евреями младенцы в Хвостове, в Кях (близ Пинчова), в Негословицах (под Воцановым), в Сецимине и в Опатове. 11 Марта 1650 года в Кадене (Caaden) один еврей умертвил христианского ребенка Матиана Тиллиха, 4½ лет от роду, нанеся ему два смертельных удара и 6 ран, а также отрезал ему пальцы на обеих руках. Убийца, еврей, был схвачен и 21-го Марта присужден к колесованию. Такого же рода злодеяния были совершены тогда евреями в Штейермарке, Кернтене и Крайне, причем виновные объявили, что христианская кровь, как самое сильное средство, употребляется ими для того, чтобы останавливать кровь при совершении обрезания, возбуждать любовь, прекращать менструации и т.п., и что, по древнему, но тайно содержимому учению, ею достигается примирение с Богом (Эйзенменгер)⁸². В 1660 году в Германии, в Тунгухе (Tunguch) евреями пред пасхою был зарезан христианский ребенок; виновные, в числе 45 человек, были сожжены⁸³. 12 Мая 1665 года, в Вене, евреи замучили и умертвили одну женщину, выбросив в озеро ее труп, изрезанный на части. В 1669 году 25 Сентября еврей из Меца Рафаил *Леви*, украл на большой дороге, близ деревни Slatigny, у жителя той же деревни Gilles le Moyne, трехлетнего мальчика и на своей лошади, закрыв его своею накидкою, отвез в Мец, где, замучив его и выточив из него кровь, труп выбросил в лес. Только долгое время спустя в лесу была найдена голова ребенка с частью шеи и несколько ребер, приставшее к ним платьице и красная шапочка. Арестованный и осужденный еврей 17 Января 1670 года был сожжен⁸⁴. В 1689 году христианские младенцы были замучены и умерщвлены евреями в Жулкове, Львове или Лемберге, в Цеханове и Драговецке. В Драговецке были отравлены и все судьи, разбиравшие дело.

В 1690 году, в Белом Стану (в Белостоке) был похищен евреем арендатором Шутнею 6-летний мальчик Гавриил, родившийся в селе Зверках, близ города Заблудова, в 1684 году; евреи подвергли его сначала жестоким истязаниям, потом умертвили и тело его бросили в густой хлеб в поле. По лаю собак родители нашли тело своего сына-мученика, и, по надлежащем освидетельствовании, погребли его в православном Заблудовском монастыре, находящемся ныне в Белостокской области. Спустя 30 лет, при копании могилы для нового мертвеца, тело младенца Гавриила найдено нетленным и было поставлено в церковный склеп. 9 Мая 1755 года, по ходатайству архимандрита Михаила Казачинского, оно перенесено в Слуцкий Свято-Троицкий мужской монастырь Минской губернии, находящийся на берегу реки Случь, в полуверсте от уездного города Слуцка, и поставлен в каменном храме Св. Троицы⁸⁵.

27 Марта 1692 года хазан Лейба Урияшович, по совету евреев старших и раввинов, замучил христианскую девицу Марину, находившуюся у него в услужении, дочь Гавриила Лапы⁸⁶. Христианские младенцы были замучены и умерщвлены евреями: в 1694 году – во Владимире Волынском, в 1697 году – в Новом Месте под Равною и в Вильне, 1698 году – в Заблудове, в Брестском воеводстве, Кодне, под Замостьем, в Сандомире, в Романах и в Слониме. В Слониме евреи замучили сразу семерых младенцев⁸⁷.

Возмутительное злодеяние было совершено и в Гродне. Там пропала без вести шестилетняя христианская девочка. Тело ее потом было найдено в поле исколотым и в ранах. Никто не сомневался в том, что девочку замучили евреи. Родители погребли свою дочь в приходском

⁸¹ И.О. Кузьмин, Материалы, стр. 80–92; Декрет Люблинского Трибунала; Даль, стр. 50–61; Лютоостанский, II, стр. 14.

⁸² И.О. Кузьмин, Материалы, стр. 253.

⁸³ Eisenmenger, T. II, p. 228; у Даля, стр. 51; Лютоостанский, II, стр. 15.

⁸⁴ Eisenmenger, T. II, p. 224; у Кузьмина, Материалы, стр. 254; Abrege du proces fait aux Juifs de Mets, 1670; у Даля, стр. 52; Лютоостанский, II, стр. 15.

⁸⁵ Срв. Лютоостанский, стр. 33–34; Даль, стр. 62.

⁸⁶ И.О. Кузьмин, Материалы, стр. 101–104.

⁸⁷ Даль, стр. 53; Лютоостанский, II, стр. 16.

костеле, а впоследствии над ее могилкой был поставлен памятник с соответствующей надписью. «Таких памятников, – замечает Крашевский, – по разным местам находится много»⁸⁸.

О возмутительном злодеянии говорит декрет люблинского трибунала⁸⁹. Сандомирский еврей Александр *Берек*, вместе с своею женою и, без сомнения, при помощи нескольких соучастников замучил, обезкровил и умертвил христианскую девочку, не имевшую еще и двух лет. Какие страдания испытывала несчастная жертва еврейского изуверства, можно судить об этом по следующему официальному описанию ее трупа:

«Начиная от височной артерии до глаза и над самым левым глазом бровь, веки до самого зрачка, тело изранено так, что зрачек виден. На левой руке, начиная от плеча к лучевой кости, под мышкой, тело разрезано. Эта очень большая рана тянется до самой груди. На лопатке левой руки кровавый укол. При кисти той же руки, по жилам, сильный кровавый порез. На левом боку, между ребрами, шесть колотых ран. В левом боку две заметных раны. На левой ноге, начиная от бедра, пятнадцать кровавых различной величины ран. На самой лодыжке той же ноги кровавая рана, на правой ноге *тринадцать* кровавых ран. На подбородке и под горлом две кровавые раны по жилам. На пояснице – две большие раны. На плечах и боках – шесть разных ран. Все пальцы рук под ногтями исколоты, и кровь из них выдавлена».

Эта несчастная страдалница *двухлетняя* девочка Маргарита – была единственной дочерью у некоей Екатерины Мрочковиковой (Mroczkowicowa). И кто может подумать, что главною соучастницею в причинении ей невыразимых страданий и смерти была ее родная мать!.. Но вот что на суде говорила эта злодейка-мать:

«Правда, правда то, что я отдала свое дитя на убийство еврею Берку и жене его, которые долго меня на то уговаривали. Отдала живым, а затем то же дитя получила от них мертвым, израненным и без глаза. Заплакавши над ним, я хотела сокрыть его, однако сам Бог объявил о моем злом поступке. Что касается денег за дитя, то я не взяла их у евреев, так как они обещали удовлетворить меня потом. О других евреях не знаю, были ли они при том убийстве, так как сама не была при том».

Еврей Берек спасал себя только упорным заперательством: «Niewiem, niewiem niczym. Nieprawda to»...

Тогда же было совершено подобное злодеяние и в г. Кадне: евреями был замучен и умерщвлен мальчик сын райцы Тимофея *Лукашевича, Матвей*. Дело было так: 7 Мая 1698 года, в среду крестовых дней, происходила последняя процессия из кадненского костела основания св. Анны, с рынка, на Брестскую улицу, к Свято-Духовскому костелу. По окончании процессии мальчик Матвей или – как его звали – Матько Лукашевич шел за город, к распятию. Видя, что дитя блуждает, люди вернули его. Люди эти пошли своей дорогой к пустой мельнице и пробыли там недолго, а между тем мальчик снова вернулся и шел из города в поле по Брестской дороге. Через полчаса его не стало. Тщательный розыск со стороны родителей и полицейских властей не дал никаких результатов. Только 12 дней спустя, именно 19-го Мая, утром, пастухи нашли тело на лугу, называемом урочище Омшана, близ г. Кадна. Громадная народная толпа взяла труп и принесла его к ратуше. Труп оказался сильно изуродованным. Возле ушей на голове были сделаны ножом три раны, возле окровавленного левого уха – тоже три раны, как видно, проколотые ножом; правый глаз вырван, только жилка висела из под века; затылок вырезан; на голове кровоподтеки; на животе с правой стороны около двадцати колотых ран; всё тело по жилам истерзано и изранено; на спине, боках и груди исколото острыми гвоздями; пятки изрезаны; в общем же трудно было даже исчислить все раны, по заявлению следователя. Не могло быть сомнения, что это чудовищное злодеяние было совершено евреями, но какими именно? Следов не было. Вдруг, совершенно неожиданно к местному подстаросте Речицкому является кадненский же еврей Шлома Мисанович и совершенно добровольно, открыто и документально, без застраивания и пыток, заявлять следующее:

«В ту неделю, когда было убито или пропало дитя, я находился ночью на страже при школе, вблизи которой стоит дом нашего раввина. Около полуночи, когда народ спокойно спал, на коне

⁸⁸ Лютостанский, II. стр. 16, 36.

⁸⁹ И.О. Кузьмин. Материалы, стр. 104–119.

приехал наш школьник *Лейба*. Подехавши под окно раввина, он стал тихонько стучать, чтобы ему открыли, говоря: «отворите мне». Жена раввина сказала: «зачем?» Школьник ответил: «я привез ту вещь, необходимо спрятать на некоторое время». Жена раввина сказала ему по-немецки: «оставь меня в покое; я без мужа ни о чем не хочу знать». Услышавши этот разговор, я узнал голос школьника и подошел к нему. Узнавши меня, он сошел с коня и отдал его мне поддержать, а сам, отвязавши от седла мешок с неживым ребенком, пошел через дорогу к окну еврея *Фроима* и разбудил его. Фроим впустил его в дом, и там они спрятали дитя, положив его в погреб за дверями. Школьник просил и грозил мне, чтобы я никому о том не объявлял, а затем, взявши коня, поехал домой. Спустя несколько дней, наши еврей-старшины, обещая дать мне хорошую награду, через того же школьника просили меня, как уже знающего об этом деле, чтобы я, взявши то дитя, занес его в поле и бросил поодаль от города. Я согласился на это, так как напоследок они грозили мне отлучением от веры и общения с собою и, наконец, даже смертною казнию. Я, взявши то дитя, вместе с евреем *Борухом* занес его в поле и положил на траве».

Несмотря на то, что, по донесению Шломы Мисановича, в дело были замешаны многие евреи, как напр., раввин и его жена, старшины и *Борух*, уголовному суду были преданы только *Лейба* и *Фроим*. Вызванный в заседание суда Шлома не раз и не два подтвердил свое прежнее показание, причем совершенно добровольно заявил еще: «я признаюсь в этом вследствие дневного и ночного видения: то дитя всегда пред моими очами являлось живым». *Лейба* и *Фроим*, напротив, упорно не сознавались: они упорствовали даже, будучи на пытках трижды растягиваемы и огнем мучимы. Тогда суд приказал подвергнуть их повторной пытке. Но и на этот раз они ни в чем не признались, а только кричали: «хоть бы вы приказали сжечь нас на уголь и рубить на части, ничего не покажем, ибо ничего не знаем». Тогда суд, следуя праву Магдебургскому, потребовал, чтобы свидетель еврей Шлома вместе с четырьмя христианами присягнул в том, что дитя, действительно, убито евреями. Они немедленно присягнули. После этого суд приговорил *Лейбу* и *Фроима* к обезглавлению. 28 Мая приговор этот был приведен в исполнение⁹⁰. Тело замученного младенца было торжественно погребено в Кодневском костеле. В 1713 году на могиле поставлен памятник с соответствующей надписью на латинском языке⁹¹.

В 1699 году в Цеханове евреи были казнены на площади пред синагогою за то, что, опоив молодого человека христианина, выпустили из него кровь и уморили⁹². 9-го Августа 1700 года литовский трибунал разбирал дело об убиении евреями находившейся у них в услужении христианской женщины, якиманской мещанки *Марины Даневской-Ахванович*. Она была беременна и уже близка к разрешению от бремени. Несмотря на это евреи пред своею пасхою, именно 23 Марта 1697 года, жестоко измучив ее, умертвили. Труп ее временно спрятали в бане и держали обмытым, желая, очевидно, в удобное время выбросить его в какое-либо другое место. После произведенного освидетельствования оказалось на теле замученной много различных ран, колотых и резаных, а именно: на висках как будто удар от обуха, горло и лицо изрезаны ножами, на руке и пальцах, а также на ногах, ниже колен, на голеньях, жилы, суставы проколоты и порваны ланцетами и шилами; перерезав своей жертве грудь, евреи выпустили из нея кровь; живот пробили; шею завязали в три узла так, что по смерти едва можно было развязать; по-видимому сначала душили, а потом уже убили ее⁹³.

12-го Апреля 1710 года, в Белой, недалеко от дома, в котором проживал еврей *Зелик*, было найдено тело зверски замученной девочки. Всё оно было исколото каким-то орудием, вроде шила или гвоздя; на щеках, за ушами и под коленями, для выпущения крови были открыты жилы. Случайно в сарае еврея *Зелика* было найдено платье несчастной девочки. Подозрение пало на еврея, которого арестовали и заключили в тюрьму. Потом следствием было обнаружено, что жиду продал эту девочку за двадцать грошей какой-то пропойца. Евреям для мацы нужна была христианская кровь, – и ребенок стал жертвою еврейского изуверства.

⁹⁰ И.О. Кузьмин. Материалы, стр. 119–125.

⁹¹ У Крашевского *Obrazy Zycia i podrozy* 1842, т. I р. 61 рассказ об этом событии не во всем соответствует действительности.

⁹² Даль, стр. 53: Лютостанский, II, стр. 17.

⁹³ Ремиссийный декрет главного литовского трибунала по жалобе полоцких иезуитов на полоцких евреев за истязание и умерщвление ими христианской женщины у Кузьмина. Материалы, стр. 125–130.

В 1705 году, пред своею пасхою, евреи замучили трех христианских детей в Гродне, в Цемейлеве и Рженсонове. В 1713 году в Сандомире евреи обезкровили, искололи и умертвили юношу христианского Георгия Красновского⁹⁴.

20 Марта 1747 года два пастуха – Панко и Кенейчук – из села Михнова, близ г. Заславля, совершенно случайно нашли тело замученного человека в лозах за Загалихским бродом, недалеко от еврейской корчмы. Оно было втоптанно в болото, между кочками, и прикрыто навозом. Пастухи тотчас же дали знать об этом Луцкому лесничему, а лесничий – подстаросте, который, призвав к себе из с. Михнова шесть человек жителей, приказал им привезти найденный труп в Михново. Только с трудом труп был вытасен из болота. Глаза и рот убитого были завязаны портками, а на шее была веревка. В Михнове труп оставили в сарае тамошнего священника, где он и пролежал ночь. На другой день собралась большая толпа народа, чтобы посмотреть на убитого. Пришли и четыре еврея. Какой-то попович Гантя первый высказал подозрение на евреев: «Ваше это дело», – сказал он присутствовавшим там евреям: «евреи это сделали». Евреи стали спорить и шуметь. В этот момент на трупе убитого повсюду показалась кровь, на что все обратили внимание с удивлением. Вскоре тело было перевезено в Заславский замок и было приказано произвести осмотр его с подробным указанием ран. Оказалось, что покойник был не просто убит, а замучен на смерть жестокими истязаниями: на правой руке у него были отрезаны все пальцы; жилы до самого локтя и кость перебиты; на левой руке отрезаны три пальца; жилы до подмышки выпороты; кость сломана; плечо перебито; на левой ноге отрезаны три пальца, а с двух сорваны ногти; нога насквозь пробита; на икре выпороты жилы до самого колена; на правой ноге кожа на икре содрана; зубы выбиты. По подозрению в совершении этого преступления было привлечено к допросу восемь евреев: 1) Зорух *Лейбович*, 2) Гершон *Хаскелевич*, 3) Лейба *Мордхович*, 4) Мордхо *Янкевич*, 5) Мошко *Маиорович*, 6) Герц *Маиорович*, 7) Берка *Абрамович* и 8) Абрамко *Аронович*. Так как добровольно они не признали себя виновными, то были арестованы и посажены в тюрьму, по разным камерам, а Лейбович был заключен даже в фольварке. Посидев лишь несколько часов, *Лейбович*⁹⁵ позвал к себе подстаросту и объявил ему, что злодеяние совершено не иными какими либо евреями, а следующими: сыном михновского арендатора Хаскеля, ключником Хаскеля и загалихским корчмарем Мордком *Янкевичем*, проживающим в корчме, над бродами. Дело было так, сказал *Лейбович*:

«Со среды на четверг, после Гамановых дней, на другой неделе, я был послан михновским арендатором с курами к Белогрудскому резнику. Возвращаясь из Белогрудка в ту же среду, уже вечером, мимо загалихинской корчмы, я заметил, что ворота, двери и окна закрыты. Из корчмы доводился крик, как будто голос какого-то человека. Никаких слов я не расслышал. Там за стеной я слушал около часу, но не мог узнать, кто там кричал. Раздастся крик и умолкнет, и так повторялось несколько раз. Меня охватил великий страх, и я уехал с курами в Михново. Вернувшись к арендатору, я не застал дома ни сына арендатора, ни ключника. Передавши хозяину кур, я отправился на мельницу. Когда я на рассвете пришел к арендатору, то застал сына и ключника. Я спросил, где они были. Сын арендатора ответил: «я был в Покощевке, цедил там панскую горелку». А ключник сказал: «я был в Белогрудке на молитве». На этом разговор и кончился. На другой день в Михново приехал корчмарь загалихской корчмы. Я спросил у него: «кто это кричал у тебя в среду?» Корчмарь ответил: «Белогрудские крестьяне ехали из лесу, выпили по порции горелки и стали шуметь». Я оставил корчмаря в покое, – и так продолжалось до сих пор. Когда тело покойного было приведено к михновскому священнику, тогда люди стали сходитьсь; чтобы посмотреть на убитого. И я с ними видел убитого, но в то время кровь из его тела не текла. Я вернулся к своей работе. Спустя час или несколько более, сын арендатора, ключник и загалихский корчмарь пошли посмотреть убитого, говоря: пойдем туда и посмотрим – не еврей ли убит. Когда они подошли к покойнику, из тела убитого выступила невинная кровь. Так рассказывали люди из общины, и я слышал от них, что кровь текла из трупа. В самую субботу евреев позвали в засланский замок. В субботу же, как только отошел шабаш, арендатор, его сын и ключник поехали на всю ночь, но никуда не могли попасть, целую ночь ездили, блуждали по полям и болотам, а на разсвете вернулись в Михново. По возвращении, сын арендатора поехал в Покощевку, а ключник – в Любар. Ко мне арендатор прислал мальчика с приказанием – седлать коня. На мой вопрос: «куда поедет?» арендатор ответил: «я поеду в Заслав, к Берку Авросеву, и там буду выжидать, что произойдет. Ты поедешь со мною, чтобы я где-либо не попал в воду». Подходя к коню, арендатор от волнения и страха упал на землю. Я поднял его и посадил на коня. Мы поехали по дороге на Мыслятин.

⁹⁴ И.О. Кузьмин. Материалы: Декрет Люблинского трибунала. Стр. 131–132.

⁹⁵ Лейбович – мельник, михновского арендатора Хаскеля.

Подезжая к Мыслятину, арендатор сказал мне: «я поеду в город, к Берку Авросеву. Если что-либо будет нужно, ты там найдешь меня». Я вернулся в Михново».

19-го апреля в заседании суда Зорух Лейбович повторил всё сказанное им подстаросте. Его показание еще не заключало в себе определенных улик, а ограничивалось только догадками и предположениями; по словам судебного декрета он «tilko ze blakal jezykiem» (только молот языком). Тем не менее суд приобрел уверенность, что следствие попало на верный путь. В заседание вызваны были вторично к допросу все заподозренные евреи. Но ни один из них не сознался. Тогда суд, на основании саксонского права, libro secundo, folio 122, постановил: отбирать у них показания под пытками (растягивание на колесе и прижигание свечами). Узнав о таком постановлении суда, сын корчмаря Мордхи Маиоровича, *Лейба* заявил, что он, без пытки, готов дать показания добровольно, и в заседании Суда 20 апреля объявил следующее:

«Герсона Хаскелевича, сына михновского арендатора, уговорил на преступление заславский кагал, а именно: Берка Авросев, – кагальный старшина, Абрамек – кагальный школьник, Лейба – ключник михновского арендатора, Яков – арендатор покощевский, Берка Закрутецкий – сын арендатора, Мошко Маиорович, Лейба Мордкович, Мордух Янкелевич и Зорух Лейбович, мирошник⁹⁶ арендатора михновских мельниц (разоблачитель). Последнего, впрочем, сказал Лейба, мы освобождаем от всякой кары, ибо он не присутствовал при том, как мы все вместе ночью, со среды на четверг, в корчме, что на михновском тракте, в горнице, убивали человека, завязавши ему глаза, а в рот воткнули «жеребца» с веревкой. Для извлечения крови мы ножами вскрывали жилы в тех местах, где было нужно. Нацедивши крови, вышеупомянутые члены кагала налили полную бутылку и мне также дали той крови в бутылочке. Во время печения мацы, я влил ее в тесто, а затем, замесивши, поставил в печь. Потом, согласно закону, мы ели эту мацу в течение двух ночей, а днем ели другую мацу. Покойного *Антония*, пришедшего ко мне за двое суток перед тем пешком, без коня и сабли, прикрывши подстожинами⁹⁷, а платье его – жупан, шапку, штаны, пояс и рубаху, по приказанию вышепоименованных кагальных старшин, присланных в корчму из города, – Гершон бросил в печь и сжег. Нам же под угрозой синагогального проклятия было приказано никому не говорить о происшедшем. Нам сказали: «даже в том случае, если подвергнетесь суровым наказаниям или смертной казни, ни в чем не признавайтесь и не выдавайте того, что знаете, и вы будете мучениками за старую веру». Мошко Маиорович верхом на коне в мешке отвез в Заслав бутылку с кровью и там вручил Берку Авросеву, а он уже знал, кому ее следует передать, – только раввину для благословения».

23 апреля *Лейба Мордухович*, вторично опрошенный судом, без пытки, подтвердил свое первое показание и дополнил его некоторыми частностями.

«В корчму сехались – говорил он – Гершон Хаскелевич, школьник Абрамек, белгородский арендатор Мошко, покощевский арендатор Яков, закрутецкий арендатор Берк, ключник Лейба и Берк Авросев. Мордко Янкелевич, отец мой, также был в корчме. Что касается Мошки, то он приехал из Покощевки уже после убийства человека. Все указанные лица принесли спящего, пьяного человека в горницу, завязали ему голову какими-то штанами, а затем веревкой и мучили на земле. Я спросил у них: «для чего вы это делаете?» Все закричали на меня, говоря: «а тебе что до того? Мы богаче тебя. Если что и случится, мы заплатим». Я испугался их и вышел из горницы в избу. Убивши человека, они вытаскивали из него кровь в подставленный сосуд, а затем сливали в бутылку. Когда закрутецкий арендатор (Берк) собирался уезжать, он взял покойника на свой воз. Я боялся дотронуться до трупа, а они сами вынесли его в болото, в лозы, и там прикрыли санными подонками. Они взяли кровь, а остатки Мошка Маиорович отвез в Заслав и там отдал Берку Авросеву. Я думаю, что дело это не могло обойтись без раввина, ибо он обязан благословить эту кровь. Я не настолько сведущ в талмуде, чтобы знать, что произойдет с той кровью. Нам приказали присягнуть, чтобы мы никому не выдавали этой тайны. Что касается одежды, то ее жгли все вместе. Это для того, чтобы вместе же терпеть и муки, если что случится. Для меня также оставили бутылочку с кровью: если бы я не взял ее, евреи там же убили бы меня. Оставленную мне кровь я закопал на дворе, дабы она «не вопияла», сам же поехал в Михнове, где я святковал, ел мацу с другою кровью (*insza krew*). Хаскель прислал на свое место Герсона, – чрез своего ключника послал кровь в Заслав. Мошко Маиорович отдал эту кровь Берку Авросеву. Мой отец (Мордко Маиорович) резал ножом и порол жилы покойника».

⁹⁶ Т.е. мельник.

⁹⁷ Почти всегда полугнившее сено, под стогами.

Примеру Лейбы Маиоровича последовал и сын михновского арендатора – Гершон Хаскелевич. Он давал показание в заседании суда 20-го апреля добровольно, без пыток и, несмотря на то, что в тюрьме он сидел в одиночной камере и допрашиваем был особо от других обвиняемых, его показание совершенно согласно с показанием Лейбы Маиоровича.

«Все заподозренные евреи – говорил он – вместе со мною, Гершоном, убили того человека в горнице, в корчме, что на михновском тракте, причем вытаскивали из него, еще живого, кровь и поролы жилы ножом. Когда выточили кувшин крови, Мошко Маиорович отвез в Заслав бутылку с кровию и отдал ее для кагала Берку Авросеву. Об этой крови знал раввин, а также все кагалные старшины. Остатки крови роздали нам для совершения обряда. Всем нам было приказано, под угрозой синагогального проклятия, никому не говорить о происшедшем, а также никому не сообщать об этом распоряжении. Тело покойного Антония, с *зажатым ртом* и завязанными платком и веревкой глазами, мы отнесли в лозы, в болото, в подонки. Одежду его – жупан, пояс, штаны и рубашку – я, Гершон Хаскелевич, по приказанию упомянутых евреев бросил в печь и сжег. Что мы делали, в том я сознаюсь».

В заседании Суда 28 Апреля Гершон Хаскелевич снова подтвердил свое первоначальное показание и при этом сказал следующее:

«Когда я был при нагрузке панской горелки в винном погребе в Покощевке, тамошний арендатор Яков обратился ко мне с следующими словами: «Гершон, Мошко белгородский требует тебя зачем-то в загалицкую корчму и я там буду. Мы условились на определенный день. Вечером я поехал в Михново, а когда приехал домой, отец спросил, – зачем я приехал. Я сказал, что для отдыха. Затем, после ужина, ночью, когда мы уже собирались спать, из Заслава приехали на своих лошадях Берк Авросев и заславский школьник Абрамек и просили меня вывести их на белгородскую дорогу. Так как и мне нужно было туда же, я сел к ним на воз и вместе с ними приехал в Загалицкую корчму. Здесь мы застали закрутецкого арендатора Мошка, покощевского арендатора Якова, ключника Лейбу, Мошко Маиоровича, Лейбу Мордховича и Мордху Янкелевича. Здесь же присутствовали я, Гершон Хаскелевич, Берк Авросев и Абрамек школьник. По приказанию Берка, школьника и других, все мы присягнули над Библией в соблюдении тайны. Зоруха при этом я не видел. По принесении присяги, арендаторы Яков покощевский и Берк закрутецкий подошли к пьяному человеку, закрыли ему штанами глаза и рот и завязали веревкой чрез губы на затылок. Арендаторы ударили его несколько раз обухом секиры. Тогда Мошко белгородский, Берк Авросев и Абрамек школьник начали вскрывать жилы на руках покойника, а Мордко Янкелевич ударил того человека в плечо. Под кровь поставили миски: на ногах вскрывали вены. Я, Гершон, содрал ногти с двух пальцев на левой ноге. Ключник и вышепоименованные евреи делали то же. Кровь из мисок сливали в бутылки. Самого покойника мы снесли на воз и, отвезши в лозы, положили под сгнившим сеном. Кровь распределили следующим образом: Яков с Мошком взяли бутылку, Берк со школьником – также бутылку, третью бутылку – белгородские арендаторы, а остальное – Яков покощевский послал, чрез своего шурина, Мошко Маиоровича, в Заслав для передачи Берку Авросеву. Я, Гершон, в тот же вечер поехал в Покощевку, а остальные упомянутые евреи разъехались по домам. Что касается платья убитого, то я не знаю, кто его сжег».

Мошко Маиорович, – правда, после пытки, – подтвердил всё показанное Зорухом и Гершоном. Один старик еврей, хозяин корчмы, в которой было совершено злодеяние, Мордко Янкелевич, несмотря на пытки (его растягивали колесом и прижигали шинами), ни в чем не сознался и всё время упорно молчал. Даже на очной ставке, когда сын его Лейба сказал ему в глаза: «И ты, отец, был при убийстве покойного Антония», – он и тогда не хотел ни в чем сознаться, только опустил вниз глаза и путался в словах...

Свидетельские показания обнаружили, кроме обвиняемых, еще многих соучастников в совершенном злодеянии. Но они почему-то не были привлечены к суду, да и из обвиняемых были осуждены только четыре: зато над ними был произнесен приговор чрезвычайно суровый, а именно: 1) содержателя корчмы *Мордко Янкелевича* суд постановил посадить живым на кол и оставаться ему на колу до тех пор, пока птицы не съедят и пока его бесчестные кости не разорвутся и не спадут на землю; 2) с сына михновского арендатора *Гершона Хаскелевича*, с живого, содрать четыре полосы кожи, вынуть сердце, разрезать его на четыре части и развесить их в окрестностях города, на кольях, прибив гвоздями; голову посадить на кол; а внутренности обмотать вокруг столба виселицы; всё это должно висеть до тех пор, пока не будет съедено птицами; костей его никто не должен снимать с кольев; 3) *Мошке Маиоровичу* живому отрубить

ноги и обе руки по локти, а самого с отрубленную головою посадить на кол, ноги и руки прибить железными гвоздями к виселичной балке; 4) *Лейбу Мордковича* – четвертовать живым, голову повесить на кол, внутренности обмотать вокруг виселицы и содрать с него две полосы кожи. – Произнося этот приговор, суд заявил, что он оказывает *осужденным снисхождение*, так как их следовало бы подвергнуть наказанию по предписаниям магдебургского права, согласным с саксонским правом, т.е. раскаленными щипцами рвать их тела, вырвать глаза, язык и т.п. Тяжело было евреям сознавать, что это «Заславское дело» всему миру открыло ясно, на какие злодеяния толкает их талмуд, и потому, несмотря на сознание подсудимых, они начали обвинять суд в несправедливости, нахально отрицали существование ритуальных убийств, осужденных злодеев объявляли невинными и святыми страдальцами, установили в честь их даже особое поминальное богослужение, распространяли лживые брошюры, вроде «Заславских Мучеников», прославляли извергов в надписях на их надгробных памятниках и т.п.⁹⁸

Суровость наказания осужденных по «Заславскому делу» ничему не научила евреев и не прекратила совершения ими изуверных ритуальных убийств. Уже в следующем, 1748 году, было совершено евреями такое же злодеяние. 18-го Апреля, в четверг, после праздника пасхи, маленькие пастухи нашли близ села Анновки, по пути к Несторовцам, в долине Глубокой, в борозде, прикрытый дерном труп ребенка. По официально произведенному осмотру оказалось, что ребенку было не более полутора года от рождения и что он был не убит, а замучен: по середине головы у него было две раны, глаза вынуты, вынуты также язык и передняя часть шеи (вилочка); у правой подмышки – рана, доходящая до самого сердца; на левой руке у подмышника на жилах рана; на правом колене – рана; на правом бедре, близ половых органов рана; что касается остальных имевшихся ран, то они не могли быть исследованы, так как уже сильно почернели. Скоро было доказано, что ребенок этот «незаконнорожденный» и принадлежит крестьянке Мандзе. Мандзя была арестована в селе Чанкове. Она показала, что ребенок ее, что зовут его Яном, что ему всего полтора года, что он незаконнорожденный, прижит ею от батрака Леско и что его отняли у нее Дунайгородские евреи – Мендель *Ейзикович*, Мендель *Зейликович* и Либерман *Гаскелевич*. И добровольно несколько раз, и после двукратной пытки, Мандзя показала, что когда она случайно зашла с ребенком в дом, в котором находились означенные евреи, они сперва уговаривали ее поступить к ним в услужение, потом дали ей выпить рюмку водки красного цвета и другую рюмку водки черного цвета, после чего она впала в состояние умопомрачения и потеряла сознание. Евреи вытолкнули ее из дома, а ребенка оставили у себя. Находясь в бессознательном состоянии, Мандзя бродила по различным селениям и полям, ночевала под заборами, пока ее не арестовали. Евреи на суде упорствовали и ни в чем не сознавались; а в свое оправдание от неправильно (будто бы) наведенного на них обвинения в умерщвлении христианского ребенка они ссылались на буллу, данную папою Павлом III 12-го Мая 1540 года, в коей имеется свидетельство о том, что евреи не употребляют христианской крови, а также на привиллегию Сигизмунда Августа, короля польского, в коей указывается, что евреи ни для каких целей не применяют ни христианской крови, ни Св. Тайн. – Что ребенок Ян был замучен евреями по их религиозным побуждениям, в этом суд не сомневался, но он имел основание подозревать, что их соучастницей была и Мандзя, которая могла продать им своего несчастного ребенка. Суд постановил: евреев Менделя *Ейзиковича*, Менделя *Зейликовича* и Либермана *Гаскелевича*, заслуживающих по закону, изложенному в Саксонском Зерцале книга III, артикул 39, наказания смертью, подвергнуть только тюремному заключению на срок одного года и шести недель, в виду того, что даже при допросах под пыткой они объявляли себя невинными в этом преступлении, хотя всегда *тысячными приговорами* подтверждалось, что евреи жаждут христианской крови⁹⁹.

В 1750 году такое же злодеяние было совершено евреями в Каменец-Подольске¹⁰⁰, а в 1753 году – в Житомире¹⁰¹. На основании свидетельских показаний, данных евреями, и сознании самих виновников, ужасное злодеяние, совершенное близ Житомира, официально представляется в следующем виде. Евреи *Еля* и *Янкель*, арендаторы Марковой Волицы, были подговорены *Шнайером* – харлеевским арендатором, также *Кивою* – арендатором паволоцким и *Шнайером* –

⁹⁸ Срв. И.О. Кузьмин, Материалы: Декрет Кременецкого Магистрата по делу об убийстве в г. Заславе католика Антония. Стр. 131–159; Лютостанский, II, стр. 15–55.

⁹⁹ Срв. И.О. Кузьмин, Материалы: Декрет по Дунайгородскому делу. Стр. 160–172.

¹⁰⁰ Срв. И.О. Кузьмин, Материалы: Декрет по Дунайгородскому делу. Стр. 160–172.

¹⁰¹ Даль. стр. 53; Лютостанский, II, стр. 17.

тамошним раввином, чтобы они как-нибудь достали христианское дитя для заклания его. 20-го Апреля 1753 года в страстную пятницу, отыскивая своих лошадей, они встретили в роще младенца, не имевшего еще и трех лет от роду, по имени Стефана, слезшего с повозки своего отца шляхтича *Адама Студзинского* и шедшего к деревне Марковой Волице, – поймали его и отвели в густой лес, где еврей Еля продержал его до поздней ночи, а ночью, вместе с Янкелем, принес его в корчму, в Маркову Волицу, где они накормили его хлебом, напитанным водкою, и положили на печку. На печке ребенок спал всю ночь, утром, в великую субботу, когда он проснулся, его опять накормили мацою с водкою, хлебом и медом, после чего он уснул и в таком положении оставался весь день, а когда он пробуждался, его забавляли разными игрушками. В полночь в корчму прибыли евреи Кива Мошкович, Шнайер-раввин поволоцкий, Дыдус Ирш, Майер Мордухович, Мейер из Харлевки с Давидом, Беркой и Хаимом из Ходорковки, Зайвел из Кациловки, Мовша из Сокульчи и Мовша из Котлярки. Напоив ребенка медом, все эти изуверы приступили к исполнению своего ужасного намерения. Паволоцкий раввин поставил ребенка на лавку, завязал ему глаза и велел идти домой. Ребенок спустившись на землю, пошел-было прямо к дверям. Это привело евреев в смущение. Но еврей Кива, схватив ребенка за руки, поставил его опять на той же лавке и, *зажав ему рот клещами*, приступил к убийству и выпущению невинной крови. Обнажив ребенка, евреи поставили его в лохань и, *после молитвы*, раввин Шнайдер первый вонзил ему нож под сердце, потом уже другие начали колоть и мучить его гвоздями, большими булавками, и забивать под ногти гвозди, безпрестанно поднимали его вверх и опускали вниз для большего истечения крови. Наконец, Шнайдер, харлеевский арендатор, взяв уже едва дышащего ребенка в руки, свернул ему голову и держал его в таком положении до истечения из него последней капли крови. Потом, разлив кровь в разную посуду, изуверные евреи разошлись по домам, а тело ребенка, измученного и исколотого, Зейвель и Еля отнесли в ближайший лес и положили лицом на землю. Там оно и найдено было родителями невинного младенца на первый день Пасхи Христовой, после обедни. Вот каким, в главных частях, представляется это ужасное злодеяние *по показаниям еврейки Браины, жены Ели, и еврейки Фружи, жены Янкеля*, арендаторов Марковой Волицы, *подтвержденных впоследствии добровольным сознанием их мужей Ели и Янкеля*. Суд покарал злодеев суровым наказанием, постановив, чтобы еврей раввин Шнайдер и Кива, Майер Еля и Янкель были ведены палачом к виселице в городе Житомире с «пылающими» руками, которые наперед должны быть обвиты пенькой и облиты смолою, а по приведении их к виселице выдрать у них на теле из плечей по три полосы, засим четвертовать живых, головы их посадить на кол, а тела повесить; сообщников их евреев – Давида Дыдуса, Давыдка, Берка и Хаима, Мовшу из Сокульчи и Мовшу из Котлярки четвертовать на лобном месте под виселицей, живых, головы их посадить на кол, а тела повесить; Зейвелю, объявившему желание принять крещение, отрубить только голову. Убежавшего из-под стражи еврея Иршу по арестовании, также четвертовать живым, голову посадить на кол и тело повесить.

27-го Марта 1759 года, ровно за три недели до Пасхи, внезапно исчез в селе Ступнице, близ Перемышля, ребенок по имени *Григорий*, сын вдовы Оленки, христианин, православного вероисповедания, 3 лет и 10 недель от роду. Усиленные розыски и расспросы были безуспешны. Между тем жена еврея арендатора *Эйзика* уверенно предсказывала Оленке, что ребенок отыщется и при этом старалась у нее выпытать, кого, собственно, она подозревает в предполагаемом убийстве ее ребенка. Три недели спустя, в первый день Пасхи, ребенок вдруг был найден портным из с. Ступницы Яном Карпинским, в поле, возле дороги, неподалеку от корчмы, исколотым и изувеченным, с отрезанными языком, нижней губой, левой ручонкой у самого плеча и половыми органами, со скрученными истерзанными суставами уцелевших рук и ног. Когда тело несли мимо корчмы, кровь сама потекла из невинного младенца, а позже, при предъявлении его народу в городе Перемышле она вторично ручьем полилась из надколотых и порезанных суставов. Подозрение пало на евреев, но они упорно отказывались неведением и невиновностью. «Лучше мне чорта проглотить, чем эту кровь пить», – кричал еврей *Майорович*. «Старшие могут знать, – говорил еврей *Беньяш Лайбович* – мне же ничего неизвестно; если меня будут мучить и я выдержу, то хорошо, а нет, – пусть меня черти возьмут... и в своей вере не буду, и иной не хочу,

и не знаю, в какой вере умру. Пусть меня черти возьмут». Тем не менее суд был уверен, что злодеяние было совершено евреями¹⁰².

В 1760 году в местечке Чернолозах Войславицкого округа раввинами Гершкою *Юзефовичем* и Сендером *Зыскелюком*, при участии двух старшин еврейской Войславицкой синагоги, был замучен и умерщвлен, а потом выброшен в лес на съедение собакам христианский ребенок – сын крестьян *Мартина* и *Екатерины Андрейчуков* «с целью выцедить из него кровь». Один из подсудимых раввин повесился еще в тюрьме, а остальные были казнены, хотя и приняли крещение перед самой казнью на площади¹⁰³.

В 1799 году близ города Режицы, в лесу, был найден труп неизвестного человека, вывезенный несомненно из еврейской корчмы. По осмотре его оказалось, что совершено было не простое убийство, а изуверное мученичество. Труп был весь исколот шилом или швейкой; кроме того орудием, подобным долоту, было сделано на теле убитого четыре раны: на спине, на правой руке, под левой икрой и выше левого локтя. Заподозренные евреи бежали и, конечно, изловлены не были¹⁰⁴. В том же году, перед Пасхой, также найден был труп неизвестной женщины в Сенинском уезде, вблизи еврейской корчмы. На платье не оказалось никаких следов крови, тогда как всё лицо, руки и ноги убитой были исколоты и истыканы каким-то орудием, в виде гвоздей или шила. Несомненно, что несчастная женщина, как и во всех других случаях ритуальных убийств, сначала была раздета, исколота и замучена, а уже после смерти снова одета в свое платье¹⁰⁵. В 1805 году был найден труп 12-ти-летнего мальчика *Трофима Никитина* в Двине. Труп был весь исколот так, как это нужно сделать только для обезкровления человека. После произведенных мучений, мальчик был зарезан. Несмотря на улики, заподозренные евреи сумели избежать справедливого наказания¹⁰⁶. Об умерщвлении евреями девочки *Адамовичевой* на Пасху 1816 г. в Гродне мы уже говорили. В 1817 году в городе *Велиже* евреи умертвили двух христианских мальчиков. Сначала евреи обрезали им ногти, потом совершили над ними обрезание, затем качали их в особой бочке, перевязали ремнями ноги под коленями, кололи по всему телу гвоздями, собирая кровь, вытекавшую из ран, а мертвых бросили в Двину. Мальчиков этих продала евреям русская нищая, пьяная крестьянка *Терентьева*, похитившая их у родителей, в чем она сама призналась. Мещанка *Ковалева*, по ее собственному показанию, видела у еврейки *Цетлиной* в особом ларце сухие лепешки из крови этих мальчиков и часть крови в серебряном стакане, уже испортившейся и издававшей трупный запах. В том же году и в том же Велиже евреи замучили шляхтянку *Дворжицкую*. Как оказалось на суде, они напоили ее пьяною, потом раздели, качали в бочке, били по щекам, ругались над ней, положив на два стула, кололи ее в разных местах и собирали кровь в подставленную посуду; наконец, когда она уже умерла, труп ее обмыли, положили в пошевни и вывезли за город в лес. Евреи, впрочем, были недовольны этою жертвою, кровь ее оказалась черною и чрез то негодною к употреблению¹⁰⁷. В 1819 году в Семичевской корчме, близ Велижа, евреями были замучены и умерщвлены две христианские девочки-нищенки. В 1821 году, перед Пасхою, был найден труп мальчика *Лазарева* в с. Голеньях, Чаусовского уезда, Могилевской губернии. Подозрение пало на евреев ввиду признаков, найденных на теле замученного. Губернатор предписал произвести следствие. Но евреи отправили в Петербург депутацию, и Губернскому Правлению сделано было строжайшее замечание за то, что в данном случае оно поступило несогласно с высочайшим повелением 1817 года¹⁰⁸. В том же году евреи затащили в корчму, близ Велижа, нескольких мальчиков, держали их взаперти порознь, а потом замучивали поодиночке. Бывшие в то время у них в услужении русские женщины, *Максимова* и *Терентьева*, поименно назвали виновных и подробно рассказали следователям, кто где стоял, что говорил и делал, когда они замучивали детей.

22-го апреля 1823 года, в первый день Пасхи, в городе *Велиже* без вести пропал ребенок *Феодор Емельянов*, имевший от роду только 2½ года. Поиски родителей его были напрасны. Впрочем, солдатка *Мария Терентьева*, часто бывавшая нетрезвою и по временам находившаяся в

¹⁰² И.О. Кузьмин, Материалы: Ступницкий процесс; а) добровольные показания евреев; б) показания евреев под пытками; с) приговор суда. Стр. 177–185.

¹⁰³ И.О. Кузьмин, Материалы: Войславицкий процесс, стр. 216–219.

¹⁰⁴ Даль, стр. 55: Лютостанский, II, стр. 18.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Даль, стр. 59–60; Лютостанский, II, 21–22.

¹⁰⁸ Ibid.

услужении у евреев, по просьбе несчастной матери пропавшего ребенка, ворожила ей и на этом основании уверяла ее, что ребенок ее еще жив и сидит в погребе богатых и популярных евреев *Берлиных*, но что ночью он будет замучен; то же самое утверждала и считавшаяся в народе блаженною, обмиравшею, ясновидящею нищенка – двенадцатилетняя болезненная девочка Анна *Еремеева*. По настойчивой просьбе родителей Емельянова, какой-то квартальный надзиратель с ратманом-евреем у Берлиных произвел обыск, ничего подозрительного не открывший. Кстати заметить, ратман-еврей, производивший обыск, был близким родственником Берлиных и в его именно доме, как было доказано впоследствии, во время обыска был спрятан похищенный мальчик. Только на Фоминой неделе в болоте, в лесу, за городом, был найден труп мальчика Емельянова. По осмотре, произведенном городовым врачом, оказалось, что ребенок был зверски замучен. На всем теле его было усмотрено множество уколов, произведенных, по-видимому, гвоздем; ногти были обрезаны до самого тела; нос и губы приплюснуты от туго затянутой повязки; над ребенком было совершено *еврейское обрезание*; синие ноги, затекшие кровью, указывали на то, что под коленами они были туго связаны; по всему телу были найдены ссадины; желудок был почти пустой; на белье и платье следов крови усмотрено не было; несомненно, что злодеи предварительно раздели ребенка, а достав из него нужное количество крови, обмыли его и снова одели в его белье и платье. Врач дал заключение, что ребенок был замучен с умыслом и с преднамеренною целью. Недалеко от того места, где был найден труп, остались следы колес и лошадиных копыт; по ним можно было думать, что злодеи привезли труп на парной повозке или бричке, но, не доезжая до болота, сняли его с экипажа и отнесли к болоту на руках. Ввиду сказанного естественно было заподозрить в совершении этого злодеяния прежде всего евреев, тем более, что семь женщин под присягой показали, что утром, рано, в тот именно день, когда найден был труп, они видели, как приказчик Берлиных еврей *Иосель*, еще с каким-то евреем бешено проскакал на парной жидовской бричке в лес, где найден был труп, и обратно. Евреи обратились к своей обычной тактике: начали производить свой частный сыск и всячески старались, чтобы отвести подозрение властей от евреев, направить следствие на ложный путь. Прежде всего они пустили версию, что ребенка Емельянова переехал своею бричкою какой-то ксендз, случайно прибывший тогда в Велиж. Тотчас два ратмана-евреи с огромною толпою своих единоверцев отправились на постоялый двор, в котором оставовился приезжий ксендз, и начали измерять ширину хода его брички и т.д. Потерпев неудачу здесь, они пустили слух, что дети играли за городом, что в числе их был и Емельянов, что один мальчик выстрелил из ружья, заряженного дробью и весь заряд влил в Емельянова, «отчего по всему его телу и появились раночки»; но так как в теле замученного ребенка никакой дроби не оказалось, то и эта версия скоро была оставлена. Между тем время шло и действительные злодеи – евреи успели уничтожить все следы, уличавшие их в совершении преступления. Поэтому неудивительно, что Велижский уездный суд 16 Июня 1824 года постановил (даже, быть может, и без подкупа со стороны евреев): по недостатку улик евреев освободить от обвинения в убийстве мальчика, а Ханну Цетлин и Иоселя оставить в подозрении. К этому можно добавить, что суд мог иметь в виду и Высочайшее повеление 1817 года и не проявил энергии, боясь «строжайших замечаний».

В 1825 году чрез Велиж проезжал Император Александр I-й. Упомянутая уже нами *Терентьева*, имевшая основание быть недовольною на Берлинов, подала Государю прошение о том, что местные евреи замучали ее сына и что судьи покрывают их злодеяния. Государь повелел образовать особую следственную комиссию во главе с генерал-майором *Шкуриным* и при участии сенатского обер-прокурора. Тогда дело приняло совершенно иной оборот. Терентьева привлекла к следствию трех женщин, бывших у евреев в услужении, – *Козловскую* Прасковью – работницу Берлиных, *Максимову* Авдотью – работницу Цетлиных и *Ковалеву* Марию – работницу Аронсоновых, а также и упомянутую нами выше нищенку-прозорливицу Анну *Еремееву*. По единогласному показанию этих четырех женщин, дело представляется в таком виде: Великим постом 1823 года, за неделю до еврейского пейсаха, шинкарка *Ханна Цетлин* напоила Терентьеву, дала ей денег и просила достать христианского мальчика. На первый день праздника Терентьева увидела мальчика *Емельянова* у моста (сестра мальчика, вышедшая вместе с ним из дома, показала, что он не хотел с нею идти далее и сел у моста). Терентьева указала на него Ханне. Ханна, напоив ее, дала денег и кусок сахара, чтобы заманить мальчика. Максимова была в это время тут же, всё видела и слышала. Терентьева привела мальчика, и Ханна встретила их на улице перед домом. Посторонние показали, что видели в это время Ханну стоявшею у калитки своего дома, а одна женщина, Косачевская, – что видела, как Ханна вела за руку мальчика, ввела

его на двор и передала Максимовой, которая внесла его в комнаты. Тут же были: муж Ханны, *Евзик*, дочь *Илька* и работница *Руса*. Терентьеву и Максиму напоили, дали им денег, и они уснули. Вечером велели Терентьевой отнести ребенка к *Мирке Берлиной*, которая и принесла его в комнату дочери ее *Славки*, где было много евреев. Мальчика отнесли в коморку, а женщин напоили вином и дали им денег. Терентьева видела ребенка у Берлиных всю неделю, кроме среды, когда обращали ее самую в еврейскую веру и обжигали ей ноги. Максимова носила его обратно к Цетлиным в понедельник на Святой, что видела и Козловская, а во вторник рано утром принесла его опять назад. Она заходила с ребенком в кухню спросить, встали ли Берлины, и там видела ее и ребенка Козловская, кухарка *Бася* и еще одна еврейская девушка. Славка отперла Максимовой дверь настежь, взяла ребенка и велела придти за ним вечером, а его понесла опять к Цетлиным, где он и остался. В среду Ханна, при Максимовой, выставила из сундука в светелке съестные припасы и в сундук положила ребенка сонного и покрыла простыней. При этом Ханна сказала, что не следует плотно закрывать крышку, чтобы мальчик не задохся, и объявила, что в полдень муж ее, ратман, с полициею будет обыскивать дом у Берлиных, а вечером говорила, смеясь, что там ничего не нашли. В четверг Максимова отнесла ребенка опять к Мирке и Козловская видела его там, и спросила у кухарки Баси, чей он. Максимова не видела, чтобы мальчика в последние дни кормили. В понедельник на Фоминой неделе Ханна напоила обеих женщин вином, отвела их к Берлиным, где у Славки было в сборе много евреев. Мирка также поила их вином и просила, чтобы ночью они утопили труп мальчика в реке. Они принесли его из коморки, раздели, по приказанию жидов, и положили на стол. Какой-то приезжий еврей сделал над ним обрезание, а *Шифра Берлина* остригла ему ногти вплоть до мяса. В это время Козловская возвратилась из питейной конторы. Славка вышла – было к ней в сени, но, заметив, что она уже видела кое-что, позвала ее в комнату, где жида стращали ее, что если она где-нибудь проговорится, то с нею сделают то же, что и с мальчиком. Она поклялась, что будет молчать. По дальнейшим показаниям, Терентьева держала ребенка над тазом, Максимова обмывала его. Затем его положили в бочку, в которой половина дна вынималась, Иосель, заложив опять дно, стал вместе с Терентьевой катать бочку по полу, а потом и все делали то же, сменяясь попарно в каждые два часа. Ребенка вынули из бочки красного, как бы обожженного. Терентьева взяла его и положила на стол. Все три женщины оделись в жидовское платье. Понесши ребенка, *завязавши ему рот платком*, в школу; за ними пошли евреи. В школе застали они толпу евреев, которые положили мальчика на стол в корыто, развязав ему рот. Тут распорядился *Орлик Девиру*; приезжий еврей подавал ремни; Терентьева связала мальчику ноги под коленями, но слабо, и приезжий еврей сам их перевязал потуже. Терентьевой велели ударить ребенка слегка по щекам, а за нею все прочие делали то же. Потом подали новый, большой и острый гвоздь, и велели ей же уколоть ребенка в висок и в бок. Максимова, Козловская, Иосель и все евреи и еврейки, один за другим, делали то же. Между тем Козловскую повели к шкафчику с заповедями и обратили ее в еврейскую веру, назвав *Лиєю*. Орлик поворачивал в корытце младенца, который сперва кричал, а потом смолк, смотрел на всех и тяжело вдыхал, но вскоре истек кровью и испустил дух. Терентьева вынула мальчика из корытца, развязала ему ноги, держала над другим корытцем, стоявшим на полу. Козловская подавала бутылку с водой; Иосель обмывал труп, а Максимова обмывала его самого. Когда на теле крови ничего уже не было и только остались одни ранки величиною с горошину, труп велели одеть, обути и положить на стол. Иосель повел всех трех женщин к шкафику и сказал, что так как они все приняли еврейскую веру, то должны по ней клясться, и читал им что-то из большой жидовской книги. Затем евреи ругались над похищенным Терентьевой из Ильинской церкви антимином, плевали на него топтали его ногами и пр. (по справке в церкви, оказалось, что ветхий антиминос, действительно, был похищен, а Терентьева рассказала, со всеми подробностями, каким образом она его украла). Между тем начинало уже разсветать; Терентьева с Максимовой боялись нести мальчика на реку, где и ночью, и рано утром бывает народ, а потому понесли его в лес, в болото у Гуторова Крыжа, где он и найден. По уходе их, Иосель налил крови в одну бутылку и велел Козловской отнести ее к Славке; но еще много крови оставалось в корытце в школе. Возвращаясь из лесу, Терентьева и Максимова встретили Иоселя, сам-друг, парой в бричке. Они ездили наблюдать за женщинами. Иосель сошел с брички и посмотрел, где был положен труп. Потом евреи опять ускакали в город. Мирка напоила обеих женщин вином. Славка дала им деньги и наказывала, чтобы они, пьяные, поссорясь, кому-либо не проговорились, потому что евреи все отопрутся и они одни будут виноваты. Обе женщины сняли с себя еврейское платье и пошли домой. Но *Фратка*, жена циркульника *Орлика*, позвала

Терентьеву к себе, поила ее вином, одела ее опять в еврейское платье и снова повела в школу, где были те же жида и жидовки, что и раньше, и, кроме того, Козловская. Корытце с кровью стояло еще на столе, а подле него две пустые бутылки, в которых накануне приносили воду для обмывания мальчика; тут же лежал сверток холста. Пришла Ханна с Максимовой; она принесла еще бутылку, чарку и воронку. Терентьева размешала кровь лопаткой, а Иосель разлил ее чаркой чрез воронку в бутылки и небольшой плотно сбитый обручами боченок, который был подан Орликом. В остатке крови намочили аршина два холста, велели Терентьевой расправить его и проветрить, а Иосель искрошил на маленькие лоскутья. Орлик обмакивал гвоздь в остатки крови, капал на каждый лоскут и делал по нем разводы. Каждому из присутствовавших, в том числе и трем участвовавшим русским женщинам, дали по лоскутку. Все разошлись по разным местам: Максимова понесла за Цетлиным одну бутылку, Козловская за Берлиным – две, Терентьева за Орликом – боченок. Максимова отдала свой лоскут впоследствии Ханне, Козловская потеряла его, а Терентьева сказала, что он, должно быть, у нея в китайчатом кармане, который передан ею на сохранение вместе с другими вещами солдатке Ивановой, когда она была взята под стражу. Следователи немедленно отправились к Ивановой и нашли в указанном Терентьевою кармане трехугольный лоскут холста, красноватый и признанный всеми тремя раскаявшимися женщинами за тот самый, о котором они говорили. Фратка (жена Орлика, цирульника) объяснила Терентьевой, что кровавым лоскутом протирают глаза новорожденным, а кровь кладут в мацу. На другой год после того Терентьева и сама пекла с Фраткою и другими жидовками мацу с этою кровью. Максимова подробно рассказала, как она делала то же самое у Ханны, размачивая засохшую в бутылках кровь и смешивая ее с шафранным настоем. Ханна клала также немного этой крови и в мед, который пили евреи. Козловская заявила, что то же делали и у Берлиных: вытряхнув из бутылки сухую кровь, они растирали ее и потом всыпали в шафранный настой, который выливали в тесто.

Всё согласно рассказанное Терентьевою, Максимовою и Козловскою, оказалось совершенно согласным с обстоятельствами дела и было подтверждено многими свидетелями, а в особенности – Жельновою, Косачевскою и Ковалевою. Мнимая прозорливица Еремеева, как нищенка, просто незаметно вошла в сени Берлиных, чтобы попросить милостыни и слышала разговор евреев с Терентьевою о предположенном умерщвлении несчастного ребенка: испугавшись такового разговора, она незаметно и ушла от Берлиных. Всех обвиняемых евреев по оговору Терентьевой, Максимовой и Козловской было до 50-ти человек. Естественно, что все они упорно не сознавались в своей виновности, а в оправдание свое многие из них, как это обыкновенно практикуется евреями, говорили следователям: «На что евреям кровь? Им крови не нужно. Мучить мальчика не нужно. Это грех». Этому даже верить запрещено повелениями разных королей, а также Государя Императора Александра I-го от 6-го марта 1817 года. Если донощицы всё это сами на себя принимают, так нечего и розыскивать виновных, стало быть, они и делали это, – они и виноваты, и т.д. в том же роде. Давая лживые ответы на вопросы следователю, евреи часто впадали в самопротиворечие, были обличаемы в явной лжи, отказывались от того, что было сказано ими раньше, по часу стояли молча, представлялись сумасшедшими, больными, выходили из себя, падали на землю и неистово кричали всякий вздор, оскорбляли следователей, клеветали на начальствующих лиц и т.п.; но бывали случаи, что, при всем своем запирательстве, евреи иногда и проговаривались. Так, например, жена цирульника Орлика *Фратка*, явившись в следственную комиссию, сначала объявила, что вовсе не станет отвечать ни на какие вопросы, и долго молчала, но потом начала браниться, бегать взад и вперед по комнате, и кричала в исступлении: «чего вы от меня хотите? Зачем не зовете других? Не один мой муж был, когда кололи мальчика. Все говорят, что Ханка Цетлина виновата: ее опрашивайте, а не меня»... После же сказала, что сама не была при убийстве, но Румин *Нахимовский* говорил ей, что мальчик был умерщвлен при нем в школе Берлиными, что при этом были еще Мирка, Славка, Шмерка, Гирш, Шифра, Янкель, Бася, Език, Ханна и друг. Затем она сама себя била поленом, приговаривая: «Так бы всех, кто колол мальчика... Я бы рассказала, кто и как колол, да боюсь: затаскают меня, и своих, евреев, боюсь... Если евреи это узнают, то я пропала»... Когда в комиссии речь зашла о ноже, которым было совершено убийство, она сказала: «тут нужен не нож, а гвозди... Может быть, прежде наши это и делали, но только не теперь; а что Терентьева колола мальчика, так это правда... Бейте меня, секите меня кнутом; я этого хочу и всё на себя беру, а уж вам правды не скажу»... При всем том, именно по указанию Фратки, следственною комиссиею был отыскан особый нож, в серебряной оправе и сафьянных ножнах, которым, по ее словам, было сделано над

мальчиком обрезание. Ввиду сильных улик, и Зелик Брусованский наивно сказал: «если кто из семьи моей, или хоть другой еврей признаются, тогда и я скажу, что правда». Большую улику против евреев представила перехваченная полицией переписка между обвиняемыми, находившимися под стражею, и их родственниками и приятелями. Большой интерес представляют для нас показания по этому делу двух свидетелей – Федорова и Груджинского. Федоров, крещенный еврей, показал, что «по общественному и в тайне сохраняемому между евреями учению им действительно нужна кровь христианская к празднику Пейсах для опресноков, – что сказал ему об этом отец его, Федорова, что он сам, как уверен, употреблял опресноки с этою кровию». То же подтвердил и *Груджинский*, также крещенный еврей, причем он прибавил, что у евреев есть содержащая в большой тайне книга «*Рамбам*», в которой во всей полноте описан обряд употребления христианской крови и ее добывания из младенцев, что он сам видел и читал эту книгу и что в ней нарисованы даже все снаряды, необходимые для совершения этого бесчеловечного обряда: полукруглое долото для желобковой раны в боку младенца и бочка, в которой катают его для привлечения крови. Велижское дело совершенно однако же неожиданно кончилось тем, что евреев от суда и следствия освободили, а *Терентьеву*, *Максимову* и *Козловскую* сослали в Сибирь на поселение; Еремееву предали церковному покаянию. Как посмотрели на это дело Сенат, Государственный Совет и Государь Император Николай Павлович, – об этом мы уже говорили¹⁰⁹.

8-го Апреля 1827 года, в имении Дымшев Зданишкал *Телишевского* повета (уезда), Ковенской губернии, пред Пасхою, пропал без вести семилетний мальчик, сын крестьян *Викентия Степанкуса* и *Марианны Пиотровичей*, *Иосиф*. Мальчик вышел из деревни в поле и более не возвращался. В тот же день обеспокоенные родители узнали от пастуха, крестьянского сына, *Августина Жуковского*, 16-летнего парня, что мальчика схватили евреи (два человека) и унесли в лес *Швентвалис*. Родители дали знать местным властям; но розыски производились вяло. Только 26-го Апреля одна девочка, дочь местного крестьянина, *Антонина Зубова*, *Уриуля* случайно увидела в поле труп, который, по признанию *Марианны Пиотровичевой*, оказался трупом ее сына. Уездный врач (поветовый лекарь) *Тарасиуя* произвел его осмотр 29-го Апреля. Из акта осмотра видно, что всё тело несчастного мальчика было покрыто (вымазано) землею, смешанною с каким то клейким веществом и закрывавшею поэтому раны. Пришлось предварительно труп обмыть. После этого оказалось, что труп уже довольно сильно разложился и потому поверхность кожи была неодинакового цвета. На нем было найдено 8 ран разной величины, сделанных круглым железным орудием, как бы умышленно, по определенным местам; ширина ран определена врачом в гороховое зерно, а глубина некоторых более вершка: крови в них не найдено ни капли; мышцы вокруг двух ран на лице были воспалительного состояния. Врач дал заключение, что от этих восьми мучительных ран и последовала смерть мальчика *Пиотровича*. Началось следствие. Заподозрены были евреи, в числе 9-ти человек. Пастух *Жуковский*, с твердою уверенностью, из этих 9-ти человек указал на *Гириу Лейбовича Каца* и на *Лейбу Менделя*, как на похитителей *Пиотровича*. Они, конечно, не сознались, хотя были тогда же уличены в ложном показании относительно того, где они были в день похищения мальчика. Явились и новые улики. Мальчика, как можно думать по добытым следствием данным, евреи замучили в корчме *Ленких*. После этого следственная комиссия вдруг поворотила в сторону от евреев. Что же оказалось? Как было доказано документально (письмами), евреи подкупили следователей. Следственная комиссия была заменена новою; главному взяточнику *Мажухно* дали 45 ударов плетью. Новый следователь *Новицкий* взялся за дело энергично. *Плунгинские* евреи предлагали ему и «соследователям» несколько тысяч рублей, «но он таковых не принял» и еще усилил свою энергию. Тогда евреи решились воздействовать на него угрозами. Но это не помогло. Два еврея – *Копель Гириович Гец* и *Калман Гринберг* или *Блумберг* – даже начали было сознаваться. Между прочим, *Копель Гец* заявил, что евреи, действительно, нуждаются в христианской крови для религиозных обрядов, но он не хотел этого доказывать из опасения преследования со стороны евреев¹¹⁰; на очной же ставке с *Иоселем Кацом* он вызывался

¹⁰⁹ Срв. справку к докладу по еврейскому вопросу, составленную канцеляриею Совета объединенных дворянских обществ, ч. V Ритуальные убийства. стр. 35–175; Велижское дело: И.О. Кузьмин, Материалы: Велижское дело, стр. 293–300; Даль. стр. 58, 72–120; Лютостанский, II, стр. 20, 96–135.

¹¹⁰ Даль пишет (стр. 124): «В С.-Петербурге служит и теперь еще крещеный, ученый еврей, который с полным убеждением подтверждает существование этого обряда – не в виде общем, как он выражается, а в виде исключения, – но он в то же время отказывается засвидетельствовать это где-нибудь гласным образом потому что, конечно, не в состоянии доказать справедливости слов своих и даже боится мщения

представить и действительно представил еврейскую книгу «*Мейнурхс Гансоуэр*», в которой содержатся правила, позволяющие умертвить доносителя по делам вредным еврейскому обществу... В мае 1829 года *Гец* был уже найден убитым, по дороге из *Тельш* в *Плунияны*, под мостом, на четвертой версте от местечка *Плуниян*, недалеко от дома *Плуниянского* кагального члена *Киве Лейбовича Ольшванга*. *Гринберг* был на допросе у *Новицкого* 2-го Ноября совершенно здоровым, а 5-го Ноября уже скоропостижно умер в страшных корчах. После этого дело опять пошло вяло и кончилось тем, что, по постановлению 1-го департамента Виленского главного суда похитители и убийцы мальчика *Пиотровича* были оставлены в подозрении¹¹¹...

В том же году и также перед Пасхой был похищен евреями мальчик в Варшаве. К счастью родители мальчика скоро напали на след и нашли его еще живым в доме еврея, но уже запертым в сундук. Еврей, впрочем, по его словам, пошутил только¹¹²...

В 1833 году евреями была замучена христианская 12-ти летняя девочка в с. Пилтганах Борисовского еезда, Минской губернии¹¹³.

16-го февраля 1840 года было совершено ужасное злодеяние в г. Дамаске¹¹⁴. Один Доминиканский священник по имени Томас (Фома), был приглашен в дом «почтенного» и набожного еврея, которого он считал в числе своих друзей, привить оспу ребенку. Но вместо ребенка он нашел в доме 9 человек евреев, которые бросились на него, крепко связали его и оттащили в комнату, отдаленную от улицы. Там они продержали его до вечера. Ночью явился раввин и привел с собою цирульника. Фому повалили на пол, а под голову его поставили большую чашу. Сначала хотел перерезать священнику горло сам набожный хозяин дома, но руки его дрогнули. Дали нож цирульнику. Начал резать цирульник, но докончил брат домохозяина. Кровь была собрана в чашу до последней капли. Затем труп мученика евреи перетащили в другую комнату. Платье, снятое с него, сожгли; тело разрезали на части; кости и голову столкли в ступе, вместе с кусками мяса сложили в мешок и бросили в помойную яму. После умерщвления о. Фомы евреи решили покончить и с его слугою Ибрагимом, который мог беспокоить их розысками своего хозяина. Он вошел во двор еврея спросить: где о. Фома? Евреи ему ответили, что о. Фома в доме прививает оспу ребенку: «если хочешь его видеть, подожди здесь». После этого, заперев засовом ворота двора, евреи, в числе семи человек, бросились на Ибрагима и связали ему назад руки, а полотенцем заткнули рот. Принесли медный таз, на край которого положили голову несчастного. Два еврея резали его шею, а остальные крепко держали его руки и ноги, чтобы он не мог двигаться, пока не истекла из него вся кровь. Сцена эта происходила среди двора и длилась только четверть часа. Труп замученного, изрезанного также в куски, как и труп о. Фомы, вместе с костями был брошен в отхожее место. Убийство о. Фомы и его слуги взволновало даже турецкое правительство. Начались розыски. Злодеев выдал берет (шапка) или скуфья о. Фомы, которая незаметно осталась в доме еврея и почти случайно была найдена следователями. Отысканы были и жалкие останки трупов. После долгого заперательства, виновные, наконец, сознались в совершенном ими злодеянии и со всеми подробностями рассказали, кто, что и как делал. Мы умертвили о. Фому, говорили евреи, потому, что кровь его нам была необходима для отправления наших религиозных обрядов, так как ее употребляют для опресноков и раздают верующим. Мы собрали ее *Khalabiets* (белую бутылку) и послали к хахаму (т.е. раввину), так как обычай требует, чтобы кровь хранилась у хахама. Из Багдада приходили письма с просьбою на счет крови, и хахам уведомил нас, что он должен был отослать кровь в Багдад. Хахам сказал, и нам всем было известно, что нужно достать крови и для опресноков, и что надо позвать, под каким-нибудь предлогом, отца Фому, так как он живет по соседству, убить и добыть его кровь. Интересно показание дамасского раввина. «По нашему обычаю, – сказал он, – опресноки с кровью раздаются не всему народу, а лишь ревностным последователям закона. Накануне праздника опресноков хахам стоит у хлебной печи. Туда ревностные евреи присылают ему муку, из которой он приготовляет хлебы. Он сам месит их, так что никто не знает, что он в

богатых евреев, коих происки достигают далеко и которые сочли бы подобное обвинение общим поруганием израильского народа и личным для себя оскорблением».

¹¹¹ Ср. Дело Виленского Главного Суда, по 1-му Департаменту об умерщвлении евреями христианского мальчика, семилетнего Иосифа Пиотровича, от 6 марта 1831 года. У Лютостанского. т. II. стр. 23–24; 136–158; а Даля. стр. 62–63.

¹¹² У аббата Киарини. гл. II; у Даля. стр. 68; у Лютостанского стр. 24.

¹¹³ Даль, стр. 64–65; Лютостанский, II, 24–25.

¹¹⁴ Даль, стр. 70–71; Лютостанский, II, 25–26; 72–95. Наиболее подробно и обстоятельно у Лорана.

них примешивает кровь, и рассылает эти хлебы тем, от кого присылается мука»... На вопрос следователя: «каким образом употребление крови считается у вас позволительным?» раввин ответил: «это – тайна велаких хахамов; они знают это дело и способ употребления крови. Что же касается нас, то мы знаем только то, что употребление крови чрезвычайно разнообразно и имеет обширное применение. Кроме того, мы знаем еще, что кровь в опресноках не всегда смешивается с тестом, а иногда ограничиваются тем, что намазывают хлеб только сверху, как будто бы для того, чтобы позолотить его». Злодеи не были подвергнуты наказанию, но не по решению турецкого суда, а по причинам иного рода. Вот что писал султан Мегемет в своем фирмане: «Из представленного нам от лица всех европейцев, исповедующих закон Моисея, их представителями, г.г. Монтефиори и Кремье, прошения мы усматриваем, что они желают освобождения заключенных и обеспечения безопасности евреев, бежавших от суда по делу о. Фомы, монаха, пропавшего из Дамаска, и его слуги Ибрагима. А так как, в виду их многочисленности, неудобно будет отказать их просьбе, то и повелеваем: освободить еврейских узников, и дозволить бежавшим свободный въезд обратно». *Драх*, старейший из раввинов, вернее султана указал причину, почему убийцы о. Фомы остались ненаказанными. «Убийцы о. Фомы сознавшиеся в своем преступлении, – сказал он, – были освобождены от преследования законов при посредстве усилий евреев всех государств. Золото играло важнейшую роль в этом деле». То же утверждает и Лоран, основательно изучивши это дело.

1-го Июня 1860 года, в день Вознесения Христова, крестьянин деревни *Чалы, Горийского* уезда, *Датиха Джапарошвили* отправился с женою и двумя сыновьями в гости к своему другу *Датику Ломидзе*, в соседнее село *Гвердисубани*, предместье Сурама, где, по случаю храмового праздника, была обычная сельская ярмарка, на которой торговали и приехавшие из *Сурама* евреи. Когда *Джапарошвили* с женою и старшим сыном находились в доме *Ломидзе*, младший сын *Алексей*, имевший от роду только 2¹/₂ года, оставленный родителями на арбе (телеге), неизвестно куда девался. Только на 5-й день он случайно был найден крестьянином *Гогнадзе* в лесу, в трех верстах от *Гвердисубани*, еще живым, но тотчас скончавшимся. В 18-ти шагах от места, где лежало дитя, найдены его штаны, распоротые по шву, и куски ситца и хлопчатой бумаги из его архалука. В ту местность он сам зайти не мог «по причине трудностей, представляемых общими дорогами». Родители его высказали подозрение на евреев. Всем бросилось в глаза, что в этом году на ярмарке в Гвердисубани, сверх обыкновения, много было евреев из разных мест, но после пропажи мальчика, они в тот же день скрылись, тогда как в прежние годы они оставались там для торговли по три дня. Двадцать человек, под присягою, утверждали, что до 4-го Июня они несколько раз были на том месте, где отыскан потом труп ребенка, но его там не было. Родители и семнадцать человек (последние под присягою) показали, что, осматривая тело ребенка, они видели на нем внутри носа, на груди, коленях и ногах ранки, сделанные как бы булавкою. Уездный врач *Мориц* и сурамский участковый заседатель *Тюбукин* вели себя в этом деле странно, и народная молва, быть может, не без основания, утверждала, что оба они были подкуплены евреями. Начальству поведение их также казалось настолько подозрительным, что их скоро и в связи с этим делом лишили мест, по представлению Тифлисской судебной палаты. Получив заявление от *Джапарошвили* об исчезновении его сына, *Тюбукин* не принял никаких мер и ничего не сделал и только 8-го Июня т.е., 8 дней спустя после исчезновения мальчика и три дня спустя уже после нахождения его трупа, он ограничился лишь донесением уездному начальнику о происшествии, зная, как сам он пишет, всю важность этого дела, равно как и то, что подозрение пало на евреев; а к производству следствия он приступил только 14 Июня. Врач явился для осмотра трупа 13-го Июня, и, вопреки требованию закона, осмотр произвел без присутствия уездного прокурора и понятых. По причине кавказской жары, пролежавший две недели под открытым небом труп сильно разложился, а потому и неудивительно, что врач мог заметить на нем только «на бедрах его, выше колен, три царапины, происшедшие по-видимому, от оцарапывания твердым острым телом». По заключению врача, ребенок умер от голода. Но скоро свидетельские показания представили иную картину его смерти. Дочь сурамского еврея *Давида Джанашивили*, *Лия*, 6-ти лет от роду, рассказывала в школе, в которой она училась, своей воспитательнице, при свидетельницах, что *Карельский* еврей *Абрам* днем привез в дом ее отца малолетнего ребенка-мальчика, в красном архалуке, что отец ее был тогда в отлучке, а в доме оставалась одна мать, что *Абрам* ночевал с ребенком в морани, где навещали его сурамские евреи – *Микано* (он же и Михаил) *Кожияшвили*, *Ело Пичхадзе* и дядя ее *Рафаил Хахам*, что, наконец, по истечении трех дней, *Абрам* отвез куда-то ребенка, завязав ему

платком рот. Это показание девочка подтвердила и на следствии. Вторая дочь сурамского еврея *Абрама Магалашвили, Мариама*, 10 лет, говорила жене священника *Николая Бебеяшвили, Маги* что евреи держали мальчика *Алексея* в доме хахама *Давида Джанашвили* под корзиною и что отец ее говорил евреям, что за такое дело их разстреляют. *Мариама* подтвердила это при следствии, добавив, что когда мальчик *Алексей* был приведен *Абрамом* в дом *Давида Джанашвили*, в то время находились там евреи – *Исраил и Рафаил Джанашвили*, еврейки *Ело Пичхадзе* и *Михаил* (Микано) *Кожияшвили*, что после умерщвления *Алексея*, как говорил отец ее, из дома *Давида* что-то раздавали в дома сурамских евреев, и что, по словам отца ее, хахам *Давид* и брат его *Гавриил* были дома, когда принесли мальчика. Сурамский еврей *Сосия Гигулашвили*, 10 лет, рассказывал дворянину *Якову Батияшвили, Датике Ломидзе* и *Георгию Цвериани*, что какой-то родственник его пришел к *Давиду Джанашвили* с сумкою, и когда *Сосия* дотронулся до нее, то бывший в ней мальчик заплакал. Тот же *Сосия Гигулашвили* говорил крестьянину *Гиголе Какалашвили*, что мальчик *Алексей* находится у *Давида Джанашвили*. Были и другие свидетели. Так, сурамский нацвал (старшина) *Акапов*, дворянин *Чинчаладзе* и три крестьянина показали, что они слышали разговор обвиняемых евреев, доказывающий участие их в похищении и мучении мальчика, именно евреи (*Рафаил, Исраил, Гавриил, Ело* и *Михаил*) говорили, что несчастье их в том, что они пустили у мальчика кровь из носа в излишестве; дело это они считают общим для всех евреев. И действительно, как и всегда это было, дело горячо приняли к сердцу евреи всего мира: против него поднялся страшный гвалт и шум в Европе, Азии, Америке. Протестовали газеты, профессора, врачи, юристы, политические деятели, устраивавшие многочисленные митинги. На русское правительство лгали, клеветали; осуждали его за его веру в «средневековые предрассудки», за его ненависть к «бедным» евреям, которых в России будто бы угнетают, мучат на пытках и т.п. Евреи втянули в это дело и своего могущественного покровителя-единоверца, защитника убийц о. *Фомы*, английского министра *Монтефиори*, который писал к кавказскому наместнику князю *Воронцову*, что он «глубоко убежден в невинности его несчастных единоверцев», его «злополучных и угнетаемых братьев в Сураме», а между тем, по сведениям, полученным им от раввинов и представителей еврейской общины в Константинополе, русские судебные власти относятся к ним крайне враждебно и несправедливо: врачей обвиняют в том, что они подкуплены евреями, тогда как сами успели подкупить маленькую еврейскую девочку (это 6-летнюю *Лию-то!*), чтобы она оклеветала своего отца и его единоверцев, «восемь самых ученых евреев Суража брошены каждый в отдельную темницу и подвергнуты пыткам, чтобы вынудить у них сознание», «жители вламываются в дома евреев и подвергают их разным истязаниям, так что они не могут более заниматься своими делами, и даже подать в Тифлис жалобу» и т.д. *Воронцов* отвечал *Монтефиори* с полным достоинством, приличествующим высокому сановнику, но уверял его в том, что сведения, сообщенные ему константинопольскими раввинами о деле и об отношении властей к обвиняемым ложны: «Никакая пытка не была и не могла быть употреблена относительно обвиняемых. Долг истины обязывает меня торжественно протестовать против этого обвинения. Пытка не только совершенно противна нашим теперешним законам, но была уничтожена еще при Императрице Екатерине, еще прежде, чем она была отменена во Франции Людовиком XVI», и «никакая власть в России не может думать о пытке при следствии. Наши законы о судопроизводстве полны снисхождения к обвиняемым» и т.д. Между тем в Сенат князь *Воронцов* писал:

«По внимательному рассмотрению всех обстоятельств этого дела, равно как и по всем непреложным сведениям, для меня по оному дошедших, я совершенно убежден в виновности сурамских евреев в похищении мальчика *Алексия Джанапаровшвили* и умерщвлении его для исполнения религиозных обрядов христианскою кровию. Убеждение это во мне еще усилилось по двукратному моему пребыванию на водах в окрестности Сурама, где я имел случай удостовериться в несомненности учиненного евреями этого преступление».

Такую же уверенность высказали Сенату Тифлисский военный генерал-губернатор и министр внутренних дел. Дело тянулось три года. Чем же оно кончилось? 18-го Мая 1858 года Сенат постановил: «Подсудимых евреев (7 человек) по похищению ими ребенка *Алексея Джанапаровшвили*, для исполнения религиозных обрядов, оставить, согласно (!!) с заключением г. министра внутренних дел, в сильном подозрении, предоставив князю наместнику (право, которое он имел и без Сената) разослать их поодиночке в отдаленнейшие места, по собственному его

усмотрению, с учреждением над ними, в местах их жительств, строжайшего полицейского надзора»¹¹⁵.

Еще не окончилось Суражское дело, как началось *Саратовское*¹¹⁶. В Декабре 1852 года сын саратовского цехового, 10-летний мальчик *Феофан Шерстобитов* отправился утром в школу и с тех пор домой не возвращался. Не прошло после этого и месяца, как в Саратове пропал другой мальчик, сын крестьянина, 11-летний *Михаил Маслов*. Розыски остались тщетными. Впрочем, 28 Января 1853 г., товарищ и сверстник Маслова, сын мещанина, *Степан Канин* сказал сначала своим родным, а потом и саратовскому полицеймейсеру *Вестману*, что в день исчезновения *Миши Маслова*, после обеда, когда они играли на улице, к ним подошел какой-то неизвестный человек и приглашал их с собою таскать аспидные доски на берегу реки Волги, за что обещал им платить деньги. Оба мальчика пошли было за ним, но дорогою *Канин* раздумал и вернулся домой, а *Миша Маслов* пошел и уже больше *Канин* его не видел. По этому общему указанию, сделанному *Каниным*, конечно, еще трудно было найти похитителя. Прошло около полутора месяца, 4-го Марта совершенно случайно на реке Волге, недалеко от берега, под кормою лодки, найдено было тело *Миши Маслова*. Оно было прикрыто рогожею. На шее трупа видно было вдавление и рубцы от наложенного на всю шею шерстяного кушака; на голове две раны, происшедшие, по-видимому, одна от удара тупым, а другая – острым орудием; на правом плече была вырезана кругообразная часть кожи величиною в серебряный пятак; на руках и ногах – синие пятна; кроме того были обнаружены несомненные следы еврейского обрезания. По заключению врача, смерть ребенка последовала от удара тупым орудием по голове, от чего лопнули теменные и височные кости поперечно от одного уха до другого. К этому врач присовокупил, что мальчик был удушен кушаком еще при признаках жизни, после удара по голове, и что обрезание крайней плоти и вырезание кожи на плече произведены незадолго до убиения, а синие пятна на руках и ногах произошли или от перевязок или от сильного держания мальчика руками во время обрезания его и вырезки кожи на плече. Явные следы еврейского обрезания на трупе естественно заставили следователя *Волохова* обратить внимание на проживавших тогда в Саратове евреев. В гарнизонном саратовском батальоне состояло 44 еврея. Их показали *Степану Канину*, который, увидав рядового, цирюльника *Михеля Шлиффермана*, сказал как-бы не совсем уверенно: «он ровно тот, кто сманил». Это показание имело однако, же большое значение потому, что, по заявлению самого *Шлиффермана*, в Саратове он только один делал обрезание у евреев. На очной ставке *Канин* сказал *Шлифферману*: «Ты лицом такой же, как и тот, кто сманивал меня; но тот не картавил, как ты, а как-бы хрипел: верно простудил себе горло, и если бы этого не было, то он говорил бы по-русски чище». Потом *Канину* были представлены солдаты-евреи и выкресты, вместе с *Шлифферманом*, переодетые в дубленые желтого цвета тулупы с поднятыми воротниками и в картузах, как одет был, по словам *Канина*, похититель. *Канин* подошел к *Шлифферману* и, долго всматриваясь в него, сказал: «не узнаю». При этом *Канин* объяснил, что хотя *Шлифферман* и похож на похитителя, но не узнает его только потому, что тот уже сидит в части (тогда *Шлифферман*, действительно, был уже заарестован). К этому *Канин* прибавил еще: «У этого, кажется усы длиннее». Затем когда из предъявленных евреев и выкрестов были скинуты тулупы и картузы, *Канин* опять указал на *Шлиффермана* и сказал: «Он, словно, тот, кто сманивал». *Шлифферман*, конечно, упорно не сознавался. Евреи же, чтобы сбить следствие с прямого пути и отвлечь внимание следователя от действительных виновников, старались запутать дело ссылкой на магометан, которые также совершают обрезание над детьми... И следователь взялся за татар, теряя попусту время и давая возможность евреям прятать концы...

Когда вскрылась Волга, на *Беклемишевом* острове, против Саратова, в тальнике, был обнаружен и труп мальчика *Феофана Шерстобитова*. На трупе были солдатские холщевые подтяжки, сцепленные петля в петлю, два раза обвернутые вокруг шеи и связанные узлом, и шаровары, а близ трупа лежала не принадлежавшая мальчику рубашка взрослого человека и солдатская фуражка. Труп уже сильно разложился: но и на нем найдены были несомненные следы еврейского обрезания, а над мускулом правого виска и в самом мускуле значительный

¹¹⁵ Дело Тифлисской Палаты Уголовного и Гражданского суда об умерщвлении евреями двухлетнего христианского мальчишки Алексея Джапаровили, 1850–1852. Лютоостанский, т. II, стр. 27; 274–311.

¹¹⁶ Срв. Справку к докладу по еврейскому вопросу, составленную канцеляриею Совета объединенных дворянских обществ, ч. V, Ритуальные убийства: Саратовское дело, стр. 208–243; И.О. Кузьмин, Материалы, стр. 301–308; Лютоостанский, II, стр. 188–273.

подтек темной крови, в виде краснобагрового пятна в 2^{1/2} дюйма от нанесенного удара; ногти на пальцах ног и рук были обрезаны вплоть до мякоти. Больше ничего нельзя было на трупе рассмотреть: так он разложился. Врачебная управа дала заключение, что мальчик *Шерстобитов* сначала был ударен по правому виску каким-либо тупым орудием, от чего он мгновенно впал в бесчувствие и уже после был удушен подтяжками. Солдатские подтяжки и фуражка с следами еврейского обрезания еще более усилили подозрение на евреев – солдат. У последних был произведен обыск. Между прочим у рядового *Ицки Берлинского* был найден лоскут синей клетчатой сарпинки, в аршин длины и пол аршина ширины. Отец *Шерстобитова* заявил, что пропавший сын его был в рубашке, сшитой именно из такой материи; это заявление было подтверждено под присягою соседями *Шерстобитова* – мужем и женою *Быковыми* и братом *Шерстобитова Зиновием*. Но улика эта не могла иметь решающего значения, так как *Берлинский* объяснил, что лоскут этот остался от изношенной рубашки, сшитой ему пять лет тому назад женою рядового *Фрейдю Фогельфельд*. *Фрейда* подтвердила это заявление, присовокупив, что у нее остался лоскут той же сарпинки, вшитый ею в большое одеяло. В одеяле, действительно, оказалось два лоскутка из одинаковой сарпинки, как и на рубашке *Шерстобитова*, только совершенно новые... Других улик не было. Оставалось сдать дело в архив или считать его в числе нерешенных навсегда. Но Император Николай Павлович пожелал, чтобы виновные были найдены. В Саратов был прислан из Петербурга в качестве следователя молодой чиновник *Дурново*. И правда вскоре открылась необъяснимо для человеческих соображений.

В мае месяце, по не дознанным побуждениям, к следователю явился рядовой, из поляков, *Антон Богданов*, пожелавший «открыть еврейское дело», и не только называет всех виновников, но раскрывает и все подробности совершенных злодеяний. Твердо установившееся показание его состояло в следующем. Летом 1852 года, вскоре после своего поступления в саратовский гарнизонный батальон, он познакомился с выкестом из евреев *Федором Юрловым*, ходившим тогда по городу с шарманкой. Еще на родине, в Витебской губернии, находясь в частных сношениях с евреями и понимая их язык, он сошелся и подружился и в Саратове с товарищами-евреями по батальону, в особенности с рядовым портным *Ицкою Берлинским*, который приходил к нему в роту и к которому он ходил в швальню. Между прочим, *Богданов* вошел к евреям в доверие еще и потому, что таскал к ним в моленную краденные дрова, за что получал деньги от жившего при моленной сторожа, рядового *Бермана*. С наступлением зимы *Юрлов* познакомил его с отцом своим могилевским мещанином *Янкелем Юшкевичером*, к которому ходили многие батальонные солдаты-евреи. Угощая *Богданова*, *Янкель* говорил ему: «приходи к нам при всякой нужде». После Николина дня *Юрлов* и *Берлинский*, придя однажды к нему, когда он стоял в карауле при рабочем доме, приглашали его вечером в моленную, сказав: «ты нам будешь нужен». Придя вечером туда и нашедши ворота запертыми, *Богданов* перелез через забор. На дворе увидел он людей, бегавших взад и вперед. Вскоре несколько человек, в том числе *Берлинский*, *Шлифферман*, *Зайдман* и *Юрлов*, вышли с фонарем к моленной и положили что-то в сани, стоявшие недалеко от ворот. Сани, из которых *Богданов* услышал жалобный человеческий визг, выехали из ворот в сопровождении двух или трех евреев. Когда после этого он подошел к оставшимся на дворе евреям, то *Берлинский* уговаривал его идти за санями на квартиру к *Янкелю Юшкевичеру*. Дней за десять до праздника Рождества Христова, когда *Богданов* был опять в карауле при рабочем доме, *Юрлов*, придя к нему пред сумерками, позвал его в кабак, а потом просил придти к нему на квартиру. Часу в 11-м ночи, отправясь с *Юрловым* из караула, он пришел с ним к *Янкелю Юшкевичеру*, у которого были уже евреи – рядовые: *Фогельфельд*, *Зайдман* и двое ему неизвестных, один – в халате, с бритой бородою и в высокой грузинской шапке, а другой – с рыжею бородою и в чапане. В передней *Юрлов* подчивал его водкой, в то время, как евреи, бывшие в комнате, то выходили по-одиночке на двор, то возвращались назад. Когда уже от выпитой водки стало клонить его к сну, *Юрлов* повел его в подвал под домом С.-Петербургской гостиницы, во дворе которой квартировал *Янкель*. В подвале находились уже *Янкель*, *Берлинский* и *Зайдман*, на полу стояли горевшие две стеариновые свечи. От входа налево, ближе к стене, лежал на полу мальчик в ситцевой рубашке. *Юрлов* принес откуда-то деревянную скамейку и поставил ее вдоль стены, налево от входа, близ свечей. На скамейку положили мальчика, который стал вертеться и мычать. *Янкель*, вынув из какого-то красного футляра инструмент, сел на мальчика верхом и совершил над ним обрезание. После того мальчика повернули навзничь и сделали ему раны на спине или шее (этого *Богданов* с испуга не разглядел). Из ран текла кровь, которую евреи собирали в медный таз, принесенный заблаго-

временно. Когда *Янкель* делал обрезание мальчику, то порезал себе какой-то палец на левой руке и, не найдя чем бы его завернуть, оторвал лоскут от полы рубашки *Юрлова*. Когда начали резать мальчика, *Богданов* хотел было уйти из подвала и, упав на колени пред *Юрловым*, просил выпустить его, но *Юрлов* назвал его трусом и угрозами принудил остаться. Что еще происходило при нем в подвале, он совершенно не помнит; но впоследствии он узнал, что мальчику нанесен был удар по левому виску, но чем именно и кем, – не знает. Очнувшись после испуга, он посмотрел на мальчика и увидел, что он уже умер и не шевелился. После этого из подвала все пошло в квартиру *Янкеля*, где его опять поили водкой. В это время евреи просили его нести тогда же труп мальчика куда-нибудь подальше; но будучи очень пьяным и не помня себя от испуга, он тогда сделать этого не согласился, пообещав придти для этого в другой раз, – и, действительно, чрез несколько дней, отлучаясь, как и прежде, самовольно из караула, он пришел к *Янкелю*, у которого нашел *Юрлова*, *Берлинского* и *Зайдмана*. Тотчас все они пошли в подвал, связали труп по ногам и за шею подтяжками; в таком виде евреи положили труп мальчика *Богданову* на плечи и велели нести. Поднимаясь из подвала по лестнице, *Богданов* споткнулся и полетел на землю вместе с трупом. Тогда труп взяли сами евреи и отнесли на стоявшие на дворе сани. В сани село четверо – *Юрлов*, *Берлинский*, *Зайдман* и *Богданов*, а лошадью правил мещанин *Дьячков*. Проехав Казанский мост, они остановились у берега Волги. *Богданов* слез с саней, и *Юрлов* положил ему на плечи труп. Спускаясь с крутого берега, *Богданов* опять полетел вниз с трупом и начал кричать. Поспешивший на крик *Юрлов* стал помогать *Богданову* разрывать ногами снег, чтобы прикрыть труп. Но так как, по причине сильного мороза, для них оказалось непосильным это сделать, а проруби вблизи не было, то по льду они отправились на остров и там положили труп. Здесь *Богданов* потерял свою фуражку и возвратился к *Янкелю* с открытой головою. *Янкель* заплатил ему за его труд 8 р.с.

Показание *Богданова*, вполне согласное с обстоятельствами дела, подтверждено было многими свидетелями даже в частностях.

Относительно истязания другого мальчика – *Маслова* – дал показание отставной губернский секретарь Иван Иванов *Крюгер*. Оставшись без должности, он терпел крайнюю нужду. Этим воспользовались саратовские евреи. Чрез *Зайдмана* они предложили ему «принять еврейскую веру», причем обещались платить ему на его содержание ежемесячно по 25 руб. *Крюгер* согласился и с тех пор стал посещать еврейскую молельню. Так как он знал древнееврейский язык, то евреи готовили его даже в равнины. 7-го Мая 1863 года он подал надворному советнику *Дурново* заявление о том, что 19-го Февраля того же года циркульник, рядовой, *Мигель Шлифферман* привел в еврейскую моленную мальчика, лет 13-ти или 14-ти, над которым сделал обрезание в присутствии *Зайдмана*, сторожа моленной *Бермана*, *Фогельфельда* и *Янкеля Юшкевичера* и что после того мальчик, оставленный на несколько дней под надзором сторожа, был убит и отвезен *Берманом* и *Шлифферманом* на Волгу. *Янкель*, убеждая *Крюгера* в том, что еврейская вера есть единственно истинная, после обрезания мальчика и собрания крови из раны, сделанной у мальчика ниже правого плеча, говорил, что «мальчик через кровоистечение представил собою жертву искупления. Выпущенная кровь этого мальчика, как кровь жертвы, принесенной Богу, святая и употребляется в праздники. Женщины могут пользоваться ею во время родов, слабые зрением – мажут ею глаза, и она помогает не только в этих случаях, но и от всех других болезней». На следствии *Крюгер* рассказал со всеми подробностями, как евреи истязали несчастного мальчика, – и его показание было подтверждено другими свидетелями, а также осмотрами трупа и квартиры *Янкеля*.

Интересно показание крестьянина Пензенской губернии *Авксентия Локоткова*. Еще при самом начале следствия он явился в полицию и заявил, что мальчика *Маслова* убил он; но на формальном следствии отрекся от этого показания, заявив, что он говорил на себя «спьяну». Следователь однако же задержал его и чрез некоторое время привлек снова к допросу. Тогда *Локотков* показал, следующее. С *Юрловым*, *Шлифферманом* и *Юшкевичером* он познакомился еще в 1851 году, когда был сидельцем в кабаке на Театральной площади. Высланный за просрочку паспорта на родину, он в 1863 году снова прибыл в Саратов за неделю или дня за три до масляницы и жил в квартире в доме *Филатова*. Во вторник, на первой неделе великаго поста, часов в 9 утра, он пошел на Волгу погулять, и для естественной надобности влез чрез окошко в старый пустой каменный лабаз, находящийся на Московском взвозе. В лабазе он увидел мертвого мальчика, лежавшего на спине, по левую сторону от входа; подойдя к нему, он заметил, что мальчик был одет в красную изорванную рубашку и в сапоги с бураками; на шее у него был

затянуть пестрый шерстяной кушак и на трупе были штаны. (Представленные на суде кушак и рубаху он признал за виденные на трупе). Открытое лицо мальчика было окровавлено и руки обнажены выше кисти. В тот же день *Локотков* был в кабаке на Московском взвозе. Выходя из кабака, он увидел цирюльника *Михеля*, вылезавшего из окна того же лабаза, одетым в партикулярное платье, но не показал вида, что заметил его. Между тем *Михель*, догнав его, пригласил с собою в гостинницу *Столбова*, куда вскоре пришел и *Юрлов*. Когда здесь все они сидели и пили водку, пришел старик *Янкель*; отворив дверь, он взглянул на них и ушел, не сказав ни с кем ни слова. Угостив *Локоткова*, уже вечером *Шлифферман* и *Юрлов* уговорили его за 15 руб. вытащить из лабаза тело мальчика на Волгу. Шлифферман остался в гостиннице, а *Юрлов* и *Локотков* пошли в лабаз. Указав *Локоткову* место, где лежал мальчик, *Юрлов* вылез из лабаза, сказав *Локоткову*, чтобы он передал ему труп. Тогда он взял труп поперек и подал его *Юрлову* в отверстие головою вперед. *Юрлов* принял труп от него. Тогда вылез из лабаза и он. *Юрлов* взял труп за голову, а он – за ноги, и вдвоем понесли его прямо на Волгу, против *Шапошников* взвоза, и там положили его под досчаник. На другой день, встретясь с *Шлифферманом* и *Юрловым* в гостиннице, *Локотков* просил *Юрлова* дать ему обещанные деньги, но *Юрлов* сказал ему: «погоди, еще подойдет случай, тогда заодно и отдам». Затем, угощая *Локоткова* в среду (4-го Марта), когда уже найдено было на Волге тело мальчика *Маслова*, *Шлифферман* и *Юрлов* уговаривали его принять на себя убийство этого мальчика, за что обещали ему 100 р.с., причем сказали, что убийство мальчика – их дело и что хотя не может быть доказано, но в городе уже носится слух, что подозрение падает на евреев. Не имея ни квартиры, ни денег, ни одежды, *Локотков* согласился на их предложение, явился в 1-ю полицейскую часть и объявил квартальному *Долгову*, что мальчика *Маслова* убил он.

Во время производства следствия была отобрана у евреев интересная книга «*Чин устного предания о Пасхе*». Между прочим, в этой книге находится гравюра, изображающая обнаженного человека, но с венцом на голове; он стоит в купели и указывает протянутой рукой на кровь, текущую из закалываемого пред ним младенца. Ссылаясь на то, что на голове этого человека – корона, евреи объясняли следователям, что на гравюре нарисован фараон, купающийся для излечения своей болезни в крови израильских детей. Но не нужно забывать, что у евреев «князьями» и «царями» называются все еврейские богачи и авторитетные хахамы. По Библии (Быт. 23, 6) уже Авраам именуется «князем Божиим»; в притчах Спасителя богачи называются «царями». – Ради краткости, не приводим множества свидетельских показаний, освещающих детальные части совершенного в Саратове злодеяния.

Когда следственное дело было закончено, его отправили в сенат, и сенат постановил: *Богданова* и *Локоткова*, по лишении всех прав состояния, сослать в каторжные работы в крепостях, первого на 10 лет, а второго – на 5 лет; губернского секретаря *Ивана Крюгера* разжаловать в рядовые до выслуги, евреев же – *Янкеля Юшкевича*, *Михеля Шлиффермана*, *Ицку Берлинского*, *Эздру Зайдмана* и *Феодора Юрлова* – оставить в подозрении, причем *Зайдмана* – даже не за участие в убийстве несчастных мальчиков, а «по взиманию лихвенных процентов при отдаче под залог денег»... К счастью, по силе Высочайше утвержденного положения комитета министров, дело это, по рассмотрении в Правительствующем Сенате, было внесено в Государственный Совет, который посмотрел иначе на него и вынес такое постановление: 1) *Янкеля Юшкевича*, *Михеля Шлиффермана* и *Федора Юрлова*, лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы в рудниках: первого и второго – на 20 лет, а третьего – на 18 лет; 2) *Богданова*, *Локоткова* и *Крюгера* повергнуть Монаршему милосердию, не благоугодно ли будет Его Императорскому Величеству, во внимание к чистосердечному сих подсудимых сознанию, чрез что обнаружены главные преступники в настоящем деле, Высочайше повелеть: *Богданова* отослать для исправления в поведении в арестантския роты инженерного ведомства на два года. *Локоткова* заключить на то же время в рабочем доме, а *Крюгера*, не лишая прав и преимуществ, службою приобретенных, отослать на жительство в одну из отдаленных губерний, по усмотрению министра внутренних дел, подчинив его там строгому полицейскому надзору; 3) *Ицку Берлинского*, *Эздру Зайдмана* и *Янкеля Бермана* оставить в подозрении и отослать для водворения в места Сибири не столь отдаленные. Мнение Государственного Совета было утверждено Государем Императором.

25-го Января 1861 года без вести пропала девочка 4-х лет от роду, дочь крестьянина *Антон* *Гелажиса*, в деревне *Дерванишках*, *Шавельского* уезда, *Ковенской* губернии. Так как в тот день через деревню *Дерванишки* проезжали евреи *Зундель Липс* и *Сруль Блох*, то естественно,

что подозрение прежде всего пало на них. Впрочем, полицейское дознание и произведенные два обыска ничего не выяснили. Ни похитители, ни похищенная девочка не были найдены. Только спустя месяц, именно 3-го Марта, когда начал таять снег, случайно был обнаружен в снегу труп девочки. Повреждения оказались на голове и шее ребенка. Врач, осматривавший труп, дал заключение, что смерть девочки последовала от причиненных ей при жизни истязаний. Местный еврей *Липман Ицикзон* сделал самое категорическое заявление, что девочка была похищена, замучена и умерщвлена евреями *Липсом* и *Блохом*, причем он показал, что в Шавлянской корчме *Блох* при свидетелях продал кровь ее *датновскому* сборщику-еврею *Хану*, что местный раввин даже в молельной говорил открыто, при всех присутствовавших, что труп ребенка был спрятан в его доме; наконец, он уверял, что и он сам неоднократно видел у евреев этот труп. Ковенским губернатором была назначена по этому делу следственная комиссия, состоявшая из трех лиц: судебного следователя *Яхимовича*, чиновника губернского правления *Войцеховского* и жандармского капитана *Крайского*. Евреи остались недовольны действиями этой комиссии и подали жалобу губернатору. Тогда был командирован еще адъютант капитан *Толстой*, но евреи не были удовлетворены и этим назначением, и потребовали, чтобы в состав следственной комиссии, в качестве депутата с их стороны, вошел «ученый» раввин – *Леванд*. В ход были пущены евреями всевозможные ухищрения и интрига, чтобы затормозить дело и скрыть следы преступления. Евреи добились даже того, что был отвергнут акт медицинского осмотра на том только основании, что он был составлен не коронным, а частным врачом. Они радовались этой победе уже потому, что ко времени производства следствия труп девочки совершенно разложился и никакого медицинского осмотра сделать было нельзя. Впрочем, еврей *Ицикзон* не только подтвердил свое первоначальное показание, но и дополнил его многими частностями. Он сообщил, что *Блох* и *Липс*, похитив девочку, тогда же заехали к его отцу. Девочка лежала в санях, покрытая сеном; глаза ее были открыты, но она почему-то не кричала. На его вопрос: «куда вы везете это дитя?» евреи отвечали: «к родным». Вскоре после этого *Ицикзон* был в *Шидове* у раввина. Раввин послал его на чердак принести дров. С ним отправился и бывший у раввина еврей *Гецель Тодресович Левинзон*, который показал ему там ребенка. Когда *Ицикзон* спросил: «откуда это дитя», *Левинзон* ответил ему: «это то дитя, которое евреи украли в *Дерванишках*». Любопытный *Ицикзон* завел речь о ребенке и с самым раввином. Расспросы его смутили раввина, и раввин, не отпуская его домой, продержал у себя «под арестом» целых три дня: среду, четверг и пятницу. В субботу *Ицикзон* пошел в синагогу. Раввин был очень разстроен, не позволил даже вынимать из кивота десяти заповедей и кричал на бывших в синагоге евреев: «отчего вы не убираете дитяти?» Евреи отвечали: «нужно постараться найти для него место». В другую субботу отец послал *Ицикзона* к *Сролю Блоху* за водкой. *Блох* повел его в амбар; там в углу лежало дитя. «Я бы его не заметил, – говорил *Ицикзон* следователям, – потому что было уже темно; но, наступив ему на палец, я увидел его лежащим на полу и покрытым соломою». Когда он спросил *Блоха*: «дитя у тебя лежит?» *Блох* отвечал: «Сш.. сш... это не твое дело». Возвратившись домой, *Ицикзон* рассказал отцу о виденном и слышанном. Отец скааал ему на это: «молчи; пусть говорят другие». Вскоре к *Ицикзону* пришел *Файвель Лигунский* и сказал ему: «Раввин тебя уже больше не боится: дитяти уже нет у него, – *Шлейме Хохум Лигунский* выбросил дитя, получив за то 30 копеек». По совету какого-то дворянина, *Ицикзон* хотел донести обо всем изложенном начальству, но отец строго запретил ему делать это. Бывши в корчме у *Блоха*, *Ицикзон* застал там сборщика *Мане Банера* и *Айзика*. Сам *Сроль Блох* держал в руках красную бутылку; но, увидев *Ицикзона*, он спрятал ее под подушки; мальчик *Шлема Айзикович Лонсин* объяснил однако же *Ицикзону*, что *Сроль Блох* продал *Датновскому* сборщику крови на 10 рублей. Раввин очень боялся погрома со стороны населения, которое сильно возбуждено было похищением девочки, и решил ехать в *Шавли*, «чтобы попросить у полковника (т.е. у исправника) солдат для того, чтобы не было разбоя». Услышав это от него, *Ицикзон* сказал ему: «у тебя же на чердаке было дитя, а теперь ты едешь в *Шавли* просить у полковника солдат». Раввин рассердился, пошел к отцу *Ицикзона* и сказал: «убей твоего сына, потому что он – доносчик». И отец отчасти исполнил приказание раввина. «Он держал меня за волосы, – рассказывал *Ицикзон* следователям, – а *Сроль Блох* бил меня шестом так, что я был избит, как яблоко, – и обещали меня убить». После этого он уже отправился к комиссару и рассказал ему всё, что было ему известно о похищении и умерщвлении несчастной девочки. По требованию следователей, *Ицикзон* собственноручно написал всё свое показание и удостоверил его собственной подписью. На вопрос следователей: «употребляют ли вообще евреи кровь при

своих религиозных обрядах?» *Ицикзон* дал следующий, также собственноручно написанный, ответ:

«В заключение истинного моего показания и с полным убеждением удостоверяю, что евреи употребляют христианскую кровь по существующему издревле обычаю, в чем имеют книги, как о крови, так и о проклятии христиан; есть таковые и у Шавлянских евреев. Я сам читал у школьника *Шмуэля Лейбовича* странную книгу под заглавием «*Хумес*», изданную назад тому 600 лет. Тоже могу указать и прочие противозаконные книги в злобной закоснелости, если таковых не успели скрыть».

В частности, по заявлению *Ицикзона*, евреи оправдывают свой безчеловечный обычай ссылкой на Исход гл. 17, ст. 16; Исход гл. 12, ст. 23–28; Исход гл. 17 в комментарии Раши от 13–17; «*Ценаурена*» лист 65, «*Гагада*» – рассказ о выходе евреев из Египта, первый пассаж, «*Галаха*», «Слиход» на 3-й день пассаж, «*Мелахе-рахушим*», Исход гл. 12–25, «Иисус Навин», гл. 8, ст. 27–28, «Исаи» гл. 13, ст. 23–25. Указанные книги *Ицикзон* представил и в следственную комиссию, прибавив, что евреи относят к христианам всё, что в Библии говорится об амаликитянах, аморреях, аммонитянах и вообще идолопоклонниках. В особенности же раввины оправдывают употребление христианской крови в день пасхи перетолкованием слов Библии (Исх. 12, 22, 24, 26, 27): «Возьмите пучек иссопа и обмочите в кровь, которая в сосуде, и помажьте перекладину и оба косяка дверей кровью, которая в сосуде... Храните сие, как закон для себя и для сынов своих на веки... И когда скажут вам дети ваши: что это за служение? скажите им: это – пасхальная жертва Господу»... Показание *Ицикзона* было убийственно для евреев, и они употребили с своей стороны всё, чтобы уничтожить его значение. Что же они сделали и чего они достигли? Во всей России они назначили своим единоверцам пост, совершали особые богослужения, прекратили на три дня даже свою торговлю, вызвали со всех сторон протесты, добились арестования *Ицикзона*, произвели по всем синагогам на это дело денежный сбор... *Ицикзон* явился в следственную комиссию и отказался от своего, им собственноручно написанного, показания, заявив, что он ничего не знает и ничего не видел. Немного времени спустя после этого, его нашли мертвым со вбитым в голову гвоздем... Впрочем, смерть его уже никого не интересовала. Евреи исполнили свою угрозу¹¹⁷...

4-го Апреля 1878 года, за день до еврейской пасхи, в селении *Перевисах Шаропанского* уезда, в 15-ти верстах от местечка *Сачхеры*, около трех часов пополудни, без вести пропала малолетняя девочка, дочь крестьянина *Сарра Модебадзе*. После обеда, вместе с старшею своею сестрою *Маией*, она ушла из дома родителей в дом соседа, крестьянина *Павла Цхададзе*, чтобы присутствовать при выжигании белил. Выжигание белил происходило недалеко от дома *Павла Цхададзе* в лесу, до такой степени мелком и редком, что с места выжигания белил можно было видеть не только так называемую *Садзалиховскую* дорогу, проходившую в 66 сажнях от этого места, но и каждого человека, как проходившего, так и проезжавшего по ней. Дорога эта вела чрез селение *Перевисы* в местечко *Сачхеры*. В три часа пополудни, в то время, когда *Маия Модебадзе* и *Елисавета Цхададзе* стали в лесу собирать валежник для поддержания огня, малютка *Сарра* ушла от места выжигания белил и направилась по дороге к своему дому. Возвратившись из лесу и не видя своей сестры, а между тем как бы предчувствуя нечто недоброе, *Маия* тотчас же отправилась домой. Но, к ужасу своему, она не нашла ее и дома. Тогда вся семья *Модебадзе* и соседи *Павел* и *Дата Цхададзе* и *Иван Капаназе* отправились искать *Сарру* как по дороге, так и в стороне от нее, причем два раза прошли без успеха в поисках пути, по которому *Сарра* должна была возвратиться домой. Такие поиски продолжались до наступления темноты. На следующий день, 5-го Апреля, об исчезновении своей дочери *Иосиф Модебадзе* заявил *Перевисскому* старшине. Старшина снарядил для розыска *Сарры* 80 человек крестьян. Они осмотрели каждый кустик, каждое ущелье, каждую тропинку. Искали они до полуночи, но не попали даже и на след пропавшей девочки. С раннего утра поиски продолжались и на следующий день. Убитый горем отец после этого заявил становому приставу об исчезновении своей дочери, причем высказал предположение, что девочка могла быть только похищена, так как заблудиться она не могла, потому что ей нередко приходилось одной ходить из дому к *Павлу Цхададзе* и дорога ей была хорошо известна, и что похитить ее могли только *Сачхерские* евреи, которые, по

¹¹⁷ Slady processow zydowskich o zamordowaniu dzieci w Polsce. Отдельные оттиски из №№ 168–171 Kurjer Poznanski 1882. Срв. Лютестанского, т. II, стр. 324–329.

свидетельству многих очевидцев, проезжали по *Садзаглихевской* дороге мимо того места, где *Цходадзе* выжигали белила, и притом в тот самый момент, когда *Сарра* вышла на дорогу. Когда *Модебадзе* возвратился из *Сачхер*, где жил становой пристав, домой, любимая дочь его *Сарра* была уже найдена, но только... мертвой и зверски замученной. 6-го Апреля, днем, подростки-пастухи совершенно неожиданно наткнулись у каменной ограды двора местного старшины на труп девочки и в испуге закричали. Услышав их крик, работавший в лесу крестьянин *Соломон Добраидзе* отправился к ним и, к крайнему удивлению своему, увидел, что труп находился на том месте, мимо которого накануне вечером он проходил, розыскивая именно *Сарру*, и ничего не видел. Осматривая труп он заметил, что на руках между пальцами была вырезана мякоть. Мать несчастной девочки, осмотрев труп своей дочери, увидела на обеих руках значительные порезы; любопытствовала поднять ножку ребенка и под коленками усмотрела очень глубокие порезы. Платье и рубаха на девочке были те же, в которых она ушла из дому; они были совершенно сухие, только на трупе они оказались разорванными пополам. Кроме матери, еще 9 свидетелей показали, что на пальцах обеих рук девочки было вырезано мясо и под коленками обеих ног были «порядочные» (глубокие) *порезанные* раны, так что снаружи видны были даже жилы. По показанию 11-ти свидетелей, на трупе была рубаха и платье сухие, чистые, без всяких следов крови, грязи или песку. В разрез с этими показаниями на суде пошел только школьный учитель *Филимон Микадзе*, утверждавший, что труп *Сарры* в момент его нахождения, был обнаженный, а на руках и ногах были следы песку, тогда как на предварительном следствии он утверждал противное, именно, что ни на трупе, ни на платье следов песку или наносной земли не было. На вопрос прокурора: «чем свидетель может объяснить противоречие в своих показаниях?» *Микадзе* отвечал, что на предварительном следствии он допрашивался без присяги, а потому и счел возможным дать показание заведомо ложное с целью отвлечь подозрение от бедных (!) евреев, на суде же показывает одну только правду (?), так как принимал присягу.

Уездный врач *Берно* для осмотра трупа явился 27-го Апреля. т.е. три недели (кавказской жары) спустя после его нахождения. Акт осмотра он составил не на месте самого осмотра трупа, как требует закон, а у себя на квартире спустя три дня после осмотра, по одной своей памяти. Он нашел, что на обеих руках, между большим и указательным пальцами заметна значительная потеря мягких частей, величиной около трех дюймов. На правой руке рана доходила до обнажения сухожилия большого пальца. Раны эти имели вид рвано-укушенных, с неровными, ушибленными безкровными краями, как будто нанесенных каким нибудь рвущим орудием. По мнению врача, эти раны причинены после смерти и произошли от нападения на труп мелких зверей и хищных птиц. По исследовании внутренностей, врач нашел: «а) переполнение кровью мозга, б) нахождение в гортани избитой беловатой жидкости, в) налитие слизистой оболочки гортани, г) вздутость легких, из которых при разрезах выступало обильное количество темной пенистой крови, д) переполнение правой и пустоту левой половины сердца и е) обильное количество мутноватой воды в желудке». Поэтому врач дал заключение, что смерть *Сарры* *Модебадзе* произошла от несчастного случая утопления во время проливного дождя. Но так как в день исчезновения *Сарры* никакого дождя не было и платье на трупе было совершенно сухое, то следовательно не нашел заключение врача соответствующим действительности. 16-го Мая произведено было переосвидетельствование трупа губернским врачом *Голубинским*, причем оказалось, «на тыльной стороне левой руки, на месте первого сустава указательного пальца, кругловатое отверстие величиною в гривенник; сухожилия и мышцы были целы; на правой руке, с тыльной же стороны был виден недостаток кожи, между большим и указательным пальцами, без повреждения мышц и сухожилий». По гнилости трупа, врач отказался дать заключение о времени нанесения этих ран и о причине смерти. Но, основываясь на данных первого свидетельства и вскрытии трупа, он нашел, что признаки утопления в нем недостаточны и что смерть *Сарры* *Модебадзе*, по его мнению, произошла от задушения. Общее присутствие управления медицинскою частью гражданского ведомства на Кавказе и в Закавказском крае, по недостаточности данных вскрытия трупа, не могло определить, произошла ли смерть *Сарры* от задушения, или утопления, но признало несомненным, что причину ее было воспрепятствование доступа воздуха к легким.

Между тем обстоятельствами дела и свидетельскими показаниями было установлено, что девочка *Сарра* *Модебадзе* 4-го апреля, за день до еврейской пасхи, была похищена евреями, проезжавшими по *Садзаглихевской* дороге, – *Исхаком Яковом* и *Мовшием Абрамовыми* *Цвениашвили*, *Шамуэлем Ароновым* и его сыном *Бичиею*, *Исхаком Мордаховым* и его сыном

Мордахом Хундиашвили, причем они, желая скрыть Сарру от глаз посторонних, насильно посадили ее в переметную сумку, прикрыв ее вещами, и несмотря на сопротивление и крики девочки, увезли ее за 15 верст в местечко *Сачхеры*, откуда труп этой девочки, с признаками задушения, был вывезен и подброшен к селению *Дорбандзе* в двух с половиною верстах от селения Перевисы. Как ни интересны в частностях показания отдельных свидетелей, но пределы нашего разсуждения не позволяют нам привести их здесь полностью.

Процесс этот, как и предшествующие, поднял на ноги всё еврейство. Запротестовали какие-то западно-европейские профессора; зашумели лже-либеральные газеты. Во всем мире евреи установили пост и общественные моления. Русское правительство и суд были заброшены грязью и незаслуженными упреками «за веру в средневековые предрассудки» и религиозную нетерпимость; на защиту подсудимых наехало множество знаменитых адвокатов еврейских с *Александровым* и *Куперником* во главе и с *Кикадзе* и *Лолуа* в хвосте. Корреспонденты из евреев дурачили публику извращенными и самоизмышленными отчетами о судебном разбирательстве... Картина знакомая и неизменно повторяющаяся при каждом случае обвинения евреев в умерщвлении христианских детей!.. Время было тогда либерально-нигилистическое; атмосфера была насыщена идеями беспочвенного космополитизма... И обвиняемые были оправданы...

В 1882 году, в Венгрии, в небольшом городке Тисса-Эсларе, раннею весною, без вести пропала 14-летняя девочка-христианка *Эсфирь Сольмосси*. Только 18-го Июня из реки Тиссы, возле местечка Дада, случайно был вытасчен сильно разложившийся труп девочки. – Медицинским освидетельствованием было установлено однако же совершенно точно, что тело было покрыто целым рядом уколов и порезов, указывавших на то, что девочка была умерщвлена обдуманно и планомерно и что она уже не была живую, когда была брошена в реку. Подозрение пало на евреев. Вся Венгрия была охвачена негодованием. Евреи, по обычаю, подняли гвалт на всю Европу: шумные собрания с выражением протестов были устраиваемы – в Вене, Праге, Берлине, Париже и Лондоне. Между тем когда началось следствие, 11-летний пасынок ритуального еврейского резника *Мориц Шарф* показал, что он видел, как ночью его вотчим *Соломон Шварц*, с тремя другими евреями, многочисленными ударами ножа убил Эсфирь Сольмосси, кровь которой была затем собрана в несколько сосудов. Убийство было совершено в уединенном сарае, и Мориц видел чрез щель всю ужасную картину его совершения. Соучастниками в злодеянии были: Авраам *Буксбаум*, Леопольд *Браун* и Эммануил *Таубе*. Известный хирург *Севастьян Ковач* дал заключение, что особенность ран и способ их нанесения являются достаточным доказательством ритуальности убийства. Когда начался суд, виновность подсудимых была вне всякого сомнения. Вдруг совершенно неожиданно председатель суда и прокурор были вызваны в Будапешт к министру-президенту Тиссе и министру юстиции. По возвращении из Будапешта, прокурор *Зейферт* заявил в суде, что он отказывается от дальнейшего обвинения подсудимых, и просит суд освободить их. Впоследствии граф *Андраша* объяснил, что венгерское правительство несколько не сомневалось в виновности евреев, совершивших ритуальное убийство христианской девочки, но еврейские банкиры принудили его прекратить дело¹¹⁸.

В 1809 году в Венгрии снова была обезкровлена и умерщвлена христианская девушка. Главный виновник этого злодеяния еврей *Гильснер* дважды был осужден на смертную казнь. На этот раз уже ничего не могли поделать и еврейские деньги.

2-го Марта 1900 года евреи чуть было не зарезали христианской девицы, крестьянки *Винценты Грудзинской* в *Вильне*, в доме реформатского синода, на Татарской улице. Около 2 часов ночи один еврей схватил ее за голову, а другой ножом или бритвой ударил ее по горлу и по левой руке, вследствие чего на левой стороне шеи у нее образовалась поперечная рана длиною в вершок, а глубиною до самого хряща шеи, другая рана таких же размеров – на плече. Раздавшийся в это мгновение на улице громкий крик привел евреев в сильное замешательство, воспользовавшись которым девушка вырвалась из рук убийц и выбежала на улицу, чем только и спасла себя от смерти. На вопрос: «какими побуждениями было вызвано это злодеяние?» *Грудзинская* ответила, что не знает, но для нас эти побуждения станут ясными, если мы примем во внимание, что злодеяние было совершено 2-го Марта 1900 года, т.е., за два дня до еврейской пасхи и в самый день еврейского праздника Пурим. Следствие по этому делу было ведено без надлежащей энергии. Хотя, по словам девушки, в совершении злодеяния участвовали два еврея, но она могла назвать только одного – парикмахера *Блондеса*. Поэтому и суду был предан только один *Блондес*;

¹¹⁸ Подробнее об этом в «Новом Времени» от 6-го ноября 1913 г. № 13, 526.

другой злодей остался *неразысканным* (!). Суд происходил при открытых дверях в Декабре 1900 года. Присяжные заседатели признали *Блондеса* виновным в нанесении *Грудзинской* двух ран острым режущим орудием, но без намерения лишить ее жизни (!). Суд нашел, что к деянию *Блондеса* должна бы быть применена ст. 1482 Ул. о Нак., но он понизил наказание по этой статье на одну степень, *в виду невежества подсудимого* (!) и потому приговорил его только к лишению всех особенных и лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и заключению в тюрьму на один год и четыре месяца.

Мартиролог замученных евреями христианских детей *пока* заканчивается обезкровлением и умерщвлением *Андрюши Ющинского*. Дело это еще слишком свежо в памяти всех русских людей; а обстоятельства его однородны с обстоятельствами всех других совершенных евреями убийств. Как сказано в обвинительном акте, 20 марта 1911 года, на окраине города Киева, в покрытой зарослями усадьбе *Бернера*, выходящей неотгороженной стороною на *Нагорную* улицу, вдали от построек, в одной из находящихся там неглубоких пещер, на расстоянии 150 сажен от этой улицы, был обнаружен труп мальчика. Труп находился в сидячем положении, упиравсь спиною и головою в одну и раздвинутыми в коленях ногами в другую, противоположную стенку одной из ниш пещеры. Руки были подогнуты за спину и в кистях туго связаны бичевкою. На трупе оказались только рубаха, кальсоны и один чулок. На голове и теле трупа видны поранения, но следов крови в пещере обнаружено не было. Убитый оказался 13-летним внебрачным сыном мещанки *Александры Приходько – Андреем Ющинским*, учеником приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища. При судебно-медицинском исследовании и вскрытии трупа, на теле его были обнаружены следующие повреждения: 1) на коже рук, в тех местах, где они были перевязаны бичевкою, оказались борозды с точечными кровоизлияниями под кожу. Такого же рода кровоизлияния были на соединительной оболочке век и глаз, а на внутренней поверхности губ заметны были следы от надавливания зубов, с ссаднениями слизистой оболочки. Кроме ссадин на голове, в теменной и затылочной областях оказалось *семь* колотых ран, пять из которых проникли в черепные кости, причем два из этих повреждений прошли глубже – одно в твердую мозговую оболочку, а другое в пазуху ее, вызвав кровоизлияние на левом полушарии мозга, под мягкую оболочку. На висках оказались такого же вида раны: на левом *одна* и на правом – *тринадцать*. Шесть ран из числа имевшихся на правом виске и рана на левом – проникли в кости. На правой стороне шеи обнаружено семь ран, на кadyке две и под нижней челюстью – одна рана. На правом боку, по подмышечной линии, оказалось четыре раны; на правой половине спины, по лопаточной линии, между подреберьем и тазом – также четыре раны; на левой половине груди, ниже соска, – *семь* ран и на мечевидном отростке – *одна* рана; 2) Соответственно ранам на теле обнаружены повреждения внутренних органов. На правом легком и на печени – по *три* ранения; на левом легком и на правой почке – по *одной* ране и на сердце – четыре раны, из которых одна нанесена была через легкое. Вокруг одной из ран, проникших в сердце, на коже осталось соединение кольцевидной формы. 3) Раны на теле частью были в виде уколов, частью – щелевидной, овальной и трехугольной формы, от двух до девяти миллиметров длиною. Также щелевидные повреждения оказались на костях черепа в тех местах, где не было прободения кости, сквозные же повреждения имели ромбовидную форму. 4) Раны на голове, левом виске и шее дали обильное кровотечение. Потеря крови от полученных повреждений была столь значительна, что тело оказалось почти *обезкровленным*. На основании сказанного профессор Киевского университета по кафедре судебной медицины *Оболонский* и прозектор по той же кафедре *Туфанов* дали следующее заключение: раны на голове и на шее были причинены при полной, а остальные – при значительно ослабленной деятельности сердца. При жизни Ющинского были связаны у него руки и *зжимался* с надавливанием на зубы *рот его*. Во время нанесения ему повреждений он находился в вертикальном, склоненном несколько влево, положении. Орудием причинения повреждений был колющий предмет вроде швейки или стилета сплюсненно-четырёхугольной формы с *долотообразно-отшлифованным* с двух сторон концом. Первые удары были нанесены в голову и шею, а последние – в сердце. Повреждения были наносимы несколькими лицами. Стремлением их было причинить *Ющинскому* возможно сильные мучения. В теле его осталось не более трети всего количества крови. *Ющинский* был убит не в пещере, где найден его труп, а где-то в другом месте, и затем втащен в пещеру головой вперед, в состоянии трупного окоченения. Член Медицинского Совета профессор *Косоротов*, вполне соглашаясь с заключением *Оболонского* и *Туфанова*, прибавил только, что, по его убеждению, злодей, умертвившие Ющинского, имели намерение получить возможно большее количество

крови для каких-то целей. Профессор Киевского университета врач-психиатр *Сикорский* дал заключение, что убийство *Ющинского* было совершено не душевно-больными, а лицами, привыкшими к убою животных, с целью, быть может, расовой мстительности, а еще вернее – в виде религиозного акта. Профессоры духовных академий: киевской – *Глаголев* и петербургской – *Троицкий* на вопрос: «допустимо ли предположение, что *Ющинский* пал жертвою религиозного фанатизма со стороны изуверской части еврейства?», ответили двусмысленно со склонением к отрицанию. Утвердительно и научно-обоснованно ответил на этот вопрос бывший профессор Императорской Римско-Католической духовной академии, в С.-Петербурге, по кафедре еврейского языка и литературы, магистр богословия, куратор всего Туркестанского края *Пранайтис*...

Как только стало известно заключение экспертов, еврейство всполошилось во всем мире. Гвалт и шум были подняты уже в большем размере, чем это бывало прежде в таких же случаях. За тысячами подписей появились в различных европейских государствах протесты знаменитых, до того времени никому, впрочем, неизвестных профессоров, ученых, писателей, адвокатов, государственных деятелей... Не обошлось без забастовок в университетах и среди заводских рабочих. Вся европейская периодическая печать, захваченная евреями или только закупленная ими, энергично и неустанно стала нападать на русское правительство за его религиозную нетерпимость к «угнетенному племени», к «бедным евреям», за его веру в «средневековые сказки» и т.д. Тактика обычная! Как и всегда, подкуплены были полицейские чины и сыщики. На сцену явились Мищуки и Красовские. Сотрудники «Киевской Мысли» евреи Борщевские, Ордынские, Бразули-Брушковские оказались вдохновителями полицейских сыщиков и руководителями следователей. Как и всегда, они удачно направили следствие на ложный путь и в сторону от еврейства; сначала, по их указанию, к обвинению были привлечены родная мать *Ющинского* и его отчим, затем киевские профессиональные воры. Тех и других арестовывали, сажали в тюрьму, допрашивали, освобождали... А время шло. Действительные злодеи заматали свои следы. Правительство переменяло следователя, и только тогда увидели, что злодеяние совершено евреями. Пять свидетелей указали, что управляющий кирпичным заводом *Зайцева* еврей *Бейлис*, 12-го Марта, в день умерщвления *Ющинского*, тащил его в помещение кирпичной печи, откуда он уже не возвращался более. Явилось и компрометирующее письмо *Бейлиса* к жене. Но судьба покровительствует евреям. Двое из самых важных свидетелей-очевидцев – *Женя Чеберяк* и его сестра *Людмила*, бывшие вместе с *Ющинским* в день его похищения, быстро умирают друг за другом. Остальные свидетели не говорят всего, что знают, потому что им «еще жизнь мила»... На суд, в качестве новых экспертов прибыли новые лица: знаменитые ученые и медики, на основании своей науки утверждающие, не краснея, что Андрюше были причинены поранения не только незначительные, а даже «забавные», что рубашка-предмет одушевленный и может двигаться сама, куда захочет, что злодеяние могло быть совершено не по религиозным побуждениям, а по половой извращенности убийц и т.д. Защиту еврейского изуверства приняли на себя знаменитые адвокаты *Карабчевский*, *Маклаков* и друг. Пошли опять забастовки студентов, рабочих, протесты даже присяжных поверенных всего округа петербургской судебной палаты, возмутительное лганье корреспондентов... При таких обстоятельствах присяжные заседатели вынесли свое решение: *Бейлис* невиновен в обезкровлении и зверском убийстве мальчика *Ющинского*, а злодеяние совершено на заводе *Зайцева*, где жило семь еврейских семейств и где, даже по заявлению защитника *Бейлиса*, еврея *Грузенберга*, русских убийц не могло быть...

Мы привели далеко не все случаи совершенных евреями убийств христианских детей. Мы останавливались только на тех, которые официально засвидетельствованы и не могут вызвать никаких сомнений и возражений. Но и приведенных нами случаев, по нашему убеждению, совершенно достаточно для того, чтобы самый упорный скептик мог видеть, что евреями были совершаемы обезкровления и умерщвления христианских детей с целью употребления их крови при религиозных обрядах и при суеверном лечении различных болезней. Правда, евреи и их защитники возражают, указывая на то, что обвиняемые сами не сознавались, а в средние века они сознавались под пытками и клеветали на себя, чтобы только избавиться от пыток. Что многие обвиняемые не сознавались – это верно и совершенно естественно: преступники ведь вообще не сознаются. Не сознаются часто и воры, и разбойники, и даже хулиганы... Но в приведенных нами делах есть случаи, когда добровольно сознавались и виновные евреи. Ссылка на пытки неосновательна и этот прием опровержения исторических фактов – устарелый. Даже английский министр Монтефиори, как мы видели, в письме к Наместнику Кавказа князю Воронцову не устыдился клеветать на русских следователей, будто бы они подвергают пыткам подсудимых,

чтобы вынудить у них «сознание» и что «вследствие этой пытки двое из них умерли»; но Воронцов с достоинством и основательно опроверг эту клевету. Пытки в средние века, да и потом практиковались во всех судебных процессах в западно-европейских государствах; но по этой причине еще нельзя отвергать достоверности средневековой истории. Как в других делах, так и в приведенных нами случаях судьи признавали заслуживающими доверия только те показания из-под пыток, которые не заключали в себе противоречий, были согласны с обстоятельствами дел и были даны подсудимыми, которые находились в тюрьмах в отдельных камерах, изолированно от других подсудимых. Да, наконец, и из-под пыток, как мы видели только немного было случаев, когда виновные сознавались... Но и без сознания виновников, без свидетельских показаний, для беспристрастного исследователя есть много оснований с прискорбием признать, что обвинение евреев в умерщвлении христианских детей – не пустой предрассудок. На это остроумно указал еще В.И. Даль.

«Не подлежит никакому сомнению, – говорит он (стр. 4) {[R-JEWS1](#)}, – что от времени до времени находимы были трупы без вести пропавших младенцев в таком искаженном виде и с такими признаками наружных насилий, кои вполне согласуются с образом мученической смерти и того рода убийства, в коем обвиняются евреи; во вторых, происшествия эти были исключительно в таких только местах, где живут евреи; спрашивается затем, какому же обстоятельству приписать возобновляющиеся по временам случаи мученической смерти младенца, рассудительно и осторожно замученного до смерти, – если обвинение несправедливо? Какую можно придумать причину или повод для такого злодейского истязания ребенка, если это не изуверство? Наружные признаки трупа показывали каждый раз положительно, что смерть никак не могла быть случайная, а умышленная и притом – обдуманная и продолжительная: всё тело истыкано или исколото, иногда клочки кожи вырезаны, язык и детородные части отрезаны, или сделано, у мальчиков, еврейское обрезание; иногда некоторые члены обрезаны, или ладони проколоты насквозь; нередко знаки и синяки от тугих перевязок, наложенных и опять снятых; вся кожа в ссадинах, будто обожжена или сильно терта; наконец, труп даже обмыт; на нем нет крови, равно как и на белье и на платье, которое было снято на время убийства и после опять надето. Чем ребенок или родители его могут подать повод к такому злодейству? Без цели это не могло быть сделано нигде никогда, а тем менее еще повторяться в разных местах почти одинаково. Простой убийца во всяком случае удовольствовался бы одним убийством»...

В конце своей книги, останавливая на этом обстоятельстве свое внимание снова, *Даль* говорит (стр. 122) {[R-JEWS1](#)}:

«Тут не одно убийство, а преднамеренное мученическое истязание невинного младенца и, следовательно, или наслаждение этими муками, или особенная цель, с ними соединенная... Откуда же эти одинаковым образом и умышленно искаженные трупы невинных ребят? Почему находят их там только, где есть жида? Почему это всегда дети христиан? И, наконец, почему случаи эти всегда бывали исключительно во время или около самой пасхи?..

Евреи и их нанятые защитники часто высказывают предположение, что подобные злодейства совершаются христианами с целью «подделаться» под евреев из-за вражды к ним и ненависти. Предположение это было известно также еще *Далю*, и он представляет основательное его опровержение, указывая на его бессмысленность и уверяя, что «прямее, естественнее, проще и вернее такому неразумному антисемиту мстить непосредственно жиду или жидам, убивая, вместо невинного христианского младенца, любого еврея, или даже нескольких». Мы к этому замечанию *Даля* прибавим только, что высказывающие приведенное предположение лишь подтверждают, что евреи, действительно, умерщвляют христианских детей, ибо «подделываться» можно лишь под то, что существует.

Евреи и еврейские писатели указывают, наконец, на то, что в первые века христианства римляне-язычники также ложно обвиняли христиан в умерщвлении младенцев и в ритуальном употреблении их крови. Да, такая сплетня была и она осталась только сплетней, ибо и из римских язычников, крайне ненавидевших христиан, никто никогда не указал ни одного конкретного случая, который дал бы повод обвинять христиан в столь ужасном злодеянии. Об евреях, к сожалению, этого сказать нельзя...

В Талмуде есть два слова для обозначения мацы: «мосса» (mossa) и «мосса гезира» (mossa gesira). На суде в Киеве, по делу *Ющинского*, было оглашено показание *Бондырева*, который у следователя сказал: «Я не говорил студенту Голубеву, что маца, которую пек Бейлис, называется

хакир (gesira), т.е. такая, к которой примешана христианская кровь». («Раннее Утро» № 227, «Земщина» № 1465). Но если есть название, то есть, конечно, и предмет, который им обозначается.

Беспристрастные исследователи, к числу которых, несомненно, должен быть отнесен и *Даль*, приходят к заключению, которое высказал еще император Николай I, а именно: что изуверный обычай умерщвления христианских детей ради их обезкровления не принадлежит всем евреям, а существует только в еврейской секте *хасидов* или *хасидым*, но и тут он составляет большую тайну и не всегда всеми исполняется¹¹⁹.

Такой же взгляд высказал и преосвященный епископ *Порфирий Успенский*. На запрос бывшего директора департамента иностранных исповеданий, Хрущова, по саратовскому делу он писал от 2-го Августа 1855 года: «Некогда я занимался ученым исследованием изуверства евреев, о новом проявлении которого вы писали мне в 30-й день Июля, и совершенно убежден в том, что оно есть *печальный остаток того ревностного служения их Молоху и Ремфану (Сатурну),* каким они заклеили себя еще за 1500 лет до Рождества Христова. Как христианские народы удержали многия языческие суеверия, так и евреи (разумеется не все) продолжают проливать кровь младенцев и отроков не их племени по древнейшему преданию, указывающему искупление целого рода их в кровавой человеческой жертве».

Взгляд, высказанный преосвященным Порфирием, мы разделяем всецело и безусловно. Но для нас непонятно только то, почему не разделяют его евреи? Мы недоумеваем отчего каждый раз, когда возникает дело об умерщвлении христианского ребенка *одним* или *несколькими* изуверными евреями, *все* безусловно евреи считают это дело своим, *общим всему еврейству* и употребляют все средства к тому, чтобы такое дело не было раскрыто во всей его наготы?

С этим недоумением, мы остаемся и теперь...

Проф.-Прот, Т.И. Буткевич.

Текст подготовлен к публикации в сети Интернет
Русским Православным сетевым Братством «Русское Небо» (RUS-SKY)
<http://rus-sky.com>
webmaster@rus-sky.com

---

¹¹⁹ *Даль* пишет (стр. 123) {[R-JEWS1](#)}: «Составитель записки сей (т.е., сам *Даль*) лично знал в западных губерниях наших ученого и образованного врача-еврея, – который в откровенном разговоре, глаз на глаз, об этом предмете сам сознавался, что обвинение это, без сомнения, основательно, что есть жида, которые в изуверстве своем посягают на такое возмутительное злодейство, но утверждал только, что это не есть обряд собственно еврейский, а вымысел выродков человечества». Так смотрит на ритуальные убийства, совершаемые евреями, и сам В.И. *Даль*.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-BUTKEV	1
Т.И. Буткевич	1
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ.....	1
Т.И. Буткевич. «Жертвоприношения»	2
Оглавление	66